

B 90975²/_{II}

419.

СОЧИНЕНІЯ А. ОСТРОВСКАГО.

II.

~~95-5~~
419.

СОЧИНЕНІЯ

А. ОСТРОВСКАГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНИЕ ГРАФА Г. А. КУШЕЛЕВА-БЕЗБОРОДКО

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП., ВЪ ТОРГОВОЙ, 17.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, было представлено въ Ценсурный Комитетъ
узакоенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 17 Октября 1858.

Ценсоръ *И. Гончаровъ.*

РІ
0-77

БѢДНОСТЬ НЕ ПОРОКЪ.

ПОСВЯЩЕНО ПРОВУ МИХАЙЛОВИЧУ САДОВСКОМУ.

БѢДНОСТЬ НЕ ПОРОКЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Л И Ц А.

ГОРДѢЙ КАРНЫЧЪ ТОРЦОВЪ, богатый купецъ.
ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА, его жена.
ЛЮБОВЬ ГОРДѢВНА, ихъ дочь.
ЛЮБИШЪ КАРНЫЧЪ ТОРЦОВЪ, его братъ, промотавшійся.
АФРИКАНЪ САВИЧЪ КОРШУНОВЪ, фабрикантъ.
МИТЯ, приказчикъ Торцова.
ЯША ГУСЛИНЪ, племянникъ Торцова.
ГРИША РАЗЛЮЛЯЕВЪ, молодой кучикъ, сынъ богатого отца.
АННА ИВАНОВНА, молодая вдова.
МАША { Подруги Любви Гордѣвны.
ЛИЗА {
ЕГОРУШКА, мальчикъ, дальній родственникъ Торцова.
АРИНА, нянька Любви Гордѣвны.
Гости, гости, прислуга, ражени и прочіе.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ купца Торцова, во время свитокъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Небольшая приказничья комната; на задней стѣнѣ дверь, на лѣво въ углу кровать, на право шкафъ; на лѣвой стѣнѣ окно, подлѣ окна столъ, у стола стулъ; подлѣ правой стѣны конторка и деревянная табуретка; подлѣ кровати пѣтара; на столѣ и конторкѣ книги и бумаги.

ЯВЛЕНІЕ I.

Митя ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ; Егорушка сидитъ на табуреткѣ и читаетъ Бову Королевича.

Егорушка (*читаетъ*).

«Государь мой батюшка, славный и храбрый король, Кирибѣтъ Верзоуловичъ, нынѣ итти за него смѣлости не имѣю, потому что когда я была во младости, то король Гвидонъ за меня сватался.»

М и т я.

Что, Егорушка, наши дома?

Егорушка (*зажимает пальцем то место, где читает, чтоб не ошибиться*).

Никого нѣтъ; кататься уѣхали. Одинъ Гордѣй Карнычъ дома. (*Читаетъ*) «На то сказалъ дочери своей Кириѣтъ Верзоуловичъ... (*зажимает пальцемъ*)... Только такой сердитый, что бѣда! Я ужъ ушелъ — все ругается. (*Читаетъ*) «Тогда прекрасная Милитриса Кирбитьевна, призвавъ къ себѣ слугу Личарду...»

М и т я.

На кого же онъ сердить?

Егорушка (*опять зажимаетъ*).

На дяденьку, на Любима Карныча. На второй-то праздникъ, дяденька Любимъ Карнычъ обѣдать у насъ, за обѣдомъ-то захмѣлѣлъ, да и началъ разныя колѣна выкидывать, да смѣшно таково. Я смѣшливъ вѣдь больно, не вытерпѣлъ, такъ и покатился со смѣху, а ужъ на меня глядя и всѣ. Дяденька Гордѣй-то Карнычъ принялъ это себѣ за обиду да за невѣжество, осерчалъ на него да и прогналъ. Дяденька-то Любимъ Карнычъ взялъ да въ отмѣстку ему и съозарничалъ, пошелъ да съ ишчими и сталъ у Собора. Дяденька-то Гордѣй Карнычъ говоритъ — осрамилъ, говоритъ, на весь городъ. Да теперь и сердится на всѣхъ бѣзъ разбору, кто подъ руку подвернется. (*Читаетъ*) «Съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы подступилъ подъ нашъ градъ.»

М и т я (*взглянувъ въ окно*).

Кажется, наши прѣехали.. Такъ и есть! Пелагея Егоровна, Любовь Гордѣевна, да и гости съ ними.

Егорушка (*прячетъ сказку въ карманъ*).

Побѣжать на верхъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

М и т я (*одинъ*).

Эка тоска, Госноди!... На улицѣ праздникъ, у всякого въ домѣ праздникъ, а ты сиди въ четырехъ стѣнахъ!... Всѣмъ-то я чужой,

ни родныхъ, ни знакомыхъ!... А тутъ еще.... Ахъ, да ну! есть лучше за дѣлю, авось тоска пройдетъ. (*Садится къ конторкѣ и задумывается, потомъ затъваетъ.*)

Красоты ея невозможно описать!...
Черны брови, съ новолокою глаза.

Да, съ новолокою. А какъ вчера въ собольемъ солопѣ, покрывшись платочкомъ, идетъ отъ обѣдни, такъ это.... ахъ!.. Я такъ думаю, и не привидано такой красоты! (*Задумывается потомъ поетъ.*)

Ужъ и гдѣ жъ эта родилась красота...*

Какже, поидеть тутъ работа на умъ! Все бы я думалъ объ ней!... Душу-то всю истерзала тосковавши. Ахъ ты горе-гореваньице!... (*Закрываетъ лице руками и сидитъ молча. Входитъ Пелагея Егоровна, одѣтая по зимнему, и останавливается въ дверяхъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Митя и Пелагея Егоровна.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Митя, Митинька!

Митя.

Что вамъ угодно?

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Зайди уже вечеркомъ къ намъ, голубчикъ. Поиграете съ дѣвushками, пѣсенокъ почете.

Митя.

Премного благодаренъ. Первымъ долгомъ сочту-съ.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Что тебѣ въ конторѣ все сидѣть одному! Не велико веселье! Зайдешь что-ли? Гордѣя-то Карныча дома не будетъ.

Митя.

Хорошо-съ, зайду безпремѣнно.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Уѣдетъ вѣдь опять.... да, уѣдетъ туда, къ этому, къ своему-то.... какъ его...?

Митя.

Къ Африкану Савичу-съ?

Пелагея Егоровна.

Да, да! Вотъ навизался, прости Господи!

Митя (*подавая стулъ*).

Присядьте, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Охъ, некогда. Ну да ужъ присяду немножко. (*Садится.*) Такъ вотъ подижь ты... этакая панасть! Право!.. Подружились вѣдь такъ, что на поди. Да! Вотъ какое дѣло! А зачѣмъ? Къ чему пристало? Скажи ты на милость! Человѣкъ-то онъ буйный, да пьяный, Африканъ-то Савичъ....да!

Митя.

Можетъ дѣла какія есть у Гордѣя Карыча съ Африканомъ Савичемъ.

Пелагея Егоровна.

Какія дѣла! Никакихъ дѣловъ нѣтъ. Вѣдь онъ-то, Африканъ-то, Савичъ, съ англичиною все пьютъ. Тамъ у него англичинъ на фабрикѣ директоръ — и пьютъ....да! А нашему-то не слѣдь съ ними. Да развѣ съ нимъ сговоришь! Гордость-то его одна чего стоитъ! Миѣ, говоритъ, здѣсь не съ вѣмъ компанію водить, все, говоритъ, сволочь, все, видишь ты, мужики, и живутъ-то по-мужицки; а тотъ-то, видишь ты, московскій, больше все въ Москвѣ.... и богатый. И что это съ нимъ сдѣлалось? Да вѣдь вдругъ, любезенькій, вдругъ! То все таки разсудокъ имѣлъ. Ну жили мы, конечно, не роскошно, а все таки такъ, что дай Богъ всякому; а вотъ въ прошломъ году въ отъѣздъ ѣздили, да перенялъ у кого-то. Перенялъ, перенялъ, ужъ миѣ сказывали.... всѣ эти штуки-то перенялъ. Теперь все ему наше русское не мило; ладить одно — хочу жить по-нынѣшнему, модами заниматься. Да, да!... Надѣнь, говоритъ, чепчикъ!... Вѣдь что выдумаетъ-то!... Прельщать что ли миѣ кого на старости, говорю, разныя прелести дѣлать! Тьфу! Ну вотъ подижь ты съ нимъ! Да! Не нилъ вѣдь прежде.... право.... никогда, а теперь съ этимъ съ Африканомъ пьютъ! Съ пьяну-то, должно быть, у него (*показывая на голову*) и помутилось. (*Молчаніе.*) Ужъ я такъ думаю, что это врагъ

его смущает! Какъ таки разсудку не имѣть!... Ну еще кабы молоденькій: молоденькому это и парадиться и все это лестно; а то вѣдь подь шестьдесятъ, миленькій, подь шестьдесятъ! Право! Модное-то ваше да нынѣшнее, я говорю ему, каждый день мѣняется, а русской то нашъ обычай снокопъ вѣку живетъ! Старики-то не глупѣй насъ были. Да развѣ съ нимъ стоворишь, при его же, голубчикъ, крутомъ-то характерѣ.

М и т я.

Что говорить! Строгій человекъ-съ.

П Е Л А Г Е Я Е Г О Р О В Н А.

Любочка теперь въ настоящей норѣ, надобно ее пристроить, а онъ одно задеть: нѣтъ ей ровни... нѣтъ, да нѣтъ!... Анъ вотъ есть!... А у него все нѣтъ... А каково же это материнскому-то сердцу!

М и т я.

Можетъ быть, Гордѣй Карнычъ хотять въ Москвѣ выдать Любовь Гордѣевну.

П Е Л А Г Е Я Е Г О Р О В Н А.

Кто его знаетъ, что у него на умѣ. Смотрить звѣремъ, ни словечка не скажетъ, точно я и не мать... да, право... ничего я ему сказать не смѣю; развѣ съ кѣмъ поговоришь съ постороннимъ про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего. *(Встаетъ.)* Заходи, Митинька.

М и т я.

Приду-съ. *(Гуслинь входитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и Гуслинь.

П Е Л А Г Е Я Е Г О Р О В Н А.

Вотъ и еще молодецъ! Приходи, Яшенька, уже къ намъ не верхъ съ дѣвушками пѣсни попѣть, ты вѣдь мастеръ, да гитару захвати.

Г у с л и н ь.

Хорошо-съ, это намъ не въ трудъ, а еще, можно сказать, въ удовольствіе-съ.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Ну, прощайте. Ийти соснуть полчасика.

ГУСЛИЦЪ И МИТЯ.

Прощайте-съ. (*Пелагея Егоровна уходитъ; Митя садится къ столу пригорюнившись; Гуслицъ садится на кровать и беретъ гитару.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Митя и Яша Гуслицъ

Гуслицъ.

Что народу было на катаньѣ!... И ваши были. Что жъ ты не былъ?

Митя.

Да что, Яша, обуяла меня тоска кручина.

Гуслицъ.

Что за тоска? Объ чемъ тебѣ тужить-то?

Митя.

Какъ же не тужить-то? Вдругъ въ голову взойдутъ такія мысли: что я такое за человѣкъ на свѣтѣ есть? Теперь родительница у меня въ старости и бѣдности находится, ее долженъ содержать, а чѣмъ?— Жалованье маленькое, отъ Гордѣя Карныча все обида да брань, да все бѣдностью попрекаетъ, точно я виноватъ... а жалованья не прибавляетъ. Поискалъ бы другаго мѣста, да гдѣ его найдешь безъ знакомства-то. Да, признаться сказать, я къ другому-то мѣсту и не пойду.

Гуслицъ

Отчего же не пойдешь? Вотъ у Разлюляевыхъ жить хорошо— люди богатые и добрые.

Митя.

Нѣтъ, Яша, не рука! Ужъ буду все терпѣть отъ Гордѣя Карныча, бѣдствовать буду, а не пойду. Такая моя планида!

Гуслицъ.

Отчего же такъ?

Митя (*встает*).

Такъ, ужъ есть тому дѣлу причина. Есть, Яша, у меня еще горе, да никто того горя не знаетъ. Ни кому я про свое горе не сказывалъ.

Гуслинь.

Скажи мнѣ.

Митя (*махнувъ рукою*).

Зачѣмъ!

Гуслинь.

Да скажи, что за важность!

Митя.

Говори не говори, вѣдь не поможешь!

Гуслинь.

А почему знать.

Митя (*подходитъ къ Гуслину*).

Никто мнѣ не поможетъ. Пронала моя голова! Полюбилась мнѣ больно Любовь Гордѣвна.

Гуслинь.

Что ты, Митя?! Да какъ же это?

Митя.

Да вотъ какъ ни какъ, а ужъ сдѣлалось.

Гуслинь.

Лучше, Митя, изъ головы выкинь. Этому дѣлу никогда не бывать, да и не раживаться.

Митя.

Знавши я все это, не могу своего сердца сообразить. «Любить друга можно, нельзя позабыть!..» (*Говоритъ съ сильными жестами.*) «Полюбилъ я красну дѣвицу пуще роду, пуще племени!... Злые люди не велятъ, велятъ бросить. перестать!»

Гуслинь.

Да, и то надоть бросить. Вотъ Анна Ивановна мнѣ и ровня: у ней пусто, у меня ничего,—да и то дяденька не велитъ жениться.

А тебѣ и думать нечего. А то заберешь въ голову, потомъ еще тяжелше будетъ.

М и т я (*декламируетъ*).

Что на свѣтѣ презестоко?—

•Презестока есть любовь!•

(*Ходитъ по комнатѣ*). Яша, читалъ ты Кольцова? (*Останавливается.*)

Г у с л и н ъ.

Читалъ, а что?

М и т я.

Какъ онъ описывалъ все эти чувства!

Г у с л и н ъ.

Въ точности описывалъ.

М и т я.

Ужъ именно что въ точности. (*Ходитъ по комнатѣ.*) Яша!

Г у с л и н ъ.

Что?

М и т я.

Я самъ пѣсню сочинилъ.

Г у с л и н ъ.

Ты?

М и т я.

Да.

Г у с л и н ъ.

Давай голосъ подберемъ, да и будемъ пѣть

М и т я.

Хорошо. На, вотъ. (*Отдаетъ ему бумагу.*) А я напишу не много,—дѣло есть: не равно Гордѣй Карнычъ спросить. (*Садится и пишетъ. Гуслицъ беретъ гитару и начинаетъ подбирать голосъ: Разлюлисъвъ входитъ съ гармоніей.*)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ-же и Разлюлиевъ.

Разлюлиевъ

Здравствуйте, братцы! (*Питерываетъ на гармоніи и приплясываетъ.*)

Гуслинь.

Эко, дуракъ! На что это ты гармонію-то купилъ?

Разлюлиевъ

Извѣстно на что — играть. Вотъ такъ... (*Играетъ.*)

Гуслинь.

Ну ужъ важная музыка.. нечего сказать! Брось, говорятъ тебѣ.

Разлюлиевъ.

Что жъ, не брошу развѣ!.. Коли захочу, такъ и брошу.... Вотъ важность! Денегъ что ли у насъ нѣтъ? (*Бьетъ себя по карману.*)
Звенять! У насъ гулять, такъ гулять! (*Бросаетъ гармонію.*)

Одна гора высока
А другая низка:
Одна мила далека,
А другая близка.

Митя (*ударяетъ Митю по плечу*), а Митя! Что ты сидишь?

Митя.

Дѣло есть. (*Продолжаетъ заниматься.*)

Разлюлиевъ.

Митя, а Митя, а я гуляю, братъ.... право слово, гуляю. Ухъ! ходи! (*Поетъ: Одна гора высока и проч..*) Митя, а Митя! весь праздникъ буду гулять, а тамъ за дѣло.... Право слово! Что жъ у насъ денегъ что ли нѣтъ? Вотъ они!... А я не пьянъ.... Нѣтъ, такъ гуляю.... весело....

Митя.

Ну, гуляй на здоровье.

Разлюлиевъ.

А послѣ праздника женюсь!... Право слово, женюсь! Возьму богатую.

Гуслицъ

Ну, вотъ слушай-ка, такъ-то ладно-ль будетъ?

Разлюляевъ.

Спой-ка, сной, я послушаю.

Гуслицъ (*поетъ*).

Нѣтъ то злѣй, постыжѣ
Злой спротеской доли,
Злѣе горы лютаго,
Тяжелѣй неволи.
Всѣмъ на свѣтѣ праздничекъ,
Тебѣ не веселье!..
Буйной ли головункѣ
Безъ вина похмѣлье!
Молодость не радуеть,
Красота не гѣшитъ;
Не зазноба—дѣвушка—
Горе кудри чешеть.

(Во все это время, Разлюляевъ стоитъ какъ вкопанный и слушаетъ съ чувствомъ; по окончаніи пѣнія всѣ молчатъ.)

Разлюляевъ.

Хорошо, больно хорошо! Жалко таково.... Такъ за сердце и хватаетъ. (*Вздыхаетъ.*) Эхъ, Яша! сыграй веселую, полно канитель то эту тянуть—нынче праздникъ. (*Поетъ.*)

«Ухъ! Какъ гусара не любить!
Это не годится!»

Подыгрывай, Яша. (*Гуслицъ подыгрываетъ.*)

Митя.

Полно вамъ дурачиться-то. Давайте-ка лучше сядемте въ кучку, да полегоньку пѣсенку споемъ.

Разлюляевъ.

Ладно! (*Садятся*).

Гуслицъ (*затѣваетъ; Митя и Разлюляевъ подтягиваютъ*).

Размолодчики вы молоденькіе,
Вы дружки мои....

(Входитъ Гордый Карпычъ; всѣ встаютъ и перестаютъ пѣть.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢ-ЖЕ и Гордѣй Карпычъ.

Гордѣй Карпычъ.

Что распѣлись! Горланягъ точно мужичье! *(Митя.)* И ты тудажь! Кажется, не въ такомъ домѣ живешь, не у мужиковъ. Что за полпивная! Чтобъ у меня этого не было впередъ. *(Подходитъ къ столу и разсматриваетъ бумаги.)* Что бумаги-то разбросалъ!...

Митя.

Это я счета провѣрялъ-съ.

Гордѣй Карпычъ *(беретъ книгу Кольцова и тетрадь со стихами).*

А это еще что за глупости?

Митя.

Это я отъ скуки, по праздникамъ-съ, стихотворенія господина Кольцова переписываю.

Гордѣй Карпычъ.

Какія нѣжности при нашей бѣдности!

Митя.

Собственно для образованія своего занимаюсь, чтобъ имѣть понятіе.

Гордѣй Карпычъ.

Образованіе! Знаешь ли ты, что такое образованіе?... А еще тудаже разговариваетъ! Ты бы вотъ сертучишко новенькій сшилъ! Вѣдь къ намъ на верхъ ходишь, гости бываютьъ... срамъ! Куда деньги-то дѣваешь?

Митя.

Маменькѣ посылаю, потому она въ старости, ей негдѣ взять.

Гордѣй Карпычъ

Матери посылаешь! Ты себя-то бы образилъ прежде; матери-то не Богъ знаетъ что нужно, не въ роскоши воспитана, чай сама хлѣвы затворяла.

Митя.

Ужь пуцай же лучше я буду терпѣть, да маменька, по крайности, ни въ чемъ не нуждается.

Гордѣй Карпычъ.

Да вѣдь безобразно! Ужь коли не умѣешь надъ собою приличія наблюдать, такъ и сиди въ своей конурѣ; коли голъ кругомъ, такъ нечего о себѣ мечтать! Стихи нишетъ, образованіе себя хочеть, а самъ какъ фабричный ходигъ! Развѣ въ этомъ образованіе-то состоитъ, что дурацкія ибени ибѣть. То-то глупо-то! (*Сквозь зубы и косясь на Митю.*) Дуракъ! (*По-молчанью.*) Ты и не смѣй показываться въ этомъ сертучникѣ на верхъ. Слышишь, я тебѣ говорю! (*Къ Разлюляеву.*) А ты тоже! Отець-то чай деньги лонатою загребаеть, а тебя въ этакоемъ зинунникѣ водить.

Разлюляевъ.

Что жъ такое! Онъ новыи... сукно-то французское, изъ Москвы выписывали, по знакомству... двадцать рублевъ аршинъ. Что жъ, нешто мнѣ этакую штуку надѣть какъ у Франца Федорыча, у аптекаря... кургузую; такъ его вонъ и дразнятъ всѣ: страмъ пальто! Такъ что жъ хорошаго людей смѣшнить!

Гордѣй Карпычъ.

Много ты знаешь! Да что, съ тебя взыскать-то нечего! Самъ-то ты глупъ, да и отецъ-то твой не больно умень... цѣлый вѣкъ съ засаленнымъ брѹхомъ ходить: дураками не просвѣщенными живете, дураками и умрете.

Разлюляевъ.

Ужь ладно.

Гордѣй Карпычъ (*строго*).

Что?

Разлюляевъ.

Ладно, молъ.

Гордѣй Карпычъ.

Неучъ, и сказать-то нутно не умѣешь. Говорить-то съ вами— только слова тратить; все равно, что стѣнѣ горохъ, такъ и вамъ дуракамъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢ-ЖЕ, БЕЗЪ ТОРЦОВА.

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Подико-сь, какой грозный! Ишь ты развоевался! Такъ вотъ теба и испугались.... Какже, держи карманъ-то!

Митя (*Гусину.*)

Вотъ она жизнь-то моя какова! Вотъ каково мнѣ сладко жить-то на свѣтѣ!

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Да отъ этакова житья—запъешь, право, запъешь! А ты брось, не думай. (*Запъваетъ.*)

•Одна гора высока,
•А другая низка;
•Одна мила далека,
•А другая близко.»

(*Входятъ: Любовь Гордѣевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТѢ-ЖЕ, ЛЮБОВЬ ГОРДѢВНА, АННА ИВАНОВНА, МАША И ЛИЗА.

АННА ИВАНОВНА.

Миръ честной компаніи!

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Милости прошу къ нашему шалашу.

МИТЯ.

Наше почтеніе-сь! Милости просимъ!... Какими судьбами...

АННА ИВАНОВНА.

А никакими, просто—взяли да и пришли. Гордѣй Карпычъ уѣхалъ, а Пелагея Егоровна отдохнуть легла, такъ теперь наша воля.... Гуляй не хочу!...

МИТЯ.

Просимъ покорно садиться. (*Садятся: Митя садится противъ Любовь Гордѣевны; Разлюляевъ ходитъ.*)

Анна Ивановна.

Надоело молча-то сидеть, орехи щелкать, — пойдемте, говорю, дѣвушки, къ парнямъ, а дѣвушкамъ и любо.

Любовь Гордѣевна.

Что ты выдумываешь-то? Мы не воображали сюда идти, — это ты выдумала.

Анна Ивановна.

Какже не такъ! Да ты первая... Известное дѣло, кому что нужно, тотъ объ томъ и думаетъ: парни объ дѣвкахъ, а дѣвки объ парняхъ.

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха... Это вы, Анна Ивановна, въ точности говорите.

Любовь Гордѣевна.

Вотъ ужъ никогда!

Маша (*Лизь.*)

Ахъ, стыдъ какой!

Лиза.

Это, Анна Ивановна, вы говорите совсѣмъ напротивъ.

Анна Ивановна.

Ахъ вы скромность! Ужъ сказала бы словечко, да не хорошо при парняхъ-то... Сама была въ дѣвкахъ, все знаю.

Любовь Гордѣевна.

Дѣвушка дѣвушкѣ рознь.

Маша.

Ахъ стыдъ какой!

Лиза.

Что вы говорите, это даже для насъ очень странно и, можно сказать, конфузно.

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!...

Анна Ивановна.

А объ чемъ сей часъ наверху разговоръ былъ? Хотите скажу!.. Ну, говорить что ли? Что, присмирѣли!

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха....

Анна Ивановна.

Ты что ротъ-то разинулъ! Не объ тебѣ — небось!

Разлюляевъ.

Хоша и не обо мнѣ, однако, можетъ быть, есть кто и объ насъ думаетъ. Мы знаемъ, что знаемъ! *(Приплясываетъ.)*

«Какъ гусара не любить!
Это негодится!»

Анна Ивановна *(подходитъ къ Гус-
лину)*.

Что же ты, бандуриеть, когда на мнѣ женишься?

Гуслинь *(играя на титарь)*.

А вотъ когда отъ Гордѣя Карныча разрѣшенше выдетъ. Куда намъ торониться-то, надъ нами не каплетъ. *(Киваетъ ей головой.)* Поди-ка сюда, Анна Ивановна, мнѣ нужно сказать тебѣ одно дѣло. *(Она подходитъ къ нему и садится подлѣ него; онъ ей шепчетъ на ухо, показывая на Любовь Гордѣевну и Митю.)*

Анна Ивановна.

Что ты говоришь?... Неужто!

Гуслинь.

Ужь это вѣрно такъ.

Анна Ивановна.

Ну, такъ хорошо, молчи! *(Говорятъ шопотомъ.)*

Любовь Гордѣевна.

Ты, Митя, придешь къ намъ уже вечеромъ?

Митя.

Приду-сь.

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

И я приду. Я больно плясать гораздъ. (*Становится ферттомъ.*)
Дѣвушки, полюбите меня кто нибудь.

МАША.

Какъ вамъ не стыдно! Что это вы такое говорите!

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Что жъ такое за важность! Я говорю — полюбите меня... да..
за мою простоту.

ЛИЗА.

Этого не говорить дѣвушкамъ. А должны были сами дожидаться,
чтобы васъ полюбили.

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Да, дождешься отъ васъ, какже! — (*Пляшетъ.*)

Какъ гусаря не любить!

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА (*взглянувъ на Митю*).

Можетъ быть, кто нибудь и любить кого нибудь, да не скажетъ:
надобно самому догадаться.

ЛИЗА.

Какая же дѣвушка въ мѣрѣ можетъ сказать это.

МАША.

Конечно.

АННА ИВАНОВНА (*подходитъ къ нимъ
и поглядываетъ то на Любовь
Гордьевну, то на Митю и за-
пѣваетъ.*)

Ужъ и какъ это видно.
Коли кто кого любитъ —
Противъ милаго садится,
Тяжеленько вздыхаетъ.

МИТЯ.

На чей счетъ это принимать нужно?

АННА ИВАНОВНА.

Ужъ мы знаемъ на чей.

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Стойте, дѣвушки, я вамъ пѣсню спою.

АННА ИВАНОВНА.

Спой, спой!

РАЗЛЮЛЯЕВЪ (*поетъ протяжно.*)

Летать медвѣдь по поднебесью....

АННА ИВАНОВНА.

А ты хуже этой-то не знаешь.

ЛИЗА.

Даже можно принять это въ насмѣшку.

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

А коли эта не хороша, я вамъ другую спою; я вѣдь веселый.
(*Поетъ.*)

Ахъ бей въ доску,
Помнивай Москву!
Москвѣ хочется жениться —
Коломву взять.
А Тула-то хохочетъ,
Да въ приданое не хочетъ!
А гречиха по четыре,
Крупа по сороку,
Вотъ просо у насъ гривна,
А ячмень три алтына.

(*Обращаясь къ дѣвушкамъ.*)

Вздешевѣлъ бы и овесъ —
Больно дорого провозъ!

Видите, погода какова!

МАША.

Это къ намъ не относится.

ЛИЗА.

Мы мукой не торгуемъ.

АННА ИВАНОВНА.

Да ты что пристала! Ты воть отгадай загадку. Что такое:
кругла — да не дѣвка; съ хвостомъ — да не мышь?

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Это штука мудреная!

Анна Ивановна.

То-то мудреная!... Вотъ ты и думай! Ну, дѣвушки, пойдите.
(*Дѣвушки встаютъ и собираются идти.*) Парни, пойдите.
(*Гуслицъ и Разлюляевъ собираются.*)

Митя.

А я послѣ приду. Я тутъ уберу кой-что.

Анна Ивановна (*пока собираются.*)

Вечоръ дѣвки.

Вечоръ красны.

Вечоръ дѣвки пиво варивали.

Зашель къ дѣвкамъ.

Зашель къ краснымъ.

Зашель къ дѣвкамъ да незваный гость.

(*Анна Ивановна за дверью пропускаетъ вѣхъ, исключая
Любови Гордѣевны — затворяетъ и не пускаетъ ее.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Митя и Любовь Гордѣевна.

Любовь Гордѣевна (*у двери.*)

Перестаньте, не дурачьтесь. (*За дверью дѣвчій смѣхъ.*) Не пускаютъ!..... Ахъ какія! (*Отходитъ отъ дверей.*) Баловницы, право!...

Митя (*подавая стулъ.*)

Присядьте, Любовь Гордѣевна, побесѣдуйте минуточку. Я очень радъ, видѣвши васъ у себя.

Любовь Гордѣевна (*садится.*)

Чему тутъ радоваться, я не понимаю.

Митя.

Да какже-съ!... Мнѣ очень пріятно-съ видѣть съ вашей стороны такое вниманіе, сверхъ моихъ для васъ заслугъ. Вотъ ужъ другой разъ я имѣю счастье-съ...

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

Ну что жь! Пришла, посетила и ушла, въ этомъ важности не состоитъ. Я, пожалуй, и сей часъ уйду.

Митя.

Ахъ нѣтъ, не уходите-съ!... Для чего же-съ!... (*Вынимаетъ изъ кармана бумагу.*) Позвольте мнѣ презентовать вамъ мой трудъ... какъ умѣю, отъ души.

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

Это что такое?

Митя.

Сообственно для васъ сочинилъ стихи.

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА (*стараясь скрыть радость*).

Еще можетъ быть глупость какая-нибудь... не стоитъ читать.

Митя.

Этого я не могу судить, потому какъ самъ я это писалъ и притомъ неучимшись.

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

Прочитай.

Митя.

Сей часъ-съ. (*Садится подлѣ стола и беретъ бумагу; Любовь Гордьевна подвигается къ нему очень близко.*)

Не цвѣточекъ въ полѣ виетъ, не былинка —
Виетъ, сохнетъ добрый молодецъ—дѣтница.
Полюбилъ онъ красну дѣвицу на горе.
На несчастьице себѣ да на большое.
Но напрасну свое сердце парень губить.
Что неровнюшку дѣвицу парень любить:
Во темну ночь красну солнцу не всходити.
Что за парнемъ красной дѣвицѣ не быти.

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА (*сидитъ нѣсколько времени задумавшись*).

Дай сюда. (*Беретъ бумагу и прячетъ, потомъ встаетъ.*)
Я тебѣ сама напишу.

Митя.

Вы-съ?!

Любовь Гордеевна.

Только стихами я не умѣю, а такъ, просто.

Митя.

Завеликое счастье почти для себя ваше такое одолженіе-съ. (*Даетъ бумагу и перо.*) Извольте-съ.

Любовь Гордеевна.

Жаль только, что скверно пишу-то. (*Пишетъ; Митя хочетъ взглянуть.*) Только ты не смотри, а то я брошу писать и изорву.

Митя.

Я не буду смотрѣть-съ. Но вы позвольте мнѣ на ваше снисхожденіе соответствовать тѣмъ же, сколько могу, и написать для васъ стихи вторично-съ.

Любовь Гордеевна (*положивъ перо*).

Пиши, пожалуйста. Только пальцы всё выначкала, кабы знала, лучше бы не писала.

Митя.

Пожалуйте-съ.

Любовь Гордеевна.

На, возьми. Только ты не смѣй читать при мнѣ, а прочти послѣ, когда я уйду. (*Складываетъ бумажку и отдаетъ ему; онъ прячетъ въ карманъ.*)

Митя.

Будетъ по вашему желанію-съ.

Любовь Гордеевна (*встаетъ*).

Придешь къ намъ на верхъ?

Митя.

Приду-съ.... сію минуточку-съ.

Любовь Гордеевна.

Прощай.

Митя.

До пріятнаго свиданія-сь. (*Любовь Гордѣевна идетъ къ дверямъ; изъ дверей выходитъ Любимъ Карпычъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ-ЖЕ и Любимъ Карпычъ.

Любовь Гордѣевна.

Ахъ!

Любимъ Карпычъ (*указывая на Любовь Гордѣевну*).

Стой! Что за человѣкъ? По какому виду? За какимъ дѣломъ? Взять ее подъ сумиѣніе.

Любовь Гордѣевна.

Это вы, дяденька!

Любимъ Карпычъ.

Я, племянница! Что, испугалась! Ступай, не бось! Я не доващикъ, а кладу все въ ящикъ, разберу послѣ, на досугѣ.

Любовь Гордѣевна.

Прощайте! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Митя и Любимъ Карпычъ.

Любимъ Карпычъ.

Митя, прими къ себѣ купеческаго брата Любима Карпова сына Торцова.

Митя.

Милости просимъ.

Любимъ Карпычъ (*садится*).

Братъ выгналъ! А на улицѣ, въ этомъ бурнусѣ, немного натапцнешь! Морозы.... время крещенское—брррръ.... И руки-то озябли, и ноги-то ознобилъ—брррръ. ..

М и т я.

Погрѣйтесь, Любимъ Карнычъ.

Любимъ Карнычъ.

Ты меня не прогонишь, Митя? А то вѣдь замерзну на дворѣ-то... какъ собака замерзну.

М и т я.

Какъ можно, что вы говорите!...

Любимъ Карнычъ.

Вѣдь вотъ братъ выгналъ же. Ну, пока деньжонки были, шмыка кой-гдѣ по теплымъ мѣстамъ; а денегъ нѣтъ — нигдѣ не пускаютъ. А и денегъ-то было два франка да нѣсколько сантимовъ! Не великъ капиталъ! Каменный домъ не выстроишь!... Деревни не купишь!... Какъ же надо поступить съ этимъ капиталомъ? Куда его дѣть? Не въ ломбардъ его несть! Вотъ я этотъ капиталъ взялъ да прошилъ, промоталъ. Туда ему и дорога!

М и т я.

Зачѣмъ же вы пьете, Любимъ Карнычъ? Черезъ это вы сами себѣ врагъ!

Любимъ Карнычъ.

Зачѣмъ я пью?... Отъ глупости! Да, отъ своей глупости. А ты думалъ отъ чего?

М и т я.

Такъ вы лучше перестаньте.

Любимъ Карнычъ.

Нельзя перестать: на такую линію попалъ.

М и т я.

Какая же это линія?

Любимъ Карнычъ.

А вотъ слушай ты, живая душа, какая это линія. Только ты слушай, да на усь мотай. Остался я послѣ отца, видишь ты, малъ малехонекъ, съ коломенскую версту, лѣтъ двадцати несмышленочекъ.

Въ головѣ-то, какъ въ пустомъ чердакѣ, вѣтеръ такъ и ходитъ! Раздѣлились мы съ братомъ: себѣ онъ взялъ заведеніе, а мнѣ далъ деньгами, да билетами, да векселями. Ну, ужъ какъ онъ тамъ раздѣлилъ—не наше дѣло, Богъ ему судья. Вотъ я и поѣхалъ въ Москву по билетамъ деньги получать. Нельзя не ѣхать! Надо людей посмотреѣть, себя показать, высокаго тону набраться. Опять же я такой прекрасный молодой человекъ, а еще свѣту не видывалъ, въ Частномъ домѣ не почевывалъ. Надобно до всего дойти! Первое дѣло, одѣся франтомъ, знай дескать нашихъ! То есть такого-то дурака разыгрываю, что на рѣдкость! Сей часъ, разумѣется, по трактирамъ.... Шипленьки полька, дайте еще бутылочку похолодите. Пріятелей, друзей завелось, хоть прудъ пруди! По театрамъ ѣздилъ....

М и т я.

А вѣдь это, должно быть, Любимъ Карнычъ, очень хорошо въ театрѣ представляютъ.

Лю б и м ь К а р н ы ч ь.

Я все трагедію ходилъ смотрѣть, очень любилъ, только не видалъ ничего путевъ, и не помню ничего, потому что больше все пьяный. *(Встаетъ.)* «Ней подь пожемы Проконя Лянунова!» *(Садится.)* Такимъ-то побытомъ, деньжошки всѣ я ухнулъ; что осталось, повѣрилъ пріятелю Африкану Коршунову на обѣду, да на честное слово; съ нимъ же я шлъ да гулялъ, онъ же всему безнуетству заводчикъ, главный заторщикъ изъ бражнаго, онъ же меня и надулъ, вывелъ на свѣжую воду. И сълъ я, какъ ракъ на мели: вынуть не на что, а вынуть-то хочется. Какъ тутъ быть? Куда обѣжать, тоску дѣвать? Продавъ платье, всѣ свои модныя штуки, взявъ бумажками, размѣнялъ на серебро, серебро на мѣдныя, а тамъ только шшикъ да и все тутъ.

М и т я.

Какъ же вы жили, Любимъ Карнычъ?

Лю б и м ь К а р н ы ч ь.

Какъ жилъ? Не дай Богъ лихому татарину. Жилъ въ просторной квартирѣ, между небомъ и землей, ни съ боковъ, ни съ верху нѣтъ ничего. Людей стыдно, отъ свѣту хорониться, а выйти на Божій свѣтъ надобно: ѣсть нечего. Идешь по улицѣ, всѣ на тебя смотреть... Всѣ видѣли, какія я штуки выдѣлывалъ, на лихачахъ съ градомъ за-

катываль, а теперь иду оборванный, да обдерганный, небритый... Покачают головами да и прочь пойдутъ. Страмота, страмота, страмота! *(Сидитъ повься голову.)* Есть ремесло хорошее, коммерція выгодная — воровать. Да не гожусь я на это дѣло — совѣсть есть, опять же и страшно: ни кто этой промышленности не одобряеть.

М и т я.

Последнее дѣло!

.Любимъ Карнычь.

Говорять, въ другихъ земляхъ за это по талеру платять, а у насъ добрые люди по шеямъ колотять. Нѣтъ, братъ, воровать скверно! Это штука стара, ее бросить пора... Да вѣдь голодь-то не тетка, что нибѣдь надобно дѣлать! Сталь по городу скоморохомъ ходить, по конеечкѣ собирать, шута изъ себя разыгрывать, прибаутки разсказывать, артикулы разные выкидывать. Бывало, дрожншь съ утра раняго въ городѣ, гдѣ нибѣдь за угломъ отъ людей хоронншься, да дожидаетшься кунцовъ. Какъ прїѣдетъ, особенно кто побогаче, выскочншь, сдѣлаешь колѣно, ну и дастъ кто пятачекъ, кто гривну. Что наберешь, тѣмъ и дынешь день-то, тѣмъ и существуешь.

М и т я.

Вы бы лучше, Любимъ Карнычь, къ брату ѣхали, чѣмъ такъ жить-то.

.Любимъ Карнычь.

Нельзя, втянулся. Эхъ, Митя, попалъ на эту зарубку — не скоро соскочншь. Да ты не перебивай, твоя рѣчь впереди. Ну вотъ слушай! Простудился я въ городѣ — зима-то стояла холодная, а я вотъ въ этомъ пальтишкѣ щеголяль, въ кулаки подуваль, съ ноги на ногу перепрыгиваль. Свезли меня добрые люди въ больницу. Какъ сталь и выздоравливать, да въ разсудокъ приходить, хмѣлю-то нѣтъ въ головѣ — страхъ на меня попалъ, ужасть на меня нашла!... Какъ я жилъ? Что я за дѣла дѣлалъ? Сталь я тосковать, да такъ тосковать, что кажется, умереть лучше. Такъ ужъ рѣшился, какъ совѣмъ выздоравѣю, такъ сходить Богу помолиться да итти къ брату, нусть возьметъ хоть въ дворники. Такъ и сдѣлалъ. Бухъ ему въ ноги!... Будь, говорю, вмѣсто отца! Жилъ такъ и такъ, теперь хочу за умъ взяться. А ты знаешь, какъ братъ меня принялъ! Ему, видишь,

стыдно, что у него братъ такой. А ты поддержи меня, говорю ему,— оправь, обласкай, я человекъ буду. Такъ иѣтъ, говоритъ, — куда и тебя дѣну. Ко мнѣ гости хорошіе ѣзять, купцы богатые, дворяне: ты, говоритъ, съ меня голову снимешь. Но моимъ чувствамъ и понятіямъ мнѣ бы совсѣмъ, говоритъ, не въ этомъ роду родиться. Я, видишь, говоритъ, какъ живу: кто можетъ замѣтить, что у насъ тенька мужикъ былъ? Съ меня, говоритъ, и этого стыда довольно, а то еще тебя на шею навязать. Сразилъ онъ меня, какъ громомъ! Съ этихъ-то словъ я опять сталъ зашибаться немного. Ну да, я думаю, Богъ съ нимъ, у него вотъ эта кость очень толста. (*Показываетъ на лобъ.*) Ему, дураку, наука нужна. Намъ, дуракамъ, не въ прокъ богатство, оно насъ портитъ. Съ деньгами нужно обращаться умѣючи. (*Дрсмлетъ.*) Митя, я полежу у тебя, мнѣ соснуть хочется.

М и т я.

Прилягте, Любимъ Карнычъ.

Любимъ Карнычъ (*встаетъ*).

Митя, ты мнѣ денегъ не давай.... то-есть, много не давай, а немножко дай. Я вотъ сосну, да схожу погрѣться немного, понимаешь!... Только я немного... ни, ни!... Будеть дурачиться.

М и т я (*вынимаетъ деньги*).

Вотъ извольте, сколько вамъ нужно.

Любимъ Карнычъ (*беретъ*).

Гривеникъ надо. Тутъ все серебро, мнѣ серебра не надо. Ты дай мнѣ еще семитку, вотъ и будетъ въ настоящей тактъ. (*Митя даетъ.*) Вотъ и довольно. Добрая ты душа, Митя! (*Ложится*). Братъ не умѣетъ цѣнить тебя. Ну да я съ нимъ штуку сдѣлаю. Дуракамъ богатство — зло! Дай умному человекъ деньги, онъ дѣло сдѣлаетъ. Я походилъ по Москвѣ-то, я все видѣлъ, все.... Большую науку произошелъ! А дураку лучше денегъ не давай, а то онъ заломается.... фу, фу, фу, трр.... вотъ какъ братъ, да какъ и скотина... (*Полусоннымъ голосомъ.*) Митя, я почевать къ тебѣ приду.

М и т я.

Приходите. Тенерь контора пустая... праздники...

Любимъ Карнычъ (*засыпая*).

А я съ братомъ смѣшную штуку сдѣлаю. (*Засыпаетъ.*)

Митя (*подойдя къ двери, вынимаетъ письмо изъ кармана*).

Что-то тутъ? Боюсь!... Руки дрожать!... Ну ужъ что будетъ, то будетъ—прочитаю. (*Читаетъ.*) «И я тебя люблю. Любовь Торцова.» (*Схватываетъ себя за голову и убѣгаетъ.*)

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ II.

Гостиная въ домъ Торцова. У задней стѣны диванъ, передъ диваномъ круглый столъ и шесть креселъ, по три на сторонѣ; въ лѣвомъ углу дверь; на стѣнахъ по зеркалу и подъ ними маленькіе столики; въ боковыхъ стѣнахъ по двери и дверь на задней, въ углу. На сценѣ темно; изъ лѣвой двери свѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Любовь Гордѣевна и Анна Ивановна (*входитъ изъ двери освѣщенной*).

Что жъ это они не идутъ, соколы-то наши?... Не сходить ли за ними?

Любовь Гордѣевна.

Нѣтъ, не надо. А то, пожалуй, сходи. (*Обнимаетъ ее*). Сходка, Аннушка.

Анна Ивановна.

Что, видно, защемило сердечко-то?

Любовь Гордѣевна.

Ахъ, Аннушка, какъ я его люблю-то, кабы ты знала!...

Анна Ивановна.

А ты, дѣвка, люби да ума не теряй. Недавай повадки, чтобъ не было оглядки. Посмотри прежде хорошенько, каковъ парень-то.

Любовь Гордѣевна.

Парень-то хорошій.... Больно ужъ онъ мнѣ по сердцу, такой тихій да сиротливый.

Анна Ивановна.

Ну а коли хорошъ, такъ люби, тебѣ ближе знать. Я вѣдь такъ говорю, къ примѣру. Мало ли нашей сестры отъ нихъ плачутся. Долго-ль до грѣха, не спросившись-то ума-разума.

Любовь Гордѣевна.

Что наша любовь? какъ былинка въ полѣ — не разцвѣтеть путемъ да и поблѣкнуть.

Анна Ивановна.

Постой-ка, дѣвушка, никакъ кто-то идетъ. Не онъ ли? Я пойду, а ты подожди, можетъ это и онъ.... Потолкуете по душѣ. (*Уходитъ. Входитъ Митя.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

Любовь Гордѣевна и Митя.

Любовь Гордѣевна.

Кто тамъ?

Митя.

Я-съ: Митя.

Любовь Гордѣевна.

Чтожъ ты такъ долго не шелъ?

Митя.

Меня задержали-съ (*Подходитъ.*) Любовь Гордѣевна, вы одинъ-съ?

Любовь Гордѣевна.

Одна. А что?

Митя.

Любовь Гордѣевна, какъ прикажете понимать вашу записку, въ правду или въ шутку-съ? (*Любовь Гордѣевна молчитъ.*) Скажите, Любовь Гордѣевна! Я теперича нахожусь въ такомъ сумѣшнн, что не могу этого вамъ выразить. Положеніе мое въ вашемъ домѣ вамъ извѣстно-съ: отъ всякаго завнсимъ, отъ Гордѣя Карпыча я, можно сказать, пренебреженъ совсѣмъ; у меня только и было одно чувство что къ вамъ-съ; еслиже отъ васъ я буду принять въ насмѣшку, значитъ лучше мнѣ не жить на свѣтѣ-съ. Это вы повѣрьте душѣ моей. Я вамъ истину говорю-съ.

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

Нѣтъ, Митишка, я тебѣ въ правду написала, а не въ шутку.
А ты меня любишь?

Митя.

Конечно, Любовь Гордьевна, я не умѣю вамъ всего выразить,
что чувствую; но хотя позвольте тѣмъ завѣрить, что я имѣю у себя
сердце, а не камень. Вы можете мою любовь видѣть изъ всего-съ.

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

А я думала, что ты любишь Анну Ивановну.

Митя.

Это не правда-съ.

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

Право, мнѣ такъ сказывали.

Митя.

Если бѣ это была правда, значить, что же я за человѣкъ послѣ
этого! Могу ли я выразить словами то, чего сердце не чувствует!
А я считаю такъ, что это безчестно. Я и того, можетъ быть, не
стою, что вы ко мнѣ вниманіе имѣете, а не то что васъ обмануть.

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

Вамъ нельзя вѣрить: все мужчины на свѣтѣ обманщики.

Митя.

Пуцай же ихъ обманщики, но только не я.

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

Почемъ знать! Можетъ быть и ты обманываешь, хочешь на-
смѣшку надо мной сдѣлать.

Митя.

Легче бы мнѣ, кажется, умереть на этомъ мѣстѣ, чѣмъ слышать
отъ васъ такія слова! *(Отворачивается.)*

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

Нѣтъ, Митя, я нарочно. Я знаю, что ты меня любишь; мнѣ
только такъ хотѣлось пошутить съ тобой. *(Митя молчитъ.)* Ми-

тинька, Митя.... Что жъ ты молчишь? Ты разсердился на меня? Я вѣдь говорю тебѣ, что шучу. Митя! Да ну же, скажи что нибудь. *(Беретъ его за руку.)*

Митя.

Эхъ, Любовь Гордѣевна, не шутки у меня на умѣ! Не такой я человекъ.

Любовь Гордѣевна.

Да не сердись.

Митя.

Ты, коли любишь, эти шутки брось! Не къ мѣсту онѣ. Эхъ, пронадай моя голова! *(Обнимаетъ ее.)* Развѣ силой возьмутъ, волей не отдамъ. Я за тебя, Люба, душу положу!

Любовь Гордѣевна *(прижимаясь къ нему)*.

Митинька, какъ же намъ быть-то теперь?

Митя.

Какъ быть? Не на то ужъ мы слюбились, чтобъ разставаться.

Любовь Гордѣевна.

А ну какъ да меня сговорять за кого нибудь?

Митя.

А вотъ что, Люба: — одно слово — надоть итти завтра къ Гордѣю Карнычу намъ вмѣстѣ, да въ ноги ему. Такъ и такъ, молъ, на все ваша воля, а намъ другъ безъ друга не жить. Да ужъ коль любишь друга, такъ забудь гордость!

Любовь Гордѣевна.

Какая гордость, Митинька! До гордости ли теперь! Ты, Митинька, не сердись на меня, не попомни моихъ прежнихъ словъ: это только дѣвичья глупость была одна, я виноюсь передъ тобой! Не шутки съ тобой шутить, а приласкать бы мнѣ тебя бѣднаго надо было. *(Прилегалась къ нему на грудь.)* А ну какъ тятенька да не захочетъ нашего счастья, — что тогда?

Митя.

Что загадывать впередъ, тамъ какъ Богъ дастъ. Не знаю какъ тебѣ, а мнѣ безъ тебя жизнь не въ жизнь! *(Молчаніе.)*

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

Идетъ кто-то!... Стунай, голубчикъ, потихоньку, а я послѣ приду
(*Митя тихо уходитъ; Арина входитъ со свѣчей; Любовь Гордьевна идетъ къ ней на встрѣчу*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Арина, Любовь Гордьевна и потомъ Егорушка.

Арина.

Ну тебя! Перенугала совѣтъ. Что ты тутъ дѣлаешь? Маменька тамъ ищетъ тебя, а ты вотъ гдѣ. Что-й-то въ потемкахъ-то бродишь. Ишь ты, скромница, несмѣяна царевна. (*Любовь Гордьевна уходитъ.*) Ужь и въ самомъ дѣлѣ не было-ль тутъ кого съ ней. (*Смотритъ по угламъ.*) И я то, дура, на кого подумала! (*Зажигаетъ свѣчи.*) Вѣдь ишь ты грѣхъ-то какой придетъ на старости лѣтъ. (*Егорушка входитъ.*) Поди, Егорушка, позови совѣдникъ дѣвушекъ. Скажи, молъ. Пелагея Егоровна приказала звать ибени ибты.

Егорушка.

Ой! Что ты, Аринушка, матушка! (*плачетъ.*)

Арина.

Чему жъ ты радъ-то, глухой!

Егорушка.

Еще бъ не радоваться, этакое веселье! Ай, ай, ай!... (*прыгаетъ.*)

Арина.

Еще, можетъ, ряженые будутъ; молодцы нарядиться хотѣли.

Егорушка.

Ай, умру! Батюшки, умру!

Арина.

Да что ты, пострѣленокъ?

Егорушка.

Да со смѣху умру; смѣшивъ я больно, бабушка!

Арина.

А ты самъ нарядись.

ЕГОРУШКА.

Наряжусь, наряжусь! Ай, батюшки, ай, ай, ай.

АРИНА.

Да ты ъвги поскорѣй за дѣвками-то.

ЕГОРУШКА.

Въ секундѣ! (*Уходитъ. Входитъ Пелагея Егоровна.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

АРИНА и ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Аринушка, послала ты за дѣвушками-то?

АРИНА.

Послала, матушка.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Го-то. Пусть поноють съ нашими-то, Любушку съ гостями потѣшать. Но тѣхъ норь и веселиться-то, пока молоды... да; извѣстно, дѣлю дѣвичье, въ заперти да въ заперти, свѣту не видягь.... Ну а теерь ихъ празднигь... да, ужъ пусть ихъ, пусть ихъ!

АРИНА.

Чтожъ, матушка, чтожъ! Пускай ихъ, чтожъ!

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Да мадерки, Аринушка, мадерки-то... постарше которымъ: ну а молодымъ пряничковъ, конфетокъ, тамъ что знаешь... да! Сама ужъ, сама ужъ догадайся. Да мадерки-то, Аринушка, не забудь.

АРИНА.

Знаю, матушка, знаю. Ужъ всего ъдетъ довольно. Сей часъ, матушка, сей часъ.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Да молодцамъ-то закусочки.

Арина.

Все, все, матушка, будетъ. Ужь ты не безпокойся, ты поди къ гостямъ-то, а я ужъ все съ удовольствіемъ сдѣлаю. (*Уходитъ.*)

Пелагея Егоровна (*подойдя къ двери*).

Дѣвушки, молодцы, подите сюда, тутъ по просторѣй да по-свѣтлѣе. (*Входятъ Любовь Гордьевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляевъ, Митя, Гуслинь и два гостя 1 и 2.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Пелагея Егоровна, Любовь Гордьевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляевъ, Митя, Гуслинь и два гостя старухи 1-я и 2-я.

Пелагея Егоровна (*старухамъ*).

А мы вотъ здѣсь усядемся (*Садятся на диванъ, старухи подлѣ нея; Анна Ивановна и Гуслинь садятся на стулья и говорятъ тихо; Митя стоитъ подлѣ нихъ; Маша, Любовь Гордьевна и Лиза ходятъ по залѣ, обнявшись; Разлюляевъ ходитъ за ними.*)
Поглядимъ на нихъ, пусть ихъ играютъ.

Лиза.

И говорю: представьте, маменька, онъ не имѣетъ никакой политики въ разговорѣ, и даже такія слова говорить, что совѣмъ неучтиво.

Разлюляевъ.

Это не въ нашъ ли огородъ?

Лиза.

Не объ васъ рѣчь; ваше дѣло сторона. (*Продолжаетъ.*) Но за что же, маменька, я должна его любить... (*говоритъ шопотомъ*).

Пелагея Егоровна.

Я, матушка, люблю по старому, по старому... да, по нашему, по русскому. Вотъ мужъ у меня не любитъ, что дѣлать, характеромъ такой вышелъ. А я люблю, я веселая... да... чтобъ поподчивать, да чтобъ мнѣ пѣсни пѣли... да, въ родню въ свою: у насъ весь родъ веселый... пѣсельники.

1-я гостья.

Какъ я посмотрю, матушка, Пелагея Егоровна, иѣтъ того веселья, какъ прежде, какъ мы-то были молоды.

2-я гостья.

Иѣту, иѣту.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

И молодая-то была первая затейница — и поѣтъ и поплясать — ужъ меня взять... да... что иѣсець знала! Ужъ теперь такихъ и не поють.

1. гостья.

Иѣтъ, не поють, все новыя пошли.

2. гостья.

Да, да, вспомниешь старицу-то.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Яшенька, снойка какую нибудь иѣсенку старенькую. (*Гуслицъ беретъ гитару.*)

РАЗЛЮЛЯЕВЪ (*дѣвушкамъ*).

Стало бытъ, ужъ мнѣ и не дожидаться: видно, отъ васъ никакого толку не будетъ.

ЛИЗА.

Какого вамъ толку, я не понимаю.

МАША.

Даже смѣшно слышать.

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Да, вамъ смѣшно, а мнѣ-то какво? За что въ самомъ дѣлѣ не любите?

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

Сядете. (*Садится.*)

Г у с л и н ь (поетъ).

За рѣченькой, за быстрою
Четыре двора:
Въ этихъ ли во дворишкахъ
Четыре кумы.
Вы кумушки, голубушки,
Подружки мои,
Кумитеса, любитеса,
Любите меня.
Пойдете вы въ зеленый садъ—
Возьмите меня:
Вы станете цвѣточки рвать—
Сорвите и мнѣ;
Вы станете вѣночки плести—
Сплетите и мнѣ;
Пойдете на рѣченьку—
Возьмите меня:
Вы станете вѣнки бросать—
Вы бросьте и мой.
Какъ все вѣнки по сверзъ воды,
А мой потонулъ;
Какъ все дружки домой пришли,
А мой не пришелъ.

А р и н а (входитъ съ бутылками, стака-
нами и дѣвушка съ закусками).

Вотъ, матушка, я принесла.

П е л а г е я Е г о р о в н а (дѣвушка).

Поподчуй барышень-то. (*Дѣвушка обноситъ дѣвицъ, ставитъ подносъ на столъ и уходитъ.*) Арина, а вино-то ты дай сюда. Да налей, налей мадеры-то, мадеры-то... Повеселѣй будетъ. Чтожъ, ничего, выйдемъ. Насъ не осудать — мы старухи, да... (*Пьютъ.*) Анюшка, поди выней вина. Выйдемъ что-ли?

А р и н а П в а н о в н а.

Вотъ, чтожъ не выинть! Говорять безъ людей не пей, а при лю-
дахъ нужды нѣтъ. (*Подходитъ къ Пелагее Егоровнѣ, пьетъ и раз-
говариваетъ потихоньку.*)

А р и н а.

Молодцы, чтожъ вы осовѣли?

М и т я.

Я не пью-съ.

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Можно! (*подходитъ съ Гуслицыиъ и поетъ, потомъ ужасивъ Арину.*)

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Ну-ка, трихнемъ стариной! (*Поетъ.*)

Эхъ, трихнулъ я старину
Про Ерему, про Фому....

АРИНА.

Отстань, озарникъ, изломаль всю.

РАЗЛЮЛЯЕВЪ (*поетъ.*)

Ахъ, возжи во Казугъ,
Хомуть во Тарусъ,
Сани съ подрѣзами,
Бдутъ они сами.

(*Дѣвушки смѣются.*)

АРИНА.

Отвяжись, говорятъ!... Ну-те совѣзь! (*Уходитъ.*)

Анна Ивановна.

Да ты что старуху-то теребишь, давай со мной.

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Ну, давай! Играй, Яша! (*Яша играетъ; они пляшутъ.*)

Г. ГОСТЬЯ.

Веселая бабочка-то.

ЦЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Веселая, веселая.

РАЗЛЮЛЯЕВЪ (*топнувъ ногой*).

У насъ вотъ какъ! (*Перестаетъ плясать*).

ЕГОРУШКА (*входитъ*).

Дѣвушки пришли.

ЦЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Ну, зови ихъ. (*Егорушка уходитъ; дѣвушки входятъ; Арина приноситъ блюдо и покрываетъ*). Садитесь-ка, садитесь, да запойте

пополдняя, я ихъ очень люблю. (*Любовь Гордьевна, Маша, Анна и Анна Ивановна снимаютъ кольца и кладутъ на блюдо; девушки запеваютъ.*)

Свѣи, мати, мучицу.

Неки пироги.

Слава!

Къ тебѣ будутъ гости.

Ко мнѣ женихи.

Слава!

Къ тебѣ будутъ въ златѣхъ.

Ко мнѣ въ сапогахъ.

Слава!

Кому снѣли—

Тому добро.

Слава!

Кому вынется—

Тому сбудется.

Слава!

(*Разногласъ засучиваетъ рукава, вынимаетъ кольцо, отдастъ Любови Гордьевнѣ.*)

НЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Пора ужъ, пора.

Дѣвушки (*запеваютъ.*)

Сидитъ воробей

На Бѣль-городѣ.

Слава!

На Бѣль-городѣ,

На высокой стѣнѣ.

Слава!

Глядитъ воробей

На чужу сторону.

Слава!

Кому вынется—

Тому сбудется.

АРИНА (*входитъ*).

Ряженые пришли; прикажете пустить?

НЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Чтожъ пусти, пусть попляшутъ. А вы, дѣвушки, послѣ почете.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢ-ЖЕ И ГЯЖЕМЫЕ: старикъ съ балалайкой, или гитарой, вожакъ съ медведемъ и козой, Егорушка съ пашкою.

СТАРИКЪ (кланяется.)

Всей честной бесѣдѣ поклонъ.

ВОЖАКЪ.

Кланяйся, мишка. (Медведь кланяется.)

СТАРИКЪ.

Прикажите поить, поплясать, позабавить, свои старья косточки поправить.

ПЕЛАГЕЯ ПЕТРОВНА.

Чтожь, ничего, попляшите. Поводчуй ихъ, Аринушка, виномъ. (Арина подноситъ вино; некоторые пьютъ.)

СТАРИКЪ.

Благодаримъ поборно на ласковомъ словѣ да на подчиваньѣ. (Запѣваетъ.)

Какъ ужъ наши молодцы,
Хоть горы да удамы!
Они сукна ткуть
Во двѣнадцать рукъ.
Они сукна переткали —
Всѣмъ кафтаны першивали.
Намъ недорого кафтаны,
Были бѣ денежки въ карманѣ.
Цѣлковые по моннамъ
Не даютъ спать по ночамъ:
Мѣдны денежки гремятъ —
Во кабакъ идти велютъ.
Цѣловальничекъ Андрей,
Отпирай кабакъ скорѣй:
У насъ новый кафтанъ есть,
Мы заложимъ его здѣсь,
Не домой же его несть. —

(Отходитъ въ сторону.)

ЕГОРУШКА (*пляшетъ съ патокой*).

Ахъ патока, патока!

Вареная, сладка!

Зима, зимунка зима

Студена больно сыла!

Больно вьюжливая

И мительливая —

Веѣ дорожки замети,

Нельзя къ миленькой пройти.

Ахъ патока, патока!

Вареная, сладка!

Сидитъ моя жена,

Ровно перепелка!

Я за то ее люблю,

За то почитаю,

Что чопорно ходитъ,

Хорошо гулетъ.

(*Кланяется.*)

Г. Гостья.

Ишь ты какой молодець!... а!

НЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Чтожь, матушка, по дѣтству, какъ умѣть. Вѣдь ребенокъ еще. Поди сюда, Егорушка. (*Егорушка подходитъ.*) На тебѣ прищипка... (*Даетъ; Егорушка кланяется и уходитъ.*)... Да... ребенокъ еще, что съ него взять-то! (*Вожакъ водитъ медвѣдя; коза пляшетъ.*)

СТАРИКЪ (*поетъ.*)

Какъ у насъ-то козелъ.

Что за умвый былъ:

Самъ и по воду ходилъ.

Самъ и кашу варилъ —

Дѣда съ бабкой кормилъ.

Какъ пошелъ нашъ козелъ

Онъ во темный лѣсъ.

Какъ на встрѣчу козлу

Да семь волковъ:

Какъ одинъ-то волкъ.

Онъ голодный былъ.

Онъ три года ходилъ.

Все козлятинки просилъ.

ВОЖАКЪ (*медвѣдю.*)

Проси вина, поминать козла. (*Медвѣдь кланяется.*)

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Аришушка, поподчуй ряженыхъ-то. *(Арина подноситъ; они пьютъ и кланяются).*

ВОЖАКЪ.

А ну-ка, мишенька, потѣшь честныхъ господъ. А какъ красныя дѣвицы, молодыя молодницы, бѣлятся, румянятся, на молодцовъ поглядываютъ, жениховъ выглядываютъ. *(Медвѣдь ломается.)* А какъ старая старушка на работу идетъ, сгорбимшись, съжжимшись, пришибла ее старость, одолѣла ее древность. *(Медвѣдь ломается.)* Ну поклонись теперь честнымъ господамъ. *(Отходятъ; старикъ играетъ на гитарѣ; прочіе ряженые пляшутъ; всѣ на нихъ смотрятъ; Гуслинъ и Митя стоятъ подлѣ Любови Гордѣевны; Митя шепчетъ ей что-то и цѣлуетъ; Разлюляевъ подходитъ.)*

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Этѣ ты что дѣлаешь?

МИТЯ.

А тебѣ что за дѣло?

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Вотъ я Пелагеѣ-то Егоровнѣ скажу, дай срокъ!

МИТЯ.

Ты у меня никиш только!

ГУСЛИНЪ *(наступая на него).*

Ты смотри у меня! Намъ вѣдь вмѣстѣ идти отсюда: дѣло-то ночное, а переулочекъ-то у васъ глухой, — такъ ты помни это!

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Что вы пристали? Къ чему? Я жениться хочу на ней, хочу свататься. Что взяли! Да, женюсь!

МИТЯ.

Увидимъ.

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Такъ за тебя что-ль отдадутъ? Какже, держи карманъ-то!... А у насъ денегъ много!...

Арииа.

Вѣдь ишь ты шумъ какой!... Перестаньте вы!... Никакъ кто-то стучить.... (*Всѣ прислушиваются*). Табъ и есть... стучать.

Пелагея Егоровна.

Отвори ноги.

Арииа (*уходитъ, потомъ возвращается*.)

Самъ прѣхалъ! (*Всѣ встаютъ*.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ-же, Гордѣй Карнычъ и Коршунѡвъ.

Гордѣй Карнычъ (*къ ряженымъ*).

Это что за сволочь!... Вошь! (*Къ женѣ*) Жена! Пелагея Егоровна! Принимай гостя. (*Тихо*). Зарѣзала ты меня!

Пелагея Егоровна.

Милости просимъ, Африканъ Савичъ, милости просимъ.

Коршунѡвъ.

Здравствуйте, Пелагея Егоровна... Хе, хе, хе... Да у васъ веселье! Вотъ какъ мы въ пору понаш.

Пелагея Егоровна.

А я вотъ съ дѣвушками... Да, я все съ дѣвушками. Чтожъ, святки; дочку потѣшить хочется.

Гордѣй Карнычъ.

Милости просимъ, Африканъ Савичъ, безъ церемоній. (*Африканъ Савичъ садится на кресло къ столу. Къ женѣ*). Гони дѣвокъ-то вошь.

Коршунѡвъ.

За что ихъ гнать! Кто жъ дѣвушекъ гонить... Хе, хе, хе... Онѣ поноютъ, а мы послушаемъ, да посмотримъ на нихъ, да еще денегъ дадимъ, а не то что гнать.

Гордѣй Карнычъ.

Какъ тебѣ угодно, Африканъ Савичъ! Миѣ только конфузно передъ тобою! Но ты не заключаи изъ этого про наше необразованіе — вотъ все жена. Никакъ не могу вѣрить ей въ голову. (*Къ женѣ*) Сколько разъ говорилъ я тебѣ: — хочешь сдѣлать у себя вечеръ, позови музыкантовъ, чтообы это было во всей формѣ. Кажется, тебѣ ни въ чемъ отказу нѣтъ.

Неладья Егоровна.

Ну ужъ буда намъ музыкантовъ... старухамъ. Это ужъ вы забавляйтесь.

Гордѣй Карнычъ.

Вотъ какія у нихъ понятія ообъ жизни. Даже, я думаю, тебѣ смѣшно слушать.

Неладья Егоровна.

Да что понятія, понятія! Ты бы вотъ лучше поподчивалъ гостя. Неудобно ли, Африканъ Савичъ, вина съ нами, со старухами. (*Помыкаетъ мадеру.*)

Гордѣй Карнычъ (*строго*).

Жена! Съ ума что-ль сошла въ самомъ дѣлѣ? Не видывалъ Африканъ Савичъ твоей мадеры-то! Шампанскаго вели подать... полдюжины... да проворитѣй. Да вели зажечь свѣчи въ гостиной, что новая мебель поставлена. Тамъ совсѣмъ другой афектъ будетъ.

Неладья Егоровна.

Сей-часъ сама все сдѣлаю. (*Встаетъ*). Аринушка, пойдѣмъ. Извините, сосѣдушки.

1. Гостья.

Э, матушка, и мы съ тобой пойдѣмъ. Ужъ намъ и ко дворамъ пора.

2. Гостья.

Пора, пора! Почти темная, собаки по переулкамъ лихи.

1. Гостья.

Охъ, лихи, лихи!... (*Раскланиваются и уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ VIII

Гордѣй Карпычъ, Коршуновъ, Любовь Гордѣевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза, дѣвушки, Митя Гуслицъ и Разнолюевъ.

Коршуновъ.

Пойдемъ къ барышнямъ. Гдѣ это ты такихъ красавицъ подобралъ.... Хе! (*Подходитъ къ Любови Гордѣевнѣ.*) Здравствуйте, Любовь Гордѣевна, красавица вы моя!... (*Любовь Гордѣевна кланяется.*) Примите меня въ свою компанію.

Любовь Гордѣевна.

Мы никого отъ себя не гонимъ.

Анна Ивановна.

Садитесь, такъ гости будете.

Коршуновъ

Сухо принимаете старичка. Нынче дни святочные, и поцѣловаться, чай, можно.

Анна Ивановна.

Зачѣмъ эти изъясности заводить.

Коршуновъ.

Гордѣй Карпычъ, можно съ дочкой поцѣловаться? А я, признаться.... хе, хе.... до этого охотникъ. Да вѣдь и ктожъ не любить!... Хе, хе....

Гордѣй Карпычъ.

Сдѣлай милость, безъ церемоній.

Коршуновъ.

Поцѣлуемтесь, барышни.

Любовь Гордѣевна.

Если тятенькѣ угодно... (*цѣлуется.*)

Коршуновъ.

Ну да ужъ со всѣми по порядку.

Анна Ивановна

Я пожалуй! Я не свѣсива.

М а ш а.

Ахъ стыдъ какой!...

Л и з а.

Ну ужъ нечего сказать, велика пріятность.

Г о р д ѣ й К а р н ы ч ъ (*подходя къ Митя.*)

Ты зачѣмъ? Развѣ здѣсь твое мѣсто? Залетѣла ворона въ высокіе хоромы! (*Митя, Гуслицъ и Разнолюбовъ угождаютъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Г о р д ѣ й К а р н ы ч ъ, К о р ш у н о в ъ, Л ю б о в ь Г о р д ѣ в н а, А н н а И в а н о в н а, М а ш а, Л и з а и д е в у ш к и.

К о р ш у н о в ъ (*садясь подлѣ Любови Гордѣевны.*)

Я, Любовь Гордѣевна, не въ васъ: вы меня и поцѣловать не хотѣли, хе, хе, хе, а я вамъ подарочекъ принесъ.

Л ю б о в ь Г о р д ѣ в н а.

Напрасно беспокоилсь.

К о р ш у н о в ъ.

Вотъ я вамъ бриллиантикъ привезъ, хе, хе... (*Отдаетъ.*)

Л ю б о в ь Г о р д ѣ в н а.

Это серьги. Покорно васъ благодарю.

А н н а И в а н о в н а.

Покажи-ка.

М а ш а.

Но это прелестно!

Л и з а.

И съ большимъ вкусомъ!

К о р ш у н о в ъ.

Дайте мнѣ вашу ручку-то. (*Беретъ и цѣлуетъ.*) Я васъ вѣдь очень люблю, хе, хе, хе, очень люблю, а вѣдь вы меня, чай, не любите, а?

ЛЮБОВЬ ГОРДЕВНА.

За что же мнѣ васъ не любить.

КОРШУНОВЪ.

За что? Другого любите когонибудь, вотъ за что. А вы меня полюбите, я человѣкъ хорошій, веселый, хе, хе, хе....

ЛЮБОВЬ ГОРДЕВНА.

Я не знаю, что вы говорите.

КОРШУНОВЪ.

Я говорю: полюбите меня. Чтожъ, я еще не старъ... (*Смотритъ на нее.*) Аи старенецъ? хе, хе, хе.... Ну чтожъ, не бѣда. За то будете въ золотѣ ходить. У меня вѣдь денегъ-то нѣтъ, я человѣкъ бѣдный... Такъ какихънибудь сотъ пять тысячъ... хе, хе, хе, серебромъ!.. (*Беретъ за руку.*)

ЛЮБОВЬ ГОРДЕВНА (*вставая*).

Пенужно мнѣ вашихъ денегъ.

ГОРДЕЙ КАРНЫЧЪ.

Любовь, куда ты?

ЛЮБОВЬ ГОРДЕВНА.

Я къ маменькѣ!

ГОРДЕЙ КАРНЫЧЪ.

Останься; она сюда придетъ. (*Любовь Гордеевна садится.*)

КОРШУНОВЪ.

Не хотите со старикомъ-то посидѣть. Дайте мнѣ ручку, барышни, я поцѣлую.

ЛЮБОВЬ ГОРДЕВНА (*даетъ руку*).

Ахъ, Боже мой!

КОРШУНОВЪ.

Ручка-то какая! хе, хе, хе.... бархатная! (*Гладитъ своей рукой и потомъ надѣваетъ бриллиантовый перстень.*)

ЛЮБОВЬ ГОРДЕВНА (*освобождая руку*).

Ахъ, оставьте меня, ненадо мнѣ, ненадо.

КОРШУНОВЪ.

Ничего, мнѣ это не убытокъ, авось не раззорить.

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

Да мнѣ-то не надо. Дарите кому хотите. *(Снимаетъ и отдаетъ.)*

КОРШУНОВЪ.

Даютъ, такъ назадъ не берутъ... хе, хе, хе. *(Входятъ: Пелагея Егоровна, за ней Арина и Егорушка съ виномъ и стаканами.)*

ЯВЛЕНИЕ X.

ТѢ-ЖЕ И ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА, АРИНА И ЕГОРУШКА.

ГОРДЬИ КАРНЫЧЬ.

Поидемъ-ка выпьемъ.

КОРШУНОВЪ.

Ну, Гордѣй Карнычъ, подчуй, а вы дѣвки, величайте меня. Я почетъ люблю.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Дѣвушки, повеличайте.

ГОРДЬИ КАРНЫЧЬ *(откупориваетъ, наливаетъ и подноситъ).*

Дорогому гостю Африкану Савичу. Клавайся, жена!

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Пожалуйте, Африканъ Савичъ, просимъ покорно. *(Коршуновъ беретъ.)*

ГОРДЬИ КАРНЫЧЬ *(беретъ стаканъ).*

Жена, вышей.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Охъ, не люблю я что-то этого вина-то... ну да ужъ выпью стаканчикъ. *(Дѣвушки запиваютъ.)*

А кто у насъ холостъ,
А кто не женатый?
Африканъ-отъ холостъ,
Савичъ не женатый.

На коня садится,
Подъ вилъ конь бодрится;
Къ лугамъ подъѣзжаетъ —
Луга зеленѣютъ,
Цвѣты разцвѣтаютъ.

Коршуновъ (*сидясь подлѣ Любови
Гордьевны*).

Вотъ это хорошо, это я люблю. Пу-ка, подойди сюда которая
нибудь. (*Дѣвушка подходитъ, онъ ее треплетъ по щекѣ.*) Ишь
ты востроглазая какая! Вѣдь вамъ, дѣвушкамъ, чай много надобно на
бѣлила на бѣлыя, на румяна на алыя... хе, хе, хе... а у меня
денегъ нѣтъ, за мной будетъ... хе, хе, хе... Держи фартукъ. (*Сы-
плетъ ей деньги мелочью; дѣвушка кланяется и уходитъ.*) Ну
что же, Гордѣй Карнычъ, скажи женѣ-то, зачѣмъ мы пріѣхали.

Гордѣй Карнычъ.

Я тебѣ, жена, давно говорилъ, что мнѣ въ здѣшнемъ городѣ жить
надоѣло, потому, на каждомъ шагу здѣсь можешь ты видѣть какъ
есть одно невѣжество и необразованіе. Для-того я хочу переѣхать
отселева въ Москву. А у насъ тамъ будетъ не чужой человѣкъ,—
будетъ зятюшка Африканъ Савичъ.

Пелагея Егоровна.

Ахъ, ахъ, что вы?

Коршуновъ.

А ужъ мы, Пелагея Егоровна, по рукамъ ударили.... Что вы
такъ испугались, я ее не съѣмъ.

Пелагея Егоровна.

Ахъ, ахъ, батюшки! (*Хватаетъ дочь.*) Моя дочь! Не отдамъ!

Гордѣй Карнычъ.

Жена!

Пелагея Егоровна.

Батюшка, Гордѣй Карнычъ, не шути надъ материнскимъ серд-
цемъ!... Перестань!... Истомилъ всю душу.

Гордѣй Карнычъ.

Жена, ты меня знаешь! Ты, Африканъ Савичъ, не безпокойся: у
меня сказано—сдѣлано.

Коршуновъ.

Объщать такъ держи слово. (*Встаетъ, подходитъ къ дѣвушкамъ и говоритъ съ ними тихо.*)

Любовь Гордѣевна (*подходитъ къ отцу*).

Тятенька! Я изъ твоей воли ни-на-шагъ не выду. Пожалуй ты меня ѡбдиною, не губи мою молодость!..

Гордѣй Карпычъ.

Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. Въ Москвѣ будешь по-барски жить, въ каретахъ будешь ѣздить. Одно дѣло—ты будешь жить на виду, а не въ такой глуши; а другое дѣло—я такъ приказываю.

Любовь Гордѣевна.

Я приказу твоего не смѣю послушаться. Тятенька! (*Кланяется въ ноги.*) Не захоти ты моего несчастья на всю мою жизнь!.. Передумай, тятенька!.. Что хочешь меня заставь, только не принуждай ты меня противъ сердца замужь идти за немилаго!..

Гордѣй Карпычъ.

Я своего слова назадъ не беру. (*Встаетъ.*)

Любовь Гордѣевна.

Твоя воля, батюшка! (*Кланяется и отходитъ къ матери.*)

Коршуновъ.

Вотъ и дѣлу конецъ! Ну-ка, дѣвушки, свадебную.

Дѣвушки (*поютъ*).

Поблэкнутъ всѣ цвѣтики во саду,
Завянутъ лазоревы въ зеленомъ,
Мой миленькій, аленькій безъ меня.
Вставайка ты, матушка, раненько,
Полвай всѣ цвѣтики частенько,
Утренней, вечернею зарей,
А еще своей горячею слезой.

Любовь Гордѣевна.

Не ту, не ту, запойте другую.

Гордѣй Карпычъ.

Пойдемъ, Африканъ Савичъ, въ гостиную. Жена! Приходите всѣ туда.

Любовь Гордѣевна.

Куда мнѣ дѣваться-то!...

Гордѣй Карпычъ.

Арина, перенеси вино.

Арина.

Охъ, постой, не до тебя. Дитятко ты мое!... Дѣвушки, голу-бушки, вотъ какую запоете. (*Запѣваетъ.*)

Ты родимая моя матушка!
Въ день денна моя печальница.
Въ ночь ночная богомольница.
Вѣкова моя сухотница!
Пригляди ты очи всьма,
На свою на дочку гляючи.
На свою на дочь любимую.
Во послѣдній разъ въ останешный!

Любовь Гордѣевна.

Въ останешній. (*Въ продолженіе этой пѣски Гордѣй Карпычъ и Коршуновъ уходятъ; Любовь Гордѣевна въ объятіяхъ матери; подруги окружаютъ ее.*)

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

Небольшая комната въ домѣ Торцова, заставленная разнаго рода шкафами, сундуками и этажерками съ посудой и серебромъ; мебель: диваны, креслы, столы, все очень богато и поставлено тѣсно. Вообще эта комната составляетъ родъ кабинета хозяйки, откуда она управляетъ всѣмъ домою и гдѣ принимаетъ своихъ гостей запросто. Одна дверь въ залу, гдѣ обѣдаютъ гости, другая во внутреннія комнаты.

ЯВЛЕНІЕ I.

Арина (сидитъ на стулѣ у двери въ залу; подлѣ нея нѣсколько дѣвушекъ и женщинъ).

Арина (указывая въ залу).

Не ждали-то, матушки, не чаяли! — Налетѣлъ ястребомъ, какъ свѣтъ на голову, вырвалъ нашу лебедушку изъ стада лебединаго, отъ батюшки, отъ матушки, отъ родныхъ, отъ подруженекъ. Не успѣли и опомниться! .. Ужъ и что это на бѣломъ свѣтѣ дѣется! Люди-то нынче пошли злы-обманчивы, лукавы-подходчивы. Обошелъ Гордѣя Карныча да тѣмъ да другимъ, ровно туманомъ какимъ, а тотъ-то, на старости, да полетисъ на его богатство! Красоту-то нашу писаную да за старого, за постылаго и сговорили. Вошь она, моя голубушка, сидитъ — на свѣтъ не глядитъ. Охъ, тошнехонько мнѣ! На толь я тебя выходила, да выняньчила, на своихъ рукахъ выносила, какъ птичку какую въ хлопчкахъ берегла!.. А еще недавушко мы съ ней такъ-то вотъ растолковалися. Не отладимъ, говорю, тебя, дитятко, за простаго человѣка; развѣ какой королевичъ изъ чужихъ земель наѣдетъ, да у воротъ въ трубу затрубитъ. А вотъ и не вышло по нашему. Вонъ онъ разлучитель-то нашъ сидитъ, тол-

стый да губастый! Ишь на нее поглядывает да посмѣивается—любо ему! О, чтобъ тебѣ пусто было! Ну вотъ покушали, встають, ступайте за дѣлю. (*Встаетъ со стула; женщины уходятъ. Входитъ Пелагея Егоровна.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Поди-ка ты, Аринушка, пособи со стола сбирать.... да... А я отдохну, посижу, — устала.

Арина.

Какъ не устать, родная ты моя, день деньской на ногахъ, молоденькая ли ты!...

Пелагея Егоровна (*садится на диванъ*).

Охъ!... Да самоваръ-то, чтобъ туда подали въ дѣвичью, большой.... который самый-то большой. Да сыщи Аринушку, пошли мнѣ.

Арина.

Слушаю, слушаю.

Пелагея Егоровна.

Да.... поди, поди... Охъ моченьки моей вѣтъ! (*Арина уходитъ*).
Всю головушку разломил! Горе-то горемъ, а тутъ хлопоты еще. Да! да, хлопотъ-то что! ай, ай, ай! Сбилась съ ногъ, совсѣмъ сбилась! Дѣла-то много, а въ головѣ все не то.... И тамъ нужно, и здѣсь нужно, а ухватиться не знаю за что.... Право.... да.... (*Садится задумавшись.*) Какой это женихъ, какой женихъ.... ахъ, ахъ, ахъ!.. Гдѣ тутъ любви ждать!... На богатство что ли она польстится?.. Она теперь дѣвушка въ самой порѣ, сердчишко вѣдь тоже чай бьется иногда. Ей бы теперь хоть бѣдненькаго, да друга милаго.... Вотъ бы и житье... вотъ бы и рай.... (*Анна Ивановна входитъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Пелагея Егоровна и Анна Ивановна.

Пелагея Егоровна.

На-ка тебѣ ключи-то отъ чаю. Поди, разлей гостямъ-то; ну да тамъ все, что нужно, ужъ сама знаешь. Я-то ужъ ноги отходила, а тебѣ что, — ты бабочка молоденькая... да... послужи.

АННА ИВАНОВНА.

Что-жъ не послужить, не велика работа, руки не отваяются. (*Беретъ ключи.*)

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Вонъ тамъ въ шкапу чай-то, въ ящичкѣ въ красненькомъ. (*Анна Ивановна оттираетъ и достаетъ ящичекъ. Митя входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТѢ-ЖЕ И МИТЯ.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Что тебѣ, Митенька, надобно?

Митя (*сдерживая слезы*).

Я-съ... я-съ, Пелагея Егоровна, за всю вашу ласку и за все ваши снисхожденія, и даже чего можетъ быть и не стою.... какъ вы, по сиротству моему, меня не оставляли и вмѣсто матери.... я.... вами долженъ быть всю жизнь благодаренъ и навсегда Богу молить-съ. (*Кланяется въ ноги.*)

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Да что ты, Митя?

Митя.

Благодарю васъ за все-съ. Теперича прощайте, Пелагея Егоровна! (*Встаетъ.*)

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Кудажъ ты?

Митя.

Къ матушкѣ хочу ѣхать-съ.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

На долго ли же ты ѣдешь?

Митя.

Да я у хозяйна отпросился на праздники, а ужъ надо такъ полагать, что я тамъ вовсе останусь.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

За что ты это, Митя, насъ бросить хочешь?

Митя (*переминнаясь*).

Да такъ ужь!... Ужь что же... я ужь такъ порѣшился.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

А когда же ты ѣдешь?

Митя.

Сего-дня въ ночь. (*Молчаніе*) Такъ думаю, до ночи-то съ вами не увидишься, такъ я проститься пришелъ.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Ну что жъ, Митя, коли тебѣ тамъ надобно... Мы тебя не держимъ, Богъ съ тобой.... Прощай!...

Митя (*кланяется въ ноги Пелагеѣ Егоровнѣ, цѣлуется съ нею и съ Анной Ивановной, потомъ такъ кланяется и останавливается*).

Надо-бы и съ Любовью Гордѣевиной проститься.... Чтожъ, вѣдь въ одномъ домѣ жили.... Либо живъ буду, либо нѣтъ....

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Да, надо, надо. Чтожъ простись, простись!... Аниушка, поди покличь Любушку.

Анна Ивановна (*покачавъ головой*).

Одинъ ведетъ за рученьку, другой за другу, третій стоитъ слезы ронить, любилъ да не взялъ. (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ V.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА и Митя.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

А у насъ-то, Митенька, какое горе-то! Какъ его размыкать—размотать не придумаю... Ровно меня громомъ ошибло, въ себя не приду.

М и т я.

Кто же теперьча этому виновать-съ, не на кого вамъ плакаться, Пелагея Егоровна-съ, сами отдаете.

П е л а г е я Е г о р о в н а.

Сами.... сами.... да, сами отдаемъ. Охъ, только не моя, Митя, воля; кабы моя воля была, нештобъ я отдала! Что я развѣ врагъ ей!

М и т я.

Человѣкъ-то, какъ по наслышкѣ, не больно-то завидный. Ничего хорошаго, окромя дураго, не слышать.

П е л а г е я Е г о р о в н а.

Знаю, Митенька, знаю.

М и т я.

А вѣдь ужъ теперьча, по этимъ слухамъ, надо такъ сказать, что должно быть Любви Гордѣвиѣ, за такимъ человѣкомъ, и притомъ въ отдаленности, совсѣмъ погибать надобно-съ.

П е л а г е я Е г о р о в н а.

Охъ, ужъ не говори ты мнѣ, не говори.... и безъ тебя тошно-хонько. Глаза-то всѣ проглядѣла, на нее гляючи! Хоть бы теперь-то наглядѣться на нее прозана-съ. Точно я ее хоронить собираюсь.

М и т я (*почти плача*).

Такъ это чтожъ такое! Нешто этакъ-то дѣлають? Вѣдь она чай ваша родная дочь!...

П е л а г е я Е г о р о в н а.

Кабы не родная, такъ я бы не плакала и не убивалася, не надрывалось бы мое сердце на ея на слезы.

М и т я.

Чѣмъ плакать-то, не отдавали бѣ лучше. За что дѣвичій вѣкъ за-бдаете, въ кабалу отдаете? Нешто это не грѣхъ? Вѣдь чай вамъ за нее надоть будетъ Богу отвѣтъ дать.

П е л а г е я Е г о р о в н а.

Знаю я, все знаю, да говорю жъ я тебѣ, что не моя воля. Что ты присталь ко мнѣ? Мнѣ и безъ тебя тошно, а ты еще меня раз-строиваешь. А ты бы, Митя, пожалѣль меня!

Митя.

Оно такъ-съ, Пелагея Егоровна, да не переношно миѣ это горето; можетъ, тяжелѣше чѣмъ вамъ. Я такую въ васъ вѣру, Пелагея Егоровна, взялъ, что все равно какъ матушкѣ своей родной откроюсь. (*Утираетъ глаза платкомъ.*) Вечоръ-то, какъ у васъ вечеринка-то была... (*слезы мѣшаютъ говорить*).

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Ну, ну, говори, говори...

Митя.

Ну вотъ и столковались мы съ ней въ потемочкахъ, чтобы идти намъ съ ней къ вамъ, матушка, да къ Гордѣю Карпычу, просить васъ неизменно: благословите, дескать, насъ, а намъ ужь другъ безъ друга не жить (*утираетъ слезы*); а нынче вдругъ поутру слышу... опустелись мои рученьки!..

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Что ты?

Митя.

Вотъ передъ Истиннымъ, Пелагея Егоровна.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Ахъ ты сердечный! Экой ты горькій паренекъ-то, какъ я на тебя посмотрю! (*Входитъ Любовь Гордѣевна.*)

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢ-ЖЕ И ЛЮБОВЬ ГОРДѢВНА.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Вотъ, Любушка, Митя проститѣся пришелъ: онъ ѣдетъ 'отъ насъ къ матушкѣ къ своей.

Митя (*кланяется*).

Прощайте, Любовь Гордѣевна!... Не поминайте лихомъ!

ЛЮБОВЬ ГОРДѢВНА.

Прощай, Митя! (*Кланяется*.)

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Поцѣлуйтесь на прощанье-то, вѣдь, можетъ, не приведетъ Богъ и свидѣться.... да.... чтожъ такое! (*Митя и Любовь Гордѣевна цѣлуются; она садится на диванъ и плачетъ; Митя тоже плачетъ.*) Будеть, будетъ вамъ плакать-то! Вы меня съ ума сведете!

Митя.

Эхъ, пропадай моя голова! Ужъ была не была! (*Подходитъ къ Пелагеей Егоровнѣ.*) Пелагея Егоровна, жаль вамъ дочь отдавать за стараго, аль нѣтъ?

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Кабы не жаль, такъ бы я не плакала.

Митя.

Прикажете говорить, Пелагея Егоровна?

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Говори.

Митя.

Вотъ моя рѣчь какая: соберите-ка вы ее, да одѣньте потеплѣе, уютко. Пусть выйдетъ потихоньку: посажу я ее въ саночки-самокаточки да и бѣлъ таковъ! Не видать тогда ее старому, какъ ушей своихъ, а моей головѣ за одно ужъ погибать! Увезу ее къ матушкѣ да и повѣчаемся. Эхъ! дайте душѣ просторъ — разгуляться хочеть! Покрайности, коли придется и въ отвѣтъ итти, такъ ужъ то буду знать, что потѣшилса.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Что ты, что ты, безнутный!

ЛЮБОВЬ ГОРДѢВНА.

Что ты, Митя, выдумаль!

Митя.

Стало не любишь? Аль разлюбила?

ЛЮБОВЬ ГОРДѢВНА.

Да ты говоришь-то что-то страшно!

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Что ты, безпутный, выдумаль-то! Да кто жь это посмѣеть такой грѣхъ на душу взять... да... опомнись... что ты!

Митя.

Вѣдь я говорю: коли жаль; а коли не жаль, такъ отдавайте за Африкана Савича, закабалите на вѣки вѣчные. Сами же, глядя на ея житье горемычное, уѣиваться станете. Снохватитесь вы съ Гордѣй-то Карнычемъ, да ужь поздно будетъ.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Да какъ же безъ отцовскаго-то благословенія? Ну какъ-же, ты самъ посуди?

Митя.

Конечно, безъ благословенія что за житье! Такъ ужь благословите вы, Пелагея Егоровна (*становится на колѣни*), а Гордѣй Карнычъ, можетъ... и самъ по времени какънибудь...

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Какъ же мнѣ быть-то съ вами! Я совсѣмъ съ ума сошла.. да.. помѣшалася. Ничего не знаю, не помню... да, да... головунка моя закружилася... Горько, горько моему сердцу, голубчики!...

ЛЮБОВЬ ГОРДЪЕВНА (*подходитъ къ Митя*).

Нѣтъ, Митя, не бывать этому! Не томи себя понапрасну, перестань! (*Поднимаетъ его.*) Не надрывай мою душу! И такъ мое сердце все изныло во мнѣ. Поѣзжай съ Богомъ. Прощай!

Митя.

За что жь ты меня обманывала, надо мной издѣвалася?

ЛЮБОВЬ ГОРДЪЕВНА.

Полно ты, Митя. Что мнѣ тебя обманывать, зачѣмъ? Я тебя полюбила, такъ сама же тебѣ сказала. А теперь изъ воли родительской мнѣ выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтобъ я шла замужъ. Должна я ему покориться, такая наша доля дѣвичья. Такъ, знать, тому и быть должно, такъ ужь оно заведено изстари. Не хочу я супротивъ отца идти, чтобъ про меня люди

не говорили, да въ примѣръ не ставили. Хоть я, можетъ быть, сердце свое надорвала черезъ это, да покрайности я знаю, что я по закону живу, никто мнѣ въ глаза насмѣяться не смѣетъ. Прощай! (*Цѣлуются.*)

М и т я.

Ну! знать не судьба! (*Любовь Гордѣевна садится на диванъ и плачетъ.*) Прощай! (*Кланяется Пелагея Егоровна.*) Прощайте, Пелагея Егоровна, благодѣтельница вы моя! Вѣкъ не забуду вашей ласки да милости ко мнѣ: не забывали сироту на чужой сторонѣ.

П е л а г е я Е г о р о в н а.

Прощай, голубчикъ, не осуди насъ въ чемъ, грѣхъ тебѣ будетъ. Дай Богъ тебѣ счастливо... а мы тебя не забудемъ. (*Митя кланяется и уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

П е л а г е я Е г о р о в н а, и Л ю б о в ь Г о р д ѣ в н а и п о т о м ѣ К о р ш у н о в ѣ.

П е л а г е я Е г о р о в н а.

Что, Любушка, жаль парня-то! Эбо, дѣвушка... ахъ!... А мнѣ и не вдомекъ, что ты его полюбила-то. Да и гдѣ мнѣ старухѣ догадаться... да. Что жъ я? Вотъ поплакать наше дѣло, а власти надъ дочерью никакой не имѣю! А хорошо бы! Полюбовалась бы на старости. Парень-то такой простой, сердцемъ мягкій, и меня-то бы старуху любилъ. Ужъ какъ погляжу я на тебя, дѣвушка, какъ тебѣ не грустить!... да помочь-то мнѣ тебѣ, сердечная, нечѣмъ!

Л ю б о в ь Г о р д ѣ в н а.

Ну, маменька, что тамъ и думать чего нельзя, только себя мучить. (*Сидитъ молча; стучать; голосъ Коршунова: можно войти?*)

П е л а г е я Е г о р о в н а.

Войдите, батюшка.

К о р ш у н о в ѣ (*входя*).

А вотъ она, невѣста-то моя, куда спряталась... хе... найду, вездѣ найду. Позвольте-ка намъ, Пелагея Егоровна, съ вашей дочкой по секрету поговорить о своихъ дѣлахъ.

П е л а г е я Е г о р о в н а.

Изволь, батюшка. (*Уходитъ.*)

Коршунъвъ (*садится подлѣ Любови Гордѣевны.*)

Объ чемъ это плакать-то, сударыня? Стыдно, стыдно... хе... хе... хе... Вотъ я и постарше, да не плачу... (*Смотритъ на нее проницательно.*) Я вѣдь знаю объ чемъ: чай за молоденькаго хочется? Такъ вѣдь это, миленькая вы моя (*береть руку и цѣлуетъ*), глупость одна дѣвичья. Вотъ послушайте-ка что я вамъ скажу... и правду буду говорить, начисто, обманывать не люблю, мнѣ не изъ чего. Станете слушать. а?

Любовь Гордѣевна.

Говорите.

Коршунъвъ.

Хорошо-съ. Вотъ начнемъ хоть съ этого. Молодой развѣ оцѣнить, что вы его полюбите, а? Молодого-то вѣдь всякая полюбить, ему это не въ диковинку, а старику-то дорого. Старикъ-то за любовь и подарочкомъ, и тѣмъ, и семь, и золотомъ, и бархатомъ — и не знаетъ чѣмъ утѣшить. (*Цѣлуетъ у нея руки.*) А въ Москвѣ хорошихъ вещей въ магазинахъ много, есть что подарить. Такъ вотъ старика-то и хорошо полюбить... Вотъ вамъ разъ. А то вотъ еще что бываетъ съ молодымъ-то мужемъ, да съ хорошимъ-то: вѣдь они народъ вѣтреный,—глядишь, и приволокнется за кѣмъ нибудь на сторону, либо въ него какая нибудь сударынька влюбится, а жена-то сохнѣ... Пойдутъ попреки да ревность... А что такое ревность, а? хе... хе... хе... Знаете ли вы, сударыня, что такое ревность?

Любовь Гордѣевна.

Нѣтъ, не знаю.

Коршунъвъ.

А я знаю... Это не то что иголкой пальчикъ уколоть, — гораздо побольше будетъ. Вѣдь она, проклятая, сушитъ человѣка. Отъ ревности-то рѣжутъ другъ друга, мышьякомъ отравляются! (*Сильется судорожно и съ кашлемъ.*) А въ старика-то кто влюбится? — Стало быть, женѣ-то и покойно. Да еще вотъ что, скажу вамъ, драгоценная моя барышня: — молодые-то загуливать любятъ, веселости, да развлечения, да лебоши разные, а жена-то сиди дома, жди его до полуночи. А прѣдетъ-то пьяненькій, заломается, заважничаетъ. — А старикъ-то

все подлѣ жены такъ и будетъ сидѣть; умирать будетъ—прочь не отойдетъ. Да все бы въ глазки глядѣль, да все бы ласкаль, да ручки бы цѣловаль... (*Цѣлуется.*) Вотъ такъ.

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

А васъ та жена покойная любила?

КОРШУНОВЪ (*смотритъ на нее пристально*).

А вамъ, сударыня, зачѣмъ это?

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

Такъ, хотѣлось знать.

КОРШУНОВЪ.

Знать хотѣлось?... (*Встаетъ.*) Нѣтъ, не любила, да и я не любилъ ее. Она и не стоила того, чтобъ ее любить-то. Я ее взялъ бѣдную, нищую, за красоту только за одну; все семейство призрѣлъ; спасъ отца изъ ямы; она у меня въ золотѣ ходила.

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

Любви золотомъ не купишь.

КОРШУНОВЪ.

Люби не люби, да почаще взглядывай. Имъ, видишь ты, деньги нужны были, нечѣмъ было жить: я давалъ не отказывалъ; а мнѣ вотъ нужно, чтобъ меня любили. Чтожь, я волею этого требовать или нѣтъ? Я вѣдь за то деньги платилъ. На меня грѣхъ пожаловаться: кого я полюблю—тому хорошо жить на свѣтѣ; а ужъ кого не полюблю, такъ не пеняй! (*Разгорячаясь ходитъ.*) Да я врагъ тому человѣку, ужъ лучше бѣги съ моихъ глазъ долой: я словомъ да взглядомъ, пуще чѣмъ дѣломъ доѣду; я прохожу... отдохну не дамъ человѣку... я... (*останавливается и хохочетъ.*) А вы и въ самомъ дѣлѣ подумали, что я такой злой?... хе... хе... Это я нарочно, такъ шучу!.. Я простой, я добрый старикъ... А ужъ васъ-то я буду на рукахъ носить (*принимаетъ*), въ плечкѣ качать, приговаривать... (*Цѣлуется у ней руки. Гордый Карычъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Любовь Гордѣвна, Коршуновъ и Гордѣй Карнычъ.

Гордѣй Карнычъ.

А, вотъ гдѣ зятюшка-то! А мы тебя ищемъ. Мы ужъ тамъ за шампанею принялись. Пойдемъ-ка къ гостямъ, у насъ безъ тебя и пиръ не въ пиръ.

Коршуновъ.

Мнѣ и здѣсь хорошо.

Гордѣй Карнычъ.

Ну такъ мы велимъ сюда подать, да здѣсь, значить, съ тобой и разопьемъ. (*Подходитъ къ двери.*) Эй, малой! дай сюда вина! На серебряномъ подносѣ. (*Садится.*) Ну, зятюшка, что скажешь?

Коршуновъ.

Ничего.

Гордѣй Карнычъ.

Какъ ничего?

Коршуновъ.

Такъ ничего.

Гордѣй Карнычъ.

Нѣтъ таки однако? (*Смотритъ на него.*) Можешь ты меня теперь понимать?

Коршуновъ.

Какъ не понимать.

Гордѣй Карнычъ.

Вотъ мы теперь подгуляли маненько, такъ ты мнѣ скажи, что я за человѣкъ? Могутъ ли меня здѣсь оцѣнить?

Коршуновъ.

Гдѣ же имъ оцѣнить.

Гордѣй Карнычъ.

Нѣтъ, ты вотъ что скажи: все у меня въ порядкѣ? Въ другомъ мѣстѣ, за столомъ-то прислуживаетъ молодецъ въ поддевкѣ, либо дѣвка, а у меня фицыантъ въ нитяныхъ перчаткахъ. Этотъ фицыантъ,

онъ ученый, пзъ Москвы, онъ все порядки знаетъ: гдѣ кому сѣсть, что дѣлать. А у другихъ что! Соберутся въ одну комнату, усядутся въ кружокъ, пѣсни запоютъ мужицкія. Оно, конечно, и весело, да я считаю такъ, что это низко, никакого тону нѣтъ. Да и пьютъ то что, по необразованію своему! — Наливки тамъ, вишневки разныя.. а и не понимаютъ они того, что на это есть шампанское! Охъ, еслибъ мнѣ жить въ Москвѣ, али бы въ Питербурхѣ, я бы, кажется, всякую моду подражалъ.

Коршуновъ.

Неужто всякую?

Гордѣй Карпычъ.

Всякую. Сколько бѣ хватило моего капитала, а ужъ себя бѣ не уронилъ. Ты, Любовь, у меня смотри, веди себя аккуратно, а то женихъ-то, вѣдь онъ московскій, пожалуй, осудить. Ты чай и ходить-то не умѣешь, и говорить-то не понимаешь, гдѣ что слѣдуетъ.

Любовь Гордѣевна.

Я, тятенька, говорю, что чувствую; я въ пансіонѣ не училась. *(Входитъ оффиціантъ и подаетъ вино Коршунову и Гордѣю Карпычу; ставитъ бутылки на столъ и уходитъ.)*

Гордѣй Карпычъ.

Такъ-то, зятюшка! Вотъ и пусть ихъ знаютъ каковъ Гордѣй Карпычъ Торцовъ! *(Входитъ Егорушка.)*

Егорушка.

Дяденька, Гордѣй Карпычъ, пожалуйте сюда-съ.

Гордѣй Карпычъ.

Что тебѣ?

Егорушка.

Пожалуйте: исторія вышла-съ. *(Смѣется.)*

Гордѣй Карпычъ *(подходя)*.

Что тамъ?

Егорушка.

Да дяденька, Любимъ Карпычъ, вошли.

Гордѣй Карпычъ.

Зачѣмъ пускали?

ЕГОРУШКА.

Имъ, должно быть, въ голову встунило, никакъ не удержимъ. (*Хочетъ.*)

ГОРДЪЙ КАРНЫЧЬ.

Что же онъ дѣлаетъ?

ЕГОРУШКА.

Гостей разгоняетъ-съ. (*Хочетъ.*) Вы, говорить, рады чужой хлѣбъ ѣсть... Я, говорить, тоже хозяинъ... я, говорить... (*Хочетъ.*)

ГОРДЪЙ КАРНЫЧЬ.

Тсс... Снялъ онъ мою голову! (*Уходитъ съ Егорушкой.*)

КОРШУНОВЪ.

Что это тамъ у нихъ?

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

Не знаю. Должно быть, дяденька что нибудь... На него иногда находить. (*Входятъ: Пелагея Егоровна, Разлюляевъ, Маша и Лиза.*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Любовь Гордьевна, Коршунувъ, Пелагея Егоровна, Разлюляевъ, Маша и Лиза.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА (*въ дверяхъ*).

Гдѣ братецъ-то?... Гдѣ Любимъ Карнычъ-то? Что онъ надѣлалъ — бѣда!

ЛЮБОВЬ ГОРДЬЕВНА.

Его здѣсь нѣтъ, маменька. (*Пелагея Егоровна уходитъ.*)

РАЗЛЮЛЯЕВЪ.

Вотъ такъ разъ! Славные штучки Любимъ Карнычъ отмачиваетъ! ха... ха... ха... Такие нули отливаешь, что только люди!

ЛИЗА.

Совсѣмъ не смѣшно, одно невѣжество!

Маша.

Я просто не знала куда дѣваться отъ стыда. (*Садятся на диванъ. Входитъ Любимъ Карпычъ.*)

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ-же и Любимъ Карпычъ.

Лиза.

Ахъ, Боже мой, опять!

Маша.

Это ужасно!

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха...

Любимъ Карпычъ.

Гурь, гурь, гурь... буй, буй, буй!.. Съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать!... Приятно! (*Протягиваетъ руку Коршунову.*) Наше вамъ-съ!.. Тысячу лѣтъ со днемъ не видались! Какъ поживаете?

Коршуновъ.

А, это ты, Любимъ?

Любимъ Карпычъ (*загоразживая лице руками*).

Я не я, и лошадь не моя, и я не извоицкъ.

Коршуновъ.

Я тебя, братецъ, помню: ты по городу ходилъ, но копеечкѣ собиралъ.

Любимъ Карпычъ.

Ты помнишь, какъ я по копеечкѣ собиралъ: а помнишь ли ты, какъ мы съ тобой погуливали, осеннія темныя ночи просиживали, изъ трактира въ погребокъ перенархивали? А не знаешь ли ты, кто меня раззорилъ, съ сумой по міру пустилъ?

Коршуновъ.

А ты самъ чего зѣвалъ? Вѣдь тебя за ворота не тянули, любезный. Самъ виновать.

Любимъ Карнычь.

И-то дуракъ, да вѣдь и тебѣ не велика честь! Ты меня такъ возвеличилъ, въ такое званіе возвелъ, что вотъ я ничего не укралъ, а людямъ въ глаза глядѣть совѣстно!

Коршуновъ.

Ты все такой же шутникъ! (*Обращаясь къ Любови Гордыевнѣ.*) Весельчакъ дядюшка-то у васъ. Видно ужъ, по старому знакомству, дать ему цѣлковенькой.

Любимъ Карнычь.

Тсс... Тутъ не цѣлковымъ нахнетъ! Отдай старый долгъ, а за племянницу миллионъ триста тысячъ!.. Дешевле не отдамъ.

Коршуновъ (*сидитъ*).

Уступки не будетъ?

Любимъ Карнычь.

Ни копейки!

Разлюляевъ.

Ай да, Любимъ Карнычь! Меньше и не бери. (*Входитъ Гордый Карнычь.*)

ЯВЛЕНИЕ XI.

Тѣ-же и Гордый Карнычь.

Гордый Карнычь.

А, ты здѣсь! Что ты со мной дѣлаешь? Вонъ сей-часъ!

Коршуновъ.

Погоди, Гордый Карнычь, не гони, что его гнать! Пусть поломается, пошутить. Хе, хе, хе...

Любимъ Карнычь.

Это братъ шутить-то, что за тебя дочь отдастъ, а я смучу съ тобой такую шутку, что будетъ тебѣ не по желудку!

Гордый Карнычь.

Ему тутъ не мѣсто. Ступай вонъ!

Любимъ Карнычь.

Братъ, погоди, не гони! Ты думаешь, Любимъ Торцовъ пришелъ шутки шутить, ты думаешь, нянь Любимъ Торцовъ? Я пришелъ вамъ загадки загадывать. (*Коршунову.*) Отчего у осла длинные уши? Пуска, давай отвѣтъ!

Разлюбовъ.

Вотъ такъ задан!

Коршуновъ.

Почемъ я знаю.

Любимъ Карнычь.

Для того, чтобы все знали, что онъ оселъ. (*Брату.*) Вотъ тебѣ задача: за кого ты дочь отдаешь?

Гордей Карнычь.

Это не твое дѣло! Ты меня не смѣешь спрашивать.

Любимъ Карнычь.

А вотъ тебѣ еще вопросъ: честный ты купецъ или нѣтъ? Если ты честный—не водись съ безчестнымъ, не трись подлѣ сажки—самъ замараешься.

Коршуновъ.

А ты шутки да не забывайся, любезный! Выгони его, или вели ему замолчать.

Любимъ Карнычь.

Это про тебя!... Видно ты чистъ, какъ трубочистъ!

Гордей Карнычь.

Братъ, уйди честью, а не то худо.

Любовь Гордѣевна (*вскакиваетъ въ испугъ*).

Дяденька, перестаньте!

Любимъ Карнычь.

Не замолчу! Теперь кровь заговорила! (*Вся домашніе и гости входятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XII.

Тѣ-же. Пелагея Егоровна, Анна Ивановна, Гуслинь, гости, гости
и прислуга.

Любимъ Карнычь.

Послушайте, люди добрые! Обижаютъ Любима Торцова, гонять
вошь. А чѣмъ я не гость? За что меня гонять? Я не чисто одѣтъ,
такъ у меня на совѣсти чисто. И не Коршуновъ: я обѣднхъ не
грабилъ, чужаго вѣку не забѣдаль, жены ревностію не замучилъ....
Меня гонять, а онъ первый гость, его въ передній уголь сажаютъ.
Чтожь, ничего, ему другую жену дадутъ: брать за него дочь отдастъ!
Ха, ха, ха. *(Хохочетъ трагически.)*

Коршуновъ *(вскакиваетъ)*.

Не вѣрьте ему, онъ вретъ, онъ это по злобѣ на меня говорить,
спьяну.

Любимъ Карнычь.

Что за злоба! Я тебѣ давно простилъ. Я человекъ маленькой,
червякъ позвучій, ничтожество изъ ничтожествъ! Ты другимъ-то зла
не дѣлай.

Гордый Карнычь *(прислугѣ)*.

Уведите его!

Любимъ Карнычь *(пожимая одинъ на-
лець къверху)*.

Се... Не трогать! Хорошо тому на свѣтѣ жить, у кого нѣту
стыда въ глазахъ!... О люди, люди! Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше
васъ! Вотъ теперь я самъ пойду. *(Обращаясь къ толпѣ.)* Шире
дорогу—Любимъ Торцовъ идетъ! *(Уходитъ и тотчасъ возвращается.)*
Извергъ естества! *(Уходитъ.)*

Коршуновъ *(принужденно хохочетъ)*.

Такъ этакой-то у тебя порядокъ въ домѣ! Этакія ты моды завелъ:
у тебя пьяные гостей обѣдаютъ! Хе, хе, хе. Я, говорить, въ Мос-
кву поѣду, меня здѣсь не понимаютъ. Въ Москвѣ-то ужъ такіе ду-
раки новывелись, тамъ смѣются надъ нами. Зятюшка, зятюшка! Хе,
хе, хе! Любезный тещюшка! Нѣтъ, шанишь, я даромъ себя обидѣть
не позволю. Нѣтъ, ты теперь приди-ка ко мнѣ, да поклоняйся, чтобъ
я дочь-то твою взять.

Гордѣй Карпычъ.

Я къ тебѣ пойду кланяться?

Коршуновъ.

Пойдешь, я тебя знаю. Тебѣ нужно свадьбу сдѣлать, хоть въ петлю лезть, да только-бъ весь городъ удивить, а жениховъ-то нѣтъ. Вотъ несчастье-то твое! Хе, хе, хе....

Гордѣй Карпычъ.

Опасли этого, когда ты такія слова говоришь, я самъ тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого вздумается, за того и отдамъ. Съ деньгами, что я за ней дамъ, всякій человѣкъ будетъ.... (*Входитъ Митя и останавливается въ дверяхъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Митя.

Митя (*обращаясь къ толпѣ*).

Что такое за шумъ-съ?

Гордѣй Карпычъ.

Вотъ за Митьку отдамъ.

Митя.

Чего-съ?

Гордѣй Карпычъ.

Молчи! Да... за Митьку отдамъ... завтра же. Да такую свадьбу задамъ, что ты и невидывалъ: изъ Москвы музыкантовъ выпущу, одинъ въ четырехъ каретахъ поѣду.

Коршуновъ.

Посмотримъ, посмотримъ. Придешь прощенья просить, придешь! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, безъ Коршунова.

Пелагея Егоровна.

За кого, Гордѣй Карпычъ, ты сказалъ?

Гордѣй Карпычъ.

За Митьку.... Да! Ишь разважничался! Точно я хуже его! Пои-
дешь кланяться! Вреть онъ, не пойду кланяться! На зло ему, за
Митрія отдамъ. *(Всѣ удивлены.)*

Митя *(беретъ Любовь Гордѣевну
за руку и подходитъ къ Гор-
дѣю Карпычу).*

Зачѣмъ же на зло, Гордѣй Карпычъ? Со зломъ такого дѣла не
дѣлають. Мнѣ на зло ненадобно-сь. Лучше ужъ я всю жизнь буду
мучиться. Коли есть ваша такая милость, такъ ужъ вы благословите
насъ, какъ слѣдуетъ — по родительски, съ любовью. Какъ любимъ мы
другъ друга, и даже до этого случая хотѣли вамъ повиниться... А
ужъ я вамъ вмѣсто сына, то есть, завсегда всею душой-сь.

Гордѣй Карпычъ.

Что, что всею душой? Ты ужъ и радъ случаю! Да какъ ты смѣлъ
подумать-то? Что она ровня чтолъ тебѣ? Съ кѣмъ ты говоришь,
вспомни!

Митя.

Я очень хорошо знаю, что вы мой хозяинъ, и что я по бѣдности
своей не могу быть имъ ровней; но впрочемъ судите, какъ хотите,
я весь тутъ-сь: — я вашу дочку полюбилъ душою-сь. *(Входитъ Лю-
бимъ Карпычъ и становится въ толпѣ.)*

ЯВЛЕНИЕ XV.

Тѣ же и Любимъ Карпычъ.

Гордѣй Карпычъ.

Какъ чай не любить! У тебя губа-то не дура! За ней вѣдь де-
негъ много, такъ тебѣ голому-то на голодные зубы хорошо.

Митя.

Для меня столь обидно отъ васъ это слышать, что я не имѣю
словъ-сь. Лучше молчать. *(Отходитъ.)* Извольте, Любовь Гордѣевна,
вы говорить-сь.

Любовь Гордѣевна.

Я, тятенька, вашей волѣ неперечила! Коли хотите вы моего
счастія — отдайте меня за Митю.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Что это и въ самомъ дѣлѣ, Гордѣй Карнычъ, капризничаешь... да! Что въ самомъ дѣлѣ! Я былю ужъ обрадовалась, насилу-то отъ сердца отлегло, а ты опять за свое. Ужъ говори чтонибудь одно, а то что это такое... право. То скажешь за одного, то за другаго. Что она тебѣ на мытарство что ли досталась?

Любимъ Карнычъ (*изъ толпы*).

Братъ, отдай Любушку за Митю.

Гордѣй Карнычъ.

Ты опять здѣсь? Да ты понимаешь ли, что ты со мной нынче сдѣлалъ? Ты меня оковфузилъ на весь городъ? Кабы ты чувствовалъ это,—ты бы не смѣлъ и на глаза-то мнѣ показываться, а ты еще съ совѣтами лезешь. Ужъ пускай бы говорить человѣкъ, да не ты.

Любимъ Карнычъ.

Да ты поклонись Любиму Торцову въ ноги, что онъ тебѣ оковфузилъ-то.

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Именно, Любимушка, надо тебѣ въ ноги поклониться... да... именно. Снялъ ты съ нашей души грѣхъ великій: не замолить бы его намъ.

Гордѣй Карнычъ.

Что жъ я, извергъ что ли какой въ своемъ семействѣ?

ПЕЛАГЕЯ ЕГОРОВНА.

Извергъ не извергъ, а погубилъ бы дочь-то изъ-за своей изъ-глупости.... Да! Я тебѣ отъ простоты моей скажу. Отдаютъ за стариковъ-то и не Африкану Савичу чета, да и то горе мычуть.

Любимъ Карнычъ.

Пустите меня! (*Поетъ.*) Трумъ-ту-тумъ, трумъ-ту-тумъ! (*Илишетъ.*) Посмотри на меня, вотъ тебѣ примѣръ — Любимъ Торцовъ передъ тобой живой стоитъ. Онъ по этой дорожкѣ ходилъ — знаетъ какова

она! И я былъ богатъ и славенъ, въ каретахъ ѣздить, такія штуки выкидывать, что тебѣ и въ голову не придетъ, а потомъ верхнимъ концомъ да внизъ. Вотъ погляди каковъ я франтъ!

Гордѣй Карнычь.

Ты мнѣ что не говори, я тебя слушать не хочу, ты мнѣ врагъ на всю жизнь.

Любимъ Карнычь.

Человѣкъ ты или звѣрь? Пожадѣй ты и Любима Торцова! (*Стаивится на колѣни.*) Братъ, отдай Любушу за Митю — онъ мнѣ уголь дастъ. Назнобся ужъ я, поголодался. Дѣта мои прошли, тяжело ужъ мнѣ наешичатъ на морозѣ-то изъ-за куска хлѣба; хотъ поцъ старость-то да честно позантъ. Вѣдь я народъ обманывалъ: просилъ милостыню, а самъ пропивалъ. Мнѣ работнику дадутъ; у меня будетъ свой горшокъ щей. Тогда то я Бога возблагодарю. Братъ! и моя слеза до неба дойдетъ! Что онъ обѣденъ-то!—Эхъ, кабы я обѣденъ былъ, а бы человѣкъ былъ. Бѣдность не порокъ.

Пелагея Егоровна.

Гордѣй Карнычь, неужели въ тебѣ чувства нѣтъ?

Гордѣй Карнычь (*утираетъ слезу*).

А вы и въ самомъ дѣлѣ думали, что нѣтъ?! (*Поднимаетъ брата.*) Ну, братъ, спасебо, что на умъ наставилъ, а то было свихнулся советъ. Не знаю какъ и въ голову вошла такая гнилая фантазія. (*Обнимаетъ Митю и Любовь Гордысину.*) Ну, дѣти, скажите спасебо дядѣ Любиму Карнычу, да живите счастливо. (*Пелагея Егоровна обнимаетъ дѣтей.*)

Гусляничъ.

Даденька, теперь и мнѣ можно?

Гордѣй Карнычь.

Можно, можно. Пропште все кому что нужно: теперь я сталъ другой человѣкъ

Гусляничъ.

Ну, Аннушка, дождалсь и ты съ тобой.

Анна Ивановна.

Ну, теперь поидеть у насъ пляска, только держи шанку.

Пелагея Егоровна.

Ужъ попляшемъ, попляшемъ.

Разлюлиевъ (*подходитъ къ Митя и ударяетъ его по плечу*).

Митя!... Для пріятелью.... все жертвуюю.... Самъ любилъ, а для тебѣ... жертвую. Давай руку. (*Ударяетъ по рукѣ*.) Одно слово.... бери, значить, жертвую для тебѣ.... Для друга ничего не жаль! Вотъ какъ у насъ, коли на то пошло! (*Утирается платой и цѣлуетъ Митю*.) А это онъ правду говоритъ: пьянство не порокъ.... то бинь — бѣдность не порокъ.... Вотъ всегда проврусь!

Пелагея Егоровна.

Ахъ, да вотъ и всё тутъ! (*Къ дѣвушкамъ*.) Нука, дѣвушки, веселенькую... да, веселенькую... Ужъ мы теперь сватьбу-то по душѣ отпиремъ, по душѣ.... (*Дѣвушки начинаютъ запѣвать*.)

Любимъ Карнычъ.

Тсс... Слушай команду! (*Запѣваетъ; дѣвушки подтягиваютъ*.)

У насъ дѣло-то сдѣлано...
Но рукамъ у насъ ударено,
Быть сговору—дѣвшнику,
Быть дѣвчьемъ вечеру.

Концеъ.

НЕ ТАКЪ ЖИВИ, КАКЪ ХОЧЕТСЯ.

НЕ ТАКЪ ЖИВИ, КАКЪ ХОЧЕТСЯ.

НАРОДНАЯ ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Л И Ц А.

ИЛЬЯ ИВАНОВИЧЪ, зажиточный купецъ.
ПЕТРЪ, его сынъ.
ДАША, жена Петра.
АФИМЬЯ, ихъ тетка.
АГАФОНЪ, мѣщанинъ изъ уѣзднаго города.
СТЕПАНИДА, его жена.
ВАСЯ, молодой купеческій сынъ.
СПИРИДОНОВНА, содержательница постоялаго двора.
ГРУША, ея дочь.
ЕРЕМКА, кузнецъ.
ЯКОВЪ, ямщикъ.
ИВАНЪ, молодецъ въ домѣ Петра.
ДѢВУШКИ и **ПАРНИ**.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ концѣ XVIII столѣтія, на масляницѣ. Содержаніе взято изъ народныхъ разсказовъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Сцена представляетъ русскую комнату; нальво два окна; прямо дсерь и направо дверь; по стѣнамъ лавки, на львой сторонѣ деревянный столъ и скамья.

ЯВЛЕНИЕ I.

Афимья и Даша.

А ф и м ѣ я.

Чуетъ мое сердце... не добро онъ чуетъ!... Да чему и быть хорошему? — Ни миру, ни ладу въ семьѣ! Знать ужъ Богъ вовсе отступился отъ насъ, гляючи на наше пенутное житье. За грѣхъ

за какой-нибудь наказанье экое Петру Шлычу, да за наше неумоленіе. И на чужаго-то смотрѣть на бѣзпутнаго сердце мретъ, а то, легкое ли дѣло, свое дѣтище!... да еще женатый!... Хорошо, что мать-то Богъ прибралъ, а то каково бы ей на это глядѣть-то!... Отцу супротивникъ, жену замучилъ!... Въ кого такой уродился? Теперь дни прощенные, и чужіе мирятся, а у нихъ и вставаючи и ложаючись брань да перекоръ. Ну гдѣ онъ теперь шляется? Ждали, ждали обѣдать, а его и слыхомъ не слышать!... Всю масляницу гуляетъ, скружился какъ угорѣлый. Отецъ-то пришелъ полюбоваться на ваше житье: есть на что радоваться! Чѣмъ бы погостить, а онъ домой собрался.

Д а ш а.

Не говори, тетушка, ужъ и такъ тошно.

А ф и м ѣ я.

Да что не говорить-то! Нешто неправда?

Д а ш а.

Что же, тетушка, что же мнѣ дѣлать-то? Завезъ онъ меня на чужую сторону украдучи.

А ф и м ѣ я.

Плоха жена, отъ которой мужъ гуляетъ.

Д а ш а.

Измучилась я! Все сердце онъ изъ меня вынулъ! Отца не слушаетъ, а я что?

А ф и м ѣ я.

А ты жена, не чужая.

Д а ш а.

Хуже чужой я ему теперь.

А ф и м ѣ я.

Ты, видно, Даша, ужъ такая горькая зародилась, да вотъ и къ намъ-то несчастье принесла!... Точно какъ по то стало.

Д а ш а.

Не я къ вамъ несчастье принесла. Пока любилъ меня Петръ Шлычъ, такъ и жилъ хорошо, а разлюбилъ — Богъ его знаетъ, что съ нимъ случилось, — и сталъ гулять.

А ф и м ъ я.

Кабы ты жила съ нимъ, какъ женѣ слѣдуетъ жить, другое бы дѣлю; а то, гдѣ же это видано, равно ты, прости Господи, какъ полюбовница какая, виснешь ему на шею. Нешто женѣ такъ подобаеть?

Д а ш а.

Чудное это дѣлю съ нимъ сдѣлалось! Думаю я не придумаю.
(*Плачетъ. Илья Ивановичъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ-же и Илья Ивановичъ.

И л ь я.

Дарья, не плачь, не гнѣви Бога! Снизви голову, но волосамъ не плачуть.

Д а ш а.

Батюшка, куда ты собрался?

И л ь я.

Пойду отъ васъ прочь. Я и смотрѣть-то на васъ не хочу, не стойте вы того. Придешь къ вамъ на недѣлю-то, равно въ омутъ.

Д а ш а.

Ты хоть сына-то подожди, да поговори ему.

И л ь я.

Подожду, поговорю ему въ послѣдній разъ, крѣпко поговорю. Вѣдь гибнетъ! Съ экой-то жизнью добра нечего ждать! Такіе-то люди близко бѣды ходять. Хочеть — послушаетъ, хочеть — итъ, а я старій человѣкъ, мнѣ покой нуженъ, пора и своя душа вспомнить. Будеть, пожилъ въ міру, всего насмотрѣлся, только дураго-то больше видѣлъ, чѣмъ хорошаго. Съ тѣхъ норъ и свѣтъ увидалъ, какъ у брата въ его кельѣ живу. Вотъ немножко прошелъ по Москвѣ, всего-то отъ монастыря до васъ, а сколько мерзости-то видѣлъ! Народъ-то словно въ аду кинуть; шумъ, гамъ, ифени бѣсовскія! Вотъ вчера, говорятъ, двонхъ мертвыхъ на улицѣ подняли, да одинъ въ прорубѣ утонулъ. Христіанская ли это смерть! Куда они угодили? Какое житье въ міру-то нынче? — Только соблазнъ одинъ. Сынь вотъ родной, и тотъ что дѣлаеть. Нешто я его такъ воспитывалъ-то? (*Входитъ Петръ.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ-же и Петръ.

Илья.

Гдѣ погулялъ, добрый молодецъ?

Петръ.

Въ Москвѣ мѣста много, есть гдѣ погулять, была бѣ охота.

Илья.

До сыта-ль изгулялся?

Петръ.

Погулялъ таки. Ты, батюшка, куда сообразя?

Илья.

Бѣжать хочу, закрывши глаза.

Петръ.

Что жь не погостишь съ нами?

Илья.

Надоѣло мнѣ глядѣть-то на тебя, живешь больно нехорошо.

Петръ.

За что, батюшка, гнѣваешься? Чѣмъ мы такъ провинились передъ тобой?

Афимья.

Чѣмъ? Не ты бѣ говорилъ, не мы бы слушали, безпутные твои глаза!

Петръ.

Не твоего разуму это дѣло.

Даша.

Батюшка сердается, что ты все гуляешь, да со мной дурно живешь.

Петръ.

Ты что ль изжаловалась?

Илья.

Что жаловаться-то! Развѣ я самъ не вижу, что живешь не по людски.

ПЕТРЪ.

Эхъ, ужъ, видно, мнѣ не жить по-людски... на меня, должно быть, напущено.

Илья.

Это что за рѣчи?

ПЕТРЪ.

Загубилъ я себя съ тобой! Связала ты меня по рукамъ и по ногамъ.

Даша.

Ты мучитель, ты кривошвецъ!

Илья.

Что вы? При мнѣ-то? (*Грозно.*) Молчать! Ты никакъ ума рехнулся! Тебя нешто кто неволилъ ее брать? Самъ взялъ, не спрося ни у кого, украдучи взялъ, а теперь она виновата! Вотъ по-словница-то сбывается: «Божье-то крѣпко, а вражье-то лѣпко.»

ПЕТРЪ.

Она меня проворожила чѣмъ-нибудь... зельемъ какимъ-нибудь.

Илья.

Не говори, не грѣши! Что тебя привораживать, коли ты и такъ ровно чумовой. Своевольщина-то и все такъ живетъ. Надѣлаютъ дѣла, не спрося у добрыхъ людей, а спрося только у воли своей дурацкой, да потомъ и плачутся, ронщутъ на судьбу, грѣхъ къ грѣху прибавляютъ, такъ и путаются въ грѣхахъ-то, какъ въ лѣсу.

ПЕТРЪ.

Да что жъ, батюшка, дѣлать-то? Какъ еще жить-то?

Илья.

Живи по закону, какъ люди живутъ.

ПЕТРЪ.

Ну, а я вотъ загулялъ... Чтожъ такое? Нынче дѣло масляничное. Ужъ и не погулять? Масляная то одинъ разъ въ году бываетъ. Мнѣ что за дѣло, какъ люди живутъ; я живу, какъ мнѣ хочется.

Илья.

Извѣстно, по своей волѣ легче жить, ничѣмъ по закону; да своя то воля въ пронасть ведетъ. Дობрому одна дорога, а развращенному десять. Узкій и прискорбный нуть вводитъ въ животъ, а широкій и пространный вводитъ въ пагубу.

Петръ.

Не все гулять, придетъ время и поправимся, и сами будемъ другихъ учить; учить-то не хитро. Тенерь и погулять-то, когда гуляется. Ты, батюшка, самъ былъ молодъ.

Илья.

Такъ чтожь? Нешто я такъ жилъ? Молодъ, такъ и распутничать! Не для веселья мы на свѣтѣ-то живемъ. Не подъ старость, а съ молоду добрыми-то дѣлами занасаются. Ты оглянись на себя: дома ты не живешь, знаешься съ людьми пехорошими, жену обижаешь. Что жъ у васъ дальше-то будетъ, скажи ты мнѣ?

Петръ.

А что будетъ, то будетъ. Проживемъ какъ-нибудь, — своимъ умомъ, не чужимъ.

Илья.

Ну такъ и живи! А я видѣть этого не хочу! И говорить-то мнѣ тяжело. Что говорить? кому говорить? Кабы разумъ былъ, а безъ разума и ученье не въ прокъ.

Петръ.

А иѣтъ, такъ и негдѣ взять. На иѣтъ и суда иѣтъ.

Илья.

А иѣтъ, такъ наберись у добрыхъ людей, да проси Бога, чтобъ далъ, а то какъ червь погибнешь! *(Встаетъ.)* Прощайте! Коли будете жить хорошо, такъ приду о праздникѣ, а до тѣхъ поръ и не ходите ко мнѣ, мнѣ и такъ суета надоѣла. Помни, Петръ! передъ твоими ногами бездна разверстая. Кто впалъ въ гульбу да въ распутство, отъ того благодать отстунаетъ, а враги человѣческіе возрадуются, что ихъ волю творять, и пристунаютъ, поучая на зло, на гнѣвъ, на ненависть, на волхвованіе и на всякія козни. И таковымъ одна часть со врагомъ. Выбирай что лучше: либо жить честно, въ

любови у отца, съ душой своей въ мирѣ, съ благодатию въ домѣ; либо жить весело, на смѣхъ и покорь людямъ, на горѣ роднымъ, на радость врагу челоуѣковъ. Прощайте! Петръ, наступають дни великіе, страшные, опомнись. Вотъ тебѣ мой приказъ, родительскіи приказъ, грозный: — опомнись, взгляни на себя. Прощайте.

АФИМЬЯ.

Ужели такъ уйдешь? Поиче дни прощенье, все люди прощаются.

ДАША.

Батюшка, прости насъ. *(Кланяются въ ноги.)*

ИЛЬЯ.

Простите и вы меня.

ДАША.

Благослови насъ.

ИЛЬЯ.

Васъ благословить? Стоите ли вы? Нѣтъ, вы подождите моего благословенія до той поры, пока будете жить хорошо. Порадуй меня, Петръ! Лучше совсемъ не жить, чѣмъ жить такъ, какъ ты живешь. Благословенье отца нужно: безъ благословенья пропадешь, какъ песь. *(Уходитъ. Все провожаютъ его. Афимя уходитъ за нимъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Петръ и Даша *(Петръ садится къ столу и задумывается).*

ДАША.

Слышалъ, что батюшка-то сказалъ?

ПЕТРЪ.

Отстань!

ДАША *(подсаживается).*

Послушаешь батюшку, будешь любить меня непрежнему?

ПЕТРЪ.

Дарья, отойди.

ДАША.

Да скажи мнѣ, желанный мой, не утай ты отъ меня, чѣмъ тебѣ я надоѣла? Али я не ласкова что ли къ тебѣ, Петръ Ильичъ? Али не услужила чѣмъ? (*Петръ молчитъ.*) Чѣмъ прогнѣвала? Голубчикъ, Петръ Ильичъ, скажи!

ПЕТРЪ.

Отойдешь ли ты отъ меня, или нѣтъ?

ДАША.

Живемъ мы съ тобой всего годочекъ...

ПЕТРЪ.

Дарья!.. (*Замалгивается.*) Не вводи въ грѣхъ!

ДАША.

Убей ты меня лучше! Не хочу я жить безъ твоей ласки! Самъ вѣдь ты меня приучилъ. Зачѣмъ же ты меня прежде любилъ да нѣжилъ, а бы ужъ не привыкала. Помнишь, мой сердечный, дома то ты, бывало, на меня не нагляднись, а выдемъ мы съ тобою въ праздникъ на улицу — и сидимъ нѣлый день обнявшись, за обѣую руку ты меня держишь, въ глаза мнѣ смотришь. Народъ-то идетъ — на насъ радуется. Скоро-то, скоро все это миновалось! (*Плачетъ.*)

ПЕТРЪ.

Что миновалось, того не воротить.

ДАША.

Да, не воротить! Да нельзя жъ мнѣ и не тужить-то объ немъ, объ томъ золотомъ времячкѣ. Петя, можетъ, тебѣ скучно? Хочешь, а тебѣ нѣсенку свою, что ты нѣваль холостой? (*Молчаніе.*)

ПЕТРЪ.

Отстань! Отойди ты, и безъ тебя тошно.

ДАША.

Да скажи, что тошно-то? Скажи ты мнѣ, что тошно-то? Вѣдь я тебѣ не чужая.

ПЕТРЪ.

А то тошно, что ты своими слезами изъ меня всю душу вытянула, да еще батюшкѣ нажаловалась. Онъ мнѣ вонъ какихъ стра-

теи насулилъ, по неволѣ голову повѣсиль. Что жъ ты думаешь, послѣ его брани-то я къ тебѣ ласковѣй что ли буду? Какже, дожидайся.

Д а ш а.

Ужъ коли такъ, отпусти меня къ батюшкѣ.

П е т р ь.

Ступай, пожалуй, хоть на все четыре стороны.

Д а ш а.

Ну, такъ прощай.

П е т р ь.

Прощай, не поминай лихою, доброю нечѣю.

Д а ш а.

Охъ, горе, мое, горюшко!

П е т р ь.

Горе? Вотъ гдѣ горе! Не зальешь его, не затушишь!... Дайте мнѣ вина! Скорѣй вина! Шевелитесь!... (*Входитъ Афимя.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ-же и Афимя.

А ф и м я.

Что тебѣ?

П е т р ь.

Вина дайте.

А ф и м я.

Ты, видно, дитячко, забылъ, что отецъ-то говорилъ.

П е т р ь.

Кто здѣсь хозяинъ? Что я дома у себя, или въ гости пришелъ? (*Садится.*) Вина! (*Ударяетъ по столу.*) Да ты подай хорошенькаго, нынче масляница.

А ф и м я.

Принесу пойду, что воюешь-то! (*Отходитъ и останавливается.*) Ты на нее-то посмотри! Видишь плачетъ, уѣивается. Заблъ ты чужой вѣкъ, заблъ.

ПЕТРЪ.

Эй, Иванъ! (*Иванъ входитъ.*) Запречь мнѣ жеребца вороного, дугу писаную... Проворѣй!

ДАША.

Посиди дома-то хоть немножко.

ПЕТРЪ.

Нечего мнѣ дома дѣлать, здѣсь угарно.

АФИМЬЯ.

Какой угаръ? Что ты выдумаешь!

ПЕТРЪ.

А я говорю, что угарно, такъ и будь по моему.

АФИМЬЯ.

Ты скажи только, скажи, варваръ, желаю я знать отъ тебя, за что ты жену-то замучилъ!

ДАША.

Тетушка, замолчи.

АФИМЬЯ.

Возьму да уйду, не стану глядѣть на васъ, чтобы сердце не над-рывалось.

ПЕТРЪ.

Да уйди, тетка, кто тебя держить; авось ладу больше будетъ.

АФИМЬЯ.

Ладу, ладу? Врешь ты, разбѣивникъ! Отъ тебя ладу въ домѣ нѣтъ.

ПЕТРЪ.

Тетушка, пойдешь-ли ты за виномъ, али нѣтъ? А то я самъ схожу: смотри, какъ бы хуже не было.

АФИМЬЯ.

Мнѣ чужаго не жаль. Ней, пожалуй, коли ты еще не сытъ.

ДАША.

Я пойду схожу.

А Ф и м ь я.

Балуи, ухаживай за нимъ, а онъ на тебя и глядѣть не хочетъ.
(*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VI.

П е т р ь (*одинъ*).

Эхъ! Шибко голова болить! Скружился я совѣзмъ! (*Задумывается.*) Аль погулять еще? Дома-то тоска. Спуталъ я себя по рукамъ и по ногамъ? Кабы не баба у меня эта плакса, погулялъ бы я, показалъ бы себя. Что во мнѣ удали, такъ на десять человѣкъ хватить! А и то сказать, велика радость сидѣть съ бабами, пересыпать изъ пустого въ порожнее. Ужъ догуляю масленую, была не была!

Удали голова,
Не ходи мимо сада,
Не прокладывай слѣда,
Дороженьки не торя,
Худой славы не клади.

А какъ голова-то болить; ровно треснуть хочетъ. Поѣду-ка я къ своей кралечкѣ, размычу тоску-горе. (*Даша входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Д а ш а и П е т р ь.

Д а ш а.

Вотъ, Петръ Ильичъ, кушай на здоровье.

П е т р ь.

Не кажись ты мнѣ! Нишь ты глаза-то скосила!.. Точно яду подаешь! Пить-то изъ твоихъ рукъ не хочу!

Д а ш а.

Пронадай ты совѣзмъ, измучилъ ты меня! (*Ставитъ вино на столъ; Иванъ входитъ.*)

И в а н ь.

Лошадь готова.

П е т р ь (*напиваетъ стаканъ и пьетъ*).

Давай. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Д а ш а (одна).

Что же это за мука мученская! Батюшка-то съ матушкой чай думаютъ, дочка-то живетъ въ богатствѣ, да въ радости, а не знаютъ они того, что я съ утра до ночи слезами обливаюся. Что жъ дѣлать-то? Наша доля терѣть, — потерлю; можетъ онъ погуляетъ, погуляетъ, да за умъ возмется, опять ко мнѣ придетъ, голубчикъ мой. (*Молчитъ нѣсколько времени.*) Одного только, кажется, не перенесетъ душа моя, коли онъ да промѣняетъ меня на кого-нибудь. А вѣдь отъ него, пожалуй, станется. Лучше возьми онъ мое сердце, да разорви его на части, размечи по чисту полю, чѣмъ такое злодѣйство сдѣлать надо мною. (*Вася сходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Д а ш а и Вася.

В а с я.

Съ широкой масляницей!

Д а ш а.

Здравствуй, Вася. Что ты?

В а с я.

Маленько загулялъ.

Д а ш а.

Чтой-то, Вася? Съ тобой прежде этого не было.

В а с я.

Съ горя, Дарья Агафоновна, съ горя, съ большой со кручины.

Д а ш а.

Полно, что у тебѣ за горе?

В а с я (*садится*).

Есть, Дарья Агафоновна, есть. Печаль тоска несносная!.. Погоди, постой, я съ горя ибсенку запою. Можно?

Д а ш а.

Пой.

В а с я *(поетъ)*.

Востоскуйся ты, моя сударушка,
По мнѣ возгорюйся.

Д а ш а.

Вася, а Вася, что у тебя за горе?

В а с я.

Не скажу, вотъ ни за что не скажу! Хоть сей-часъ скажите,
не скажу.

Д а ш а.

Ну, а не скажешь, такъ и не надо.

В а с я.

И ни.... ни.... ни за что на свѣтѣ! *(Поетъ.)*

.... По мнѣ возгорюйся.
Ужъ и самъ-то ли, я самъ
По тебѣ, сударушка....

Д а ш а.

Ну, Богъ съ тобой, не говори, я и не спрашиваю.

В а с я.

Нельзя, невелѣно.... подъ страхомъ невелѣно.... онъ меня убьетъ.

Д а ш а.

Кто онъ-то?

В а с я.

Некоторый человекъ. *(Поетъ.)*

.... Самъ я востосковался.

Д а ш а.

Вася, а Вася, скажи мнѣ, что я у тебя спрошу.

В а с я.

Спрашивай!

Д а ш а.

Куда Петръ Ильичъ ѣздитъ? Ты съ нимъ ѣзжалъ вмѣстѣ.

В а с я.

Этого нельзя. *(Поетъ.)*

Ипадаютъ на меня,
Меня сиротинушку,
Охъ да лхи люди.

Д а ш а.

Вася, ты вина не хочешь-ли? Выпей вотъ вишнепочки.

В а с я.

Нѣтъ, боюсь!... Тятенька — ухъ!... и... и не живи на свѣтѣ!...
Я и то вотъ хмѣльнечекъ немножко... такъ зашелъ къ вамъ, авось
пройдетъ... а то боюсь... тятеньку до смерти... и... бѣда!...

Д а ш а.

Да ты уснешь у насъ, вотъ и пройдетъ... Ничего, выпей.

В а с я.

Нешто одинъ стаканчикъ.

Д а ш а *(наливаетъ)*.

Выпей, Вася, ничего. *(Вася пьетъ.)* Такъ ты не скажешь,
куда вы ѣздите-то?

В а с я.

Никакъ невозможно этого сдѣлать: не велѣлъ.

Д а ш а *(съ испугомъ)*.

Какъ не велѣлъ? Да отчего же не велѣлъ.

В а с я.

Такъ, не велѣлъ, да и все тутъ. Убью, говорить, на мѣстѣ!
Да не спрашивай, Дарья Агафоновна, я ничего говорить не стану.

Д а ш а.

Ну, хорошо... ну, хорошо, я не буду спрашивать. Выпей еще,
Вася.

В а с я.

Нѣтъ, покорно благодарствуйте, будетъ... и то мутить... а я
тятеньки боюсь.

Д а ш а.

Вотъ, тятенька! Что такое? Нынче масляница. *(Наливаетъ.)*

В а с я.

Вѣдь этакъ, пожалуй, нашьешься! (*Идетъ.*)

Д а ш а.

Ничего. Какой ты, Вася, хороший.... тебя чай дѣвушки любятъ....
Ишь ты какой гудравый! (*Гладитъ по головѣ.*) А? любятъ дѣвушки?
(*Наливаетъ вина.*)

В а с я.

Меня дѣвушки очень любятъ. Да только вотъ одна, что самая
которая красавица, надо мной надсмѣялася.... Конечно, онъ стар-
шой.... и по торговлѣ, да зачѣмъ обижать!...

Д а ш а.

За что тебя обижать?

В а с я.

А онъ обидѣлъ, онъ шутку шутилъ.. Да еще какую шутку! а
еще благо.... бла.... благопріятель называется.

Д а ш а.

Скажи пожалуй!... Ну, ну....

В а с я.

Я все ходилъ къ ней украдкой, потихоньку, потому я боюсь, тя-
тенька узнаетъ.... Куда, говорить, ты ходишь?.. Да нѣтъ, онъ не ве-
лѣлъ сказывать.... ты, говорить, и подумать не смѣй! А то, говорить,
ты, пожалуй, съ дуру-то, жейтъ....

Д а ш а.

Васенька, миленькой, а какую и тебѣ невѣсту сосватаю. Вышея,
Вася.

В а с я.

Не пой ты меня, сдѣлай милость, не пой.... а то я пьяный все
скажу, а я не должонъ попріятельски.... и онъ не велѣлъ.... Тогда
лучше и не живи на свѣтѣ!

Д а ш а.

А какую невѣсту, Вася! Какая красавица-то, писаная!

В а с я *(шьетъ)*.

Ну, хорошо, ну, я все скажу.... все, за то, что онъ меня обидѣлъ.... кровно обидѣлъ.... надсмѣшку надо мной сдѣлалъ!... Только ты ему не сказывай.

Д а ш а.

Не скажу, не скажу.

В а с я.

Вотъ, говорить, куда ты ходишь? Я говорю: есть дѣвушка, красавица, живетъ съ матерью, туда, говорю, и хожу... Грушенькой зовутъ. Возьми, говорить, меня съ собой. Взялъ я его. Вотъ мы и ходимъ къ ней много разъ.... много разъ... сидимъ это, растоба-риваемъ, праничковъ носимъ.... все какъ слѣдуетъ. Вотъ я вижу, начинается онъ къ ней поддѣлываться, холостымъ сказаися....

Д а ш а *(отодвигается съ ужасомъ)*.

Ахъ, батюшки!

В а с я.

Ты, говорить, не смѣй сказывать, что я женатый!... А старуха-то его руку тянетъ, потому богатый. Потомъ какъ-то говорить, ты, говорить, проваливай, и не смѣй сюда ходить, а то, говорить, убою! И, говорить, отцу скажу. Чтожъ, извѣстно, я тятеньки боюсь! Ты, говорю, ни.... ни.... нѣтъ меня хочешь.... Что же, нѣтъ! Отольются тебѣ мои слезы.... Цѣлую недѣлю, Дарья Агафоновна, я плакалъ на-взрыдъ, а вотъ нынче съ-горя вышилъ.... не могъ я этого прео.... переломить въ себѣ!

Д а ш а.

Охъ, горюшко!

В а с я *(плачетъ)*.

Я человѣкъ, у меня сердце. душа есть.... чай, она чувствуетъ.... Я, вѣдь, не каменный!... У него жена есть, а я сирота.... у меня нѣтъ никого....

Д а ш а *(встаетъ)*.

Тетушка, матушка! *(Афимья входитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ X.

ТѢ-ЖЕ И АФИМЬЯ.

Д а ш а.

Тетушка, поскорѣй соберите меня.... я ѣду къ своимъ... пѣшкомъ уйду, бѣгомъ убѣгу!...

А ф и м ѣ я.

Да что ты?

Д а ш а.

Злодѣй-то мой, тетушка, совсѣмъ меня бросилъ!... Тетушка, у него есть полюбовница!... Вотъ отчего онъ дома-то не живетъ.

А ф и м ѣ я.

Ой! что ты? Ахъ, родная!

Д а ш а.

Не онъ-ли мнѣ клялся, всю душу то проклялъ, божившись, что одну меня любить будетъ, а теперь нашелъ себѣ здѣсь какую-то.... (*Подходитъ къ Васю и толкаетъ его.*) Кто она такая, а? (*Вася молчитъ.*) Спать! поскорѣй, тетушка, поскорѣй.... Поѣду въ Рогожевую, найму лошадей. Легче мнѣ не видать его совсѣмъ, чѣмъ вѣкъ съ нимъ горе мыкать. Будетъ, пожили. Прощай, Петръ Ильичъ!

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

Изба на постояломъ дворъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Спиридонова и Яковъ.

Спиридонова.

Ну, ну, закладывай ступай.

Яковъ.

Что жъ, Анна Спиридонова, я тебѣ за овесъ деньги отдаю сполна, значить, какъ есть.

Спиридонова.

Ну, отдаю — и конецъ.

Яковъ.

Да извѣстно.... что жъ такое.... дѣло масляничное, можно нашего брата и винцомъ похолить.

Спиридонова.

Ужъ вы, жида, изъ души вытянете. (*Подноситъ водки.*)

Яковъ (*пьетъ и утирается*).

Покорнѣйше благодаримъ.

Спиридонова.

А въ Буньковѣ Мишкѣ кривому дай.

Яковъ.

Оно это точно, что жъ говорить, Мишка кривой супротивъ другихъ ловчѣй будетъ. Только теперь староста на буньковскихъ ящичковъ приказъ написалъ: если будете, примѣрно, метать промежъ себя и тащить, котора половина больше, такъ и тащите, а имъ чтобы не галдить, и чтобы супротивъ говорить не смѣли. (*Входитъ Груша.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

ТѢ-ЖЕ и Груша.

Груша (*подарывая и похлопывая руками*).

Ухъ, какъ перезябла вся, бѣда!

Спиридоновна.

А неволя стоять на морозѣ-то? Точно тебя изъ избы-то гонять.

Груша.

Да ужъ больно весело на улицѣ-то: парни гуляютъ, дѣвки гуляютъ, пѣсни играютъ, не ушелъ бы отъ нихъ, кажется. Я погрѣюсь да опять пойду. Что-то мнѣ сегодня ужъ больно весело, дѣвкѣ.

Спиридоновна.

А то неужто скучать? Объ чемъ это? — Живемъ хорошо, ожидаемъ лучше. (*Ямщику*.) Ты что здѣсь толчешься-то? Ступай закладывай.

Яковъ (*почесываясь*).

Да ужъ больно мнѣ.... тово.... неохота отъ масляной уѣзжать-то.

Спиридоновна.

Вамъ бы все гулять! Ступай! ступай! (*Толкаетъ его: ямщикъ уходитъ*.) Поди вотъ поподчуй, купцовъ виномъ; сидятъ тамъ лошадей дожидаются. Пошути тамъ съ ними, побалагурь, наври имъ короба съ три, они вѣдь охотники.

Груша.

Да, какъ же, нужно мнѣ къ нимъ идти!... Пристаютъ, да цѣловаться лѣзутъ: смерть не люблю! Мнѣ и отъ своихъ-то парней проходу нѣтъ.

Спиридоновна.

А къ тебѣ нешто пристають? А я такъ люблю купцовъ. Я вотъ десять лѣтъ постоялый дворъ держу, десять лѣтъ какъ въ огнѣ горю, ни одному мужику противъ меня не потрафить, такъ ужъ завидалась я ихъ. Я послѣ покойника-то твоего отца молоденькая осталась; тогда еще мы въ Буньковѣ держали. Бывало, наѣдутъ — пей, гуляй, весе-

лись! Уважаю даже кунцовъ за ихъ жизнь. Только держи себя въ струнѣ: языкомъ, молъ, что хонь болтай, рукамъ воли не давай— вотъ мой обычай! Этоть.... какъ его?... Петръ Ильичъ что-ли? Что онъ больно часто повадился?

Груша.

Ничего, ходитъ такъ себѣ, для время провожденія. Не гонять-же его.

Спиридонова.

Зачѣмъ гонять, можетъ и пригодится. Ты его, Груша, блюди, приголубивай, только небольно поваживай. Женись молъ, вотъ и все тутъ, и хлопотать не объ чемъ, а на бобахъ-то, молъ, насъ не проведешь. А до той поры пуцай ходить, да гостинцевъ носить. Что имъ въ зубы-то смотрѣть!

Груша.

Ишь ты, мать! Какъ же, охота мнѣ за-мужъ! По тѣхъ поръ и погулять, пока въ дѣвкахъ. Еще за-мужемъ-то наживуся! Гулай, дѣвка, гулай я!

Спиридонова.

Не вѣкъ же тебѣ въ дѣвкахъ-то сидѣть, а вышла за человѣка хорошаго, да за богатаго, и ходи какъ нѣва... Фу ты, ну ты!... Толь не житье! Пей, ѣшь на поданномъ, ложись на посланномъ, только врозь ползи. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

Груша (*одна*).

За-мужемъ-то жить трудно! Угождай мужу, да еще какой навернется.... Всѣ они холостые-то хороши!... Еще станетъ номыкать тобой. А дѣвкамъ намъ жить веселое, каждый день праздникъ, гулай себѣ не хочу! Хочешь работай, хочешь пѣсни пой!... А приглянулся-то кто, развѣ за нами уемотришь. Хитрѣй дѣвокъ народу нѣтъ. (*Поетъ пьесю; Спиридонова и Петръ входятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Груша, Спиридонова и Петръ.

Спиридонова.

Вотъ я къ тебѣ гостя привела. Садись, Петръ Ильичъ. Скидай шубу-то.

ПЕТРЪ.

Ненадо. Я на минуту къ вамъ, проездомъ заѣхалъ.

ГРУША.

Отчего жь на минуту? Посиди.

ПЕТРЪ.

Цехорошо днемъ-то: у васъ мало ли народу толчется — увидятъ.

ГРУША.

А тебѣ кого бояться-то?

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, я уже приѣду, вечеромъ, въ тѣ-поры погуляемъ.

СПИРИДОНОВНА.

Сиди, сиди, небось, никто сюда не войдетъ. А уже приѣзжай, милости просимъ. Выней-ка вина.

ПЕТРЪ.

Не хочу.

СПИРИДОНОВНА.

Полно ломаться-то. Выней.

ПЕТРЪ.

Ну, давай. (*Шептъ.*) Спасибо.

СПИРИДОНОВНА.

Вотъ такъ-то... на здоровье! Смоталась совсѣмъ, и день и ночь няня, дымъ коромысломъ; такая ужъ эта недѣля, право. (*Уходитъ; Груша затворяетъ за ней дверь.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Груша и Петръ.

ГРУША.

Что ты такой сердитый? На меня что ль сердить?

ПЕТРЪ.

Я нынче не въ себѣ, скучно, дѣла такіа есть.

Груша.

А ты не скучай! Что за скука!... Такъ-то, голубчикъ мой бѣленькой. (*Поетъ.*)

Какъ у молодца, у удалого,
Печаль тоска не бывала;
Что сегодняшнюю-то темну ночь
Печаль тоска обузала.

Петръ.

Ужъ очень я тебя люблю! Надоть такъ думать, ты меня приворожила чѣмъ ницаестъ!

Груша.

Что-ты! Господь съ тобой!

Петръ.

Возьми ты вострый ножъ, зарѣжь меня, легче мнѣ будетъ.

Груша.

Да что съ тобой сдѣлалось?

Петръ.

Несчастный я человекъ? Ничего я не пойму, ничего не соображу. Голова моя вся кругомъ пошла! Ровно туману кто нанустилъ на меня!

Груша.

Да отчего такъ? Скажи.

Петръ.

Говори ты мнѣ прямо, такъ, чтобъ ужъ я зналъ: любишь ли ты меня?

Груша.

А то скажешь — нѣтъ? Известно, люблю.

Петръ.

Ой ли? Вѣрно твое слово?

Груша (*обнимая его крѣпко*).

Вотъ какъ люблю!... вотъ!

ПЕТРЪ.

Груша, такъ ты меня такъ любишь? Ну, пропадай все на свѣтъ! Скажи ты мнѣ теперь: загуби свою душу за меня! — Загублю, глазомъ не сморгну.

ГРУША.

Что ты, что ты?! Нехорошо! Нешто такія слова говорятъ? Въ какой часъ скажется. Вотъ у насъ кузнецъ Еремка, все этакъ душой-то своей клялся, въ тренсподнюю себя проклиналъ... Ну что жъ, сударь ты мой... такая-то страсть!... И завелъ его на сѣноваль подь крышу. Насилу стащили, всего скорчило. Ужъ такой-то этотъ Еремка распостылый! Какихъ бѣдъ съ нимъ не было! Два раза изъ прорубя вытаскивали, а ему все какъ съ гуся вода.

ПЕТРЪ.

Что мнѣ себя жалѣть-то? Ужъ и такъ пропащая моя голова, за одно пропадать-то! Говори, мое солнышко, чего тебѣ нужно: золота, серебра, каменьевъ самоцвѣтныхъ — себя заложу, а тебѣ подарю.

ГРУША.

Ничего мнѣ, голубчикъ ты мой бѣленькой, не надо, всего у меня довольно. А ты вотъ что, парень, люби ты меня, какъ я тебя люблю.

ПЕТРЪ.

Эхъ, дѣвка! Что балясы-то точишь! Видишь я въ какомъ разѣ! Проси чего хочешь. Дорогаго проси!

ГРУША.

Чего у тебя просить-то! А вотъ что: ходи почаще, носи пряничковъ послаще, да еще ленту поалѣе, да гляди на меня помилѣе, да цѣлуй покрѣпче... ха, ха, ха... Да вотъ еще я у тебя давно хотѣла попросить, купи ты мнѣ перстенечикъ.

ПЕТРЪ.

Ужо два привезу.

ГРУША (*поетъ*).

Мнѣ не дорогъ твой подарокъ,
Дорога твоя любовь!
Золото твое колечко
Прижму ко сердечку.

У насъ у всѣхъ дѣвушекъ есть... ну, понимаешь... пріятелн. По-смотри въ праздникъ, сколь хорошо: на улицѣ сидятъ всѣ вмѣстѣ; а ты вотъ со мной никогда не погуляешь. Покрайности я перстенецъ покажу, что есть у меня такой парень, который меня вѣрно любитъ. Ты пріѣзжай уже пораньше, зложимъ тройку, насажаемъ дѣвокъ, поѣдемъ кататься съ пѣснями.

ПЕТРЪ.

Давай руку. (*Беретъ руку.*) Значить, конечно! (*Ударяетъ ее по руку. Груша киваетъ головой.*) Такъ на кой намъ шутъ дѣвокъ! Мы двое поѣдемъ.

ГРУША.

Что жъ не поѣхать!

ПЕТРЪ.

Поѣдешь?

ГРУША.

Извѣстно, поѣду.

ПЕТРЪ (*цѣлуетъ Грушу*).

Вотъ это люблю! Это по нашему. Поди, посмотри, нѣтъ-ли кого въ избѣ, либо на дворѣ.

ГРУША.

Что такъ скоро? Посиди.

ПЕТРЪ.

Тенерь некогда. Еще вечеръ то нашъ.

ГРУША.

Ну, нельзя, такъ ненадо. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VI.

ПЕТРЪ (*одинъ*).

Ухъ! Загуляю! Эку паву подѣлъ! Насъ ли дѣвушки не любятъ? (*Груша входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

ПЕТРЪ и ГРУША.

ГРУША.

Ступай, никого тамъ нѣтъ, только какая-то старушка пріѣхала, нездѣшняя.

ПЕТРЪ.

Ну, прощай!

ГРУША.

Прощай, соколикъ. (*Петръ уходитъ.*) Какія мы дѣвки баловницы! Вотъ приласкай парня, онъ и не отстанетъ, и будетъ полѣ тебя уѣвваться. Только, чтой-то онъ иной разъ такой хорошии, веселый, а иной разъ чудной такой? Чтой-нибудь у него на душѣ есть. Можетъ, онъ что недоброе затѣваетъ.... такъ мы съ матушкой и двери покажемъ, у насъ недолго! А все будетъ жаль. Вотъ шуткой, шуткой, а вѣдь какъ полюбилъ, ажъно сердце постъ, такъ вотъ и бѣется, ровно голубь. (*Входитъ Степанида.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ГРУША и СТЕПАНИДА.

СТЕПАНИДА.

А что, дѣвонька, погрѣться бы у васъ тутъ у печки, можно?

ГРУША.

Погрѣйся, тетенька.

СТЕПАНИДА.

А вотъ одеженку-то тутъ положу, да мѣшечки-то вотъ.... Изюмало всюю.... да прозябла немножко; не близко вѣдь ѣхать-то, третьи сутки въ дорогѣ. А дорога-то, милая, извѣстно, масляница, не первый путь. Охъ, охъ, охъ. Въ Москву со старикомъ, дѣвушка, приѣхали, дочку навѣстить, да не знаемъ гдѣ найтись-то. Пообогрѣмся, ночку переночуемъ, а завтра поидемъ поищемъ.

ГРУША.

Какъ же это ты, тетенька, не знаешь, гдѣ дочь найти?..

СТЕПАНИДА.

Въ Москвѣ-то всего въ первой, толку-то не скоро найдешь, опять же время къ вечеру.

ГРУША.

Что жъ, она у васъ здѣсь за-мужемъ?

Степанида (*усаживается у печки*).

А вотъ, дѣвонька, видишь ты, какое дѣло-то вышло. Городъ-то нашъ на проѣзжей дорогѣ,—мѣщане мы. Живемъ-то хоть бѣдненько, а домишка-то у насъ хоть куда. Вотъ и останавливаются у насъ куницы и баре, случается. Семья-то у насъ небольшая была: я съ мужемъ, да дочка Дашенька, хозяинъ-то у меня ужъ старенець. Останавливался у насъ проѣздомъ кунецъ молодой, началъ онъ Дашу-то уговаривать, да уещать. Намъ и невдомекъ такое дѣло. А въ прошломъ году, около святокъ, и сманилъ ее у насъ.

Груша.

Ишь ты, а!

Степанида.

Сманилъ, сманилъ. Гора-то, горя-то что было! Ну да, ужъ, нечего дѣлать, не воротись. Только получаемъ мы отъ нея письмо изъ Москвы. Вотъ оно и теперича со мною... Все такъ съ собой и пошу. Пишетъ, просить прощенія и благословенія отъ насъ нерушимаго, и что какъ пріѣхали они въ Москву, онъ на ней женился, и у него семья и торговля, все какъ слѣдуетъ, и что живетъ она благополучно и съ мужемъ въ любви.

Груша.

Видишь ты счастье какое! За купца за богатаго!... Подитка ты!.. Знать изъ себя хороша?

Степанида.

Ужъ куда хороша!.. Не знаю теперь какъ; можетъ горе-то ее повысушило, а допрежь-то этого была такая красавица, полная, да бѣлая... Вотъ хоть съ себя примѣръ возьми.

Груша.

Ну, что я за красавица, помеломъ нарисованная.

Степанида.

Нѣтъ, что жъ, ты хорошая дѣвушка, видная, и тебя, гляди, хорошій женихъ возьметъ.

Груша.

Да вѣдь это, тетенька, какое счастье выдетъ; не родись пригожь, а родись счастливъ.

Степанида.

Не завидуи, дѣвушка, чужому счастью. Вотъ мы было и порадовались, что такъ даль ей Богъ. Должно быть, честныйи человекъ, хорошій, на ея долю вышелъ. Да какъ и не порадоваться? Своя кровь, своя болѣзнь. Только, послѣ этого письма, она намъ ничего и не писала, и слуху о ней не имѣли — жива она или нѣтъ. Собрались ѣхать, да не на кого дома оставить; а вотъ недавнушко слышали мы отъ проѣзжихъ людей, что мужъ-то съ ней сталъ дурно жить, загуливать, хмѣлемъ зашибаться. Нечего дѣлать, собралась со старикомъ, да и поѣхали. Ну, тамъ, конечно, родня богатая, еще какъ примутъ: бываетъ, мать-то и выгонютъ. Скука-то меня больно обуяла безъ дочушки-то!.. Всѣ глазыньки выплакала, отъ нитя, отъ ѣды отбило... Сама, милая, посуди.

Груша.

Извѣстное дѣло. (*Агафонъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ-же и Агафонъ.

Степанида.

Что это ты, старина, замѣшкался?

Агафонъ (*распоясываясь*).

Я все съ лошадкой: отирегъ, поставилъ на мѣсто, сѣнца даль. Животику-то жалѣть надо, вѣдь она не скажетъ. Ну, вотъ, старуха, Богъ даль и пріѣхали, а ты все торонилаась. Зачѣмъ торониться-то? Тише ѣдешь, дальше будешь.

Степанида.

Да мнѣ больно доченьку-то увидеть хотѣлюсь.

Агафонъ.

Вотъ и увидишь, коли Богъ дастъ. Все своимъ чередомъ, торониться-то никогда не надо.

Степанида.

Ужъ я не чаяла и дожить-то. Ноги-то старыя, а то бы такъ и побѣжала.

Агафонъ.

Что ѡбъять-то? Ну, что ѡбъять-то? Зачѣмъ? Баба дура, зачѣмъ? А мы смирененько придемъ, скромненько... всему свое время, свой предѣлъ. Достань-ка мнѣ ленешечку изъ мѣшка, ножуемъ нока.

Степанида (*достаетъ*).

На тебѣ помягче, а то не угрызешь.

Агафонъ.

Ну, хорошо, ладно. Вотъ это мнѣ по зубамъ. (*Бьютъ молча.*)

Степанида.

Что то наша Даша дѣлаетъ теперь, поглядѣла-объ хоть однимъ глазкомъ.

Агафонъ.

Что? Извѣстно что,—свое дѣло дѣлаетъ; хозяйство есть, чай хлопотеть; люди богатые, не то что мы.

Степанида.

А вѣдь какъ чай трудно ей ѡбъдой въ чужой-то семьѣ.

Агафонъ.

Не въ чужой, а въ своей.

Степанида.

Да говорить, что мужь-то ее не любить

Агафонъ.

Мало что говорить; не всякому слуху вѣрь.

Степанида.

А ужъ какъ она, ѡбъдая, намъ рада-то ѡдетъ.

Агафонъ.

Извѣстно, рада ѡдетъ. А все, старуха, чай маленько зазорно ѡдетъ на стариковъ-то своихъ смотреть. Какъ ты думаешь, а?

Степанида.

Что жъ зазорно? Богъ ей судья, мы сами не безгрѣшные.

Агафонъ.

Извѣстно, не безгрѣшныя... А все какъ-то тово... дѣтицу-то противъ родителей... какъ будто негодится.

Степанида.

Что жъ, Агафонъ Потанычъ, ты вѣдь въ тѣ-поры самъ первый ее простилъ.

Агафонъ.

Что жъ не простить! Я любовь къ ней имѣю, потому одна, а кого любишь, того и простишь... Я и врагу прощу, я никого не сужу. Да развѣ я одинъ судья-то? а Богъ-то? Богъ-то простить ли? Можетъ, отъ того и съ мужемъ-то душно жить, что родителей огорчила. Вѣдь какъ знать? *(Спиридоновна и Даша входятъ.)*

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ-же, Спиридоновна и Даша.

Спиридоновна.

Сейчасъ, матушка, сейчасъ, подожди немного, красавица. Лошадокъ заложутъ тебѣ хорошихъ, мигомъ довезутъ. Посиди вотъ тутъ, подожди.

Даша. *(садится къ столу).*

Хорошо, я подожду.

Спиридоновна.

Что ты, никакъ плачешь? По родителямъ что ли? Аль горе какое есть?

Даша.

Нѣтъ, такъ, ничего.

Спиридоновна.

Что тосковать-то, нынче масляница. Гляди-ка народъ-то скрутился совѣзмъ. Масляница вѣдь одинъ разъ въ году бываетъ, не уважать-то ее нельзя. А ужъ, правду матку тебѣ сказать, бѣда какъ голова болить.

Агафонъ.

Кому масляница, кому и великій постъ. Охъ, охъ, охъ...

СПИРИДОНОВА.

Вѣстимо что такъ. (*Къ Грушѣ.*) Сунь-ка, Груша, въ печку давшніе блины-то, годятся къ ужотькому, къ ужину.

Груша.

Сейчасъ, матушка. (*Беретъ ухватъ.*)

СПИРИДОНОВА.

Подальше подвниъ, подальше. Ну, да вотъ эти-то.... да вотъ горшечекъ-то. (*Груша сажаетъ и отирается на ухватъ.*)

ДАША (*говоритъ нараспѣвъ, сквозь слезы*).

Полечу я втащечкой кукушечкою,
Полечу на матушкину на сторонушку.

СТЕНАНИДА.

Что это бабочка-то больно тоскуеть?

АГАФОНЪ.

Знать не легко, коли тоскуеть.

ДАША (*продолжаетъ*).

Сяду я во садикъ да на яблоньку,
Запою младешенька жалкимъ голосомъ.

СТЕНАНИДА.

Не наша ли горькая съ чужой стороны?

АГАФОНЪ.

Что ты, что ты, старуха!

СТЕНАНИДА.

Семь-ка я погляжу пойду. (*Подходитъ къ Дашѣ.*)

ДАША (*встаетъ*).

Матушка, ты ли это?

СТЕНАНИДА.

Дочушка!... Дашенька! (*Даша кидается къ ней на шею.*) Дятятко ты мое родимое, солнышко мое красное, заря ты моя возхожая, сокровище ты мое ненаглядное!... (*Садится.*) Потанычь, поди-ка, свѣтъ, сюда.

А Г а ф о н ь (*подходитъ*).

Что тамъ у васъ?

Д а ш а (*встаетъ*).

Батюшка! прости ты пенокорную. (*Кланяется.*)

А Г а ф о н ь.

Ну, что ты, что ты?... Ну, Богъ съ тобой, Богъ съ тобой!... (*Садится.*)

С т е н а н и д а.

Ужь и гдѣ же я тебя встрѣтила!... Не ждала-то я, не чаяла...

Д а ш а.

Ахъ, тятенька, въ глаза-то тебѣ глядѣть мнѣ совѣстно.

А Г а ф о н ь.

Ну, что про старое толковать!... Богъ съ тобой! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Куда ты это, дочка, собралась-то—скажи ты мнѣ?

Д а ш а.

Къ вамъ, тятенька, собралась.

А Г а ф о н ь.

Ну, это хорошо, доброе дѣло, что вспомнила. Что жъ тебя мужъ-то отпустилъ?

Д а ш а.

Нѣтъ, тятенька.

А Г а ф о н ь.

Какъ же это нѣтъ? Какъ же нѣтъ?

Д а ш а.

Да что, тятенька, передъ вами мнѣ утаивать не слѣдь: жили мы сперва съ Петромъ Ильичемъ очень хорошо, любилъ онъ меня. (*Груша вслушивается.*) Потомъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сталъ загуливать, пить, дома не бываетъ, со мной только что ссорится....

А Г а ф о н ь.

Ну, что жъ, ну, что жъ?

Д а ш а.

Каждый день брань да ссора. Ну, ужь такъ и быть, перенесла бы я это горе: сама виновата, безъ воли родительской пошла за него. А то матушка ты моя, родная ты моя, промѣнялъ онъ меня на какую-то .. (*Ложится на шею къ Степанидѣ.*) Легко-ли это моему сердцу.

С т е п а н и д а.

Что ты? дитячко мое, что ты?

Д а ш а.

Ниче, ниче мнѣ Вася сказывалъ, къ намъ ходить. (*Махнувъ рукой.*) Пріятель его!... (*Со слезами.*) Мой-то холостымъ, виднись ты, прикинулся!... (*Опять ложится на плечо.*)

Г р у ш а (*бросая ухватъ*).

Ахъ, матушка! ахъ, ахъ!...

Д а ш а.

Разлучили меня съ другомъ милымъ, съ сердечнымъ моимъ...

Г р у ш а.

Охъ!... Сердце мое!

Д а ш а.

Разлучила меня съ нимъ злая разлучница!

Г р у ш а.

Матушка! Да вѣдь это я, разлучница-то!

С и р и д о н о в н а.

Что ты плачешь-то? На нихъ что-ли глядя?

А г а ф о н ъ.

Ну, такъ что жъ ты? Ну, что жъ ты?

Д а ш а.

Къ вамъ батюшка, собралась ѣхать, опять жить съ вами, съ моими родными.

А г а ф о н ъ.

Какъ къ намъ? Зачѣмъ къ намъ? Нѣтъ, поѣдемъ, а тебя къ мужу свезу.

Даша.

Цѣтъ. батюшка, не поѣду я къ нему.

Агафонъ.

Да ты пойми, глухая, пойми — какъ я тебя возьму къ себѣ? Вѣдь онъ мужъ твой? *(Встаетъ)* Поѣдемте. Что болтать-то пустяки, чего быть не можетъ!... Собирай, старуха, одежонку, собирай!... Какъ ты отъ мужа ѳжашь, глухая!... Ты думаешь, мнѣ тебя не жаль? Ну, вотъ все вмѣстѣ и поплачемъ о твоемъ горѣ — вотъ и вся наша помощь! Что я могу сдѣлать? Поплакать съ тобой — и поплачу. Вѣдь я отецъ твой, дитятко мое, милое мое! *(Плачетъ и целуетъ ее, потомъ беретъ свою одежду и подходитъ къ ней.)* Ты одно пойми, дочка моя милая: — Богъ соединилъ, человекъ не различаетъ. — Отцы наши такъ жили, не жаловались — не роптали. Ужели мы умѣе ихъ? Поѣдемъ къ мужу. *(Беретъ ее за руку и уходитъ, Степанида за ними.)*

ЯВЛЕНИЕ XI.

Груша и Спиридоновна.

Груша *(плача)*.

Матушка, да вѣдь онъ женатый!

Спиридоновна.

Кто онъ-то?

Груша *(сидясь къ столу и закрывая лицо руками)*.

Петръ Ильичъ!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА I.

Комната втораго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ II

Груша (*сидитъ у стола*); Спиридоновна (*входитъ*).

СПИРИДОНОВНА.

Что ты сидишь-то тутъ, безтыдница! Тамъ сосѣдки пришли, а ты и глазъ не кажешь.

ГРУША.

Не пойду я къ нимъ.

СПИРИДОНОВНА.

Вотъ еще что выдумала! На что это похоже? Сама звала, а теперь прячешься.

ГРУША.

Да, хорошо имъ!... Имъ весело.

СПИРИДОНОВНА.

А у тебя поди-ка какое горе!.. Плюнуть да и все тутъ. Вотъ погоди, приди онъ только, мы его такъ турнемъ, что онъ своихъ не узнаетъ.... Чтобы онъ мелкимъ бѣсомъ не разсыпался, да дѣвокъ не сманивалъ.

ГРУША.

Что онъ не идетъ-то? Ужъ мнѣ бы поскорѣй сердце сорвать! Такъ бы изругала, такъ бы изругала!... Ужъ подвернись онъ только теперь мнѣ!... Погоди жъ ты, постылый ты человѣкъ!

С П И Р И Д О Н О В Н А.

Да, нужно очень связываться-то!.. Велика невидаль! Мой обычай: поворотъ отъ воротъ, да изъ головы вонь! Неужели жъ еще думать!... Поставь-ка орѣшковъ на столъ, да позови дѣвокъ-то сюда. Полно дурачиться-то, что за слезы! ..

Г р у ш а *(встаетъ и ставитъ на столъ закуски).*

Вотъ только съ сердцемъ-то не сообразишь, а то не стоитъ онъ того, чтобы объ немъ плакать-то. Пойду пѣсню запою, со зла, во все горло, что только духу есть! *(Уходитъ слышится заунывная пѣсня.)*

ЯВЛЕНИЕ II.

С П И Р И Д О Н О В А, потомъ Г р у ш а и ДѢ В У Ш К И.

С П И Р И Д О Н О В Н А.

Молодецъ у меня Груша! Вся въ меня, вотъ какъ я была съ-молоду.... Еще погулять хочется, молода очень. Ну чтожъ, пускай погуляетъ, себя потѣшитъ. За этой дѣвкой матери нечего смотрѣть, мать спи спокойно; ее не скоро оплетишь. Золото, а не дѣвка! *(Слышится хоровая пѣсня.)* Ну, загуляли мои дѣвушки!... Эхъ, не прежніе мои года, подурачилась бы съ ними. *(Входитъ Груша и дѣвушки.)* Ну, что жъ замолчали? Попойте, повеселитесь, а я пойду велю вамъ двои сани запречь, кататься поѣдете.

НѢ К О Т О Р Ы Я ДѢ В У Ш К И.

Благодаримъ покорно, Анна Спиридоновна! Вотъ весело! *(Спиридоновна уходитъ.)*

Г р у ш а.

Дѣвушки! Я нынче гулять хочу! Всю ночь проѣздивъ, пѣсни прокричимъ.

О д н а дѢ В У Ш К А.

Что такъ?

Г р у ш а.

Хочу себя потѣшить, своему сердцу волю дать. О! да что тутъ разговаривать! — Давайте винца выньемъ, пока матушка не пришла. *(Достаетъ изъ поставца вино.)*

НѢКОТОРЫЯ ДѢВУШКИ.

Что ты, что ты!

Груша.

Я впередъ дорогу покажу. Ну-ка, въ первой съ роду... (*Пьетъ.*)
Ой, какъ горько! Какъ это люди-то пьютъ! — Дайте пряничка. Такъ
ужь съ горя выпила, обидѣлъ меня одинъ человѣкъ. Пейте, дѣвушки
не ломайтесь, только поскорѣе! (*Подноситъ вино; нѣкоторыя
пьютъ; всѣ хохочутъ; входитъ Еремка съ балабайкой.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ-ЖЕ И ЕРЕМКА.

ЕРЕМКА.

Нашъ атласъ не йдетъ отъ насъ. Всѣ ли вы здѣсь?

ДѢВУШКИ.

Ахъ, ахъ! Еремка пришелъ! Еремка пришелъ!

Груша.

Ты зачѣмъ сюда? Непрошенный гость хуже татарина.

ЕРЕМКА.

Да ты что? Какія нынче дни-то! Ты вспомни! А еще хозяйка!
Ты меня сперва наперво винцомъ поподчуй, а потомъ я съ вами
прощаться стану. (*Утираетъ губы.*)

ДѢВУШКИ.

Ишь ты что выдумалъ! Какже, дождайся.

Груша (*поднося вина*).

На, выпей, да и убирайся, откуда пришелъ.

ЕРЕМКА (*пьетъ*).

Нѣтъ ужь онъ, видно, не уйдетъ; мнѣ и здѣсь хорошо.

Груша.

Ну, какъ хочешь, мы тебя къ себѣ не пустимъ.

ЕРЕМКА.

Не пустите? Я вѣдь колдунъ: я съ вами шутку смучу, всѣмъ назадъ затылкомъ оборочу. (*Дѣвушки смѣются.*)

ГРУША.

Садитесь, дѣвушки. (*Дѣвушки садятся вокругъ стола.*) Тебѣ и мѣста нѣтъ.

ЕРЕМКА.

Я и на полъ саду, коли мѣста нѣтъ, не великъ баринъ. (*Садится и запѣваетъ.*)

Я на камушкѣ сажу,
Я топоръ въ рукахъ держу.
Ай люди, ай люди!
Я топоръ въ рукахъ держу...

ГРУША.

Что его слушать-то, дѣвушки, запѣвайте пѣсню.

ДѢВУШКИ (*поютъ*).

Сходила младенька всѣ луга и болота,
Всѣ луга и болота, всѣ сѣнные покосы.
Приснигала младеньку мени темная ночька.
Миѣ на умъ-то пришло про родимаго братца.
Ужъ я стукъ подь окошко, ужъ я брякъ во колечко.
—Дома ль, дома ли братецъ? Дома ль бѣлой голубчикъ?
Дома, дома, сестрица: Дома, бѣла голубка!
—Ты укрой меня, братецъ, да отъ темныхъ ночи,
Что отъ темныхъ ночи, да отъ лютаго звѣря.

(*Входитъ Петръ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ПЕТРЪ.

ПЕТРЪ (*у двери*).

Вотъ я къ веселью-то какъ разъ. Миръ вамъ и я къ вамъ.

ГРУША.

Милости просимъ! А мы только хотѣли конку въ ланти обовать,
да за вами посылать.

ПЕТРЪ.

Здравствуй, Груша! Здравствуй, моя лапушка! Здравствуйте, дѣвушки.

Груша.

Здравствуйте и благодарствуйте!

Петръ.

Ну, дѣвушки, гуляйте, я вамъ гостинцу принесъ.

Груша.

Благодаримъ покорно, у насъ свой есть, намъ чужаго непадобно.

Еремка.

Давай мнѣ, коли мнѣ непадобно. (*Дѣвушки смѣются.*)

Петръ.

Что ты, Грушенька! Аль на тебя нашло что?

Груша.

Я пьяна! (*Хохочетъ.*)

Петръ.

Что ты, что ты? Подойди-ка ко мнѣ, поцѣлуемся.

Груша.

Какже, дождайся.

Еремка.

Купецъ! ты легонько, — спроту не задави. (*Всѣ смѣются.*)

Груша.

Послушайте, дѣвушки-красавицы, я вамъ причту скажу. Была иѣкоторая дѣвка. Ну вотъ, хорошо. Только дѣвка-то дура. Ходилъ наречь къ этой дѣвкѣ, разныя рѣчи говорилъ, только все обманывалъ: я, говоритъ, холостой, богатый, такой сякой, немазаный. Я тебя люблю, за себя за-мужъ возьму... А выходитъ на дѣлѣ-то — онъ женатый.

Петръ (*строго*).

Что ты, шутнишь или смѣешься?

Груша.

Эхъ, совѣтъ, совѣтъ!

Петръ.

Аль насказалъ тебѣ кто? — Говори прямо.

Г р у ш а.

Кто бы не сказалъ, да сказалъ.

П е т р ь.

Это тебя смущаютъ только, обманываютъ, а ты и рада вѣрить всякому.

Г р у ш а (*сидится*).

Ну, хорошо! Обманули такъ обманули. Будь ты честный человекъ, только отъ насъ подальше. Еремка, давай сироту споемъ.

Е р е м к а.

Давай, запѣвай.

Г р у ш а (*поетъ*).

Сирота ль ты моя, сиротинушка,
Ты запой, сирота, съ гора. пѣсенку.

Е р е м к а.

Хорошо пѣсни пѣть пообѣдавши:
Ужъ и я ль, сирота, да не завтракалъ.
Я не завтракалъ, да вечеръ не ужиналъ.

Г р у ш а.

Расскажи, сирота, хоть намъ сказочку.

Е р е м к а.

Хорошо говорить вина выпивши.
Вина выпивши, вдоволь выславившись:
Ужъ и я ль, сирота, я не выпивши,
У меня, сироты, нѣту хлѣбушка.
Нѣту хлѣбушка, сош. нѣту кислыхъ щей.

Кунецъ, давай денегъ на капусту.

П е т р ь.

Пошелъ прочь! (*Садится у печи*.) Только бы мнѣ добратся, кто это тебѣ насказалъ, ужъ не увернулся бы у меня, задалъ бы я ему память. Васька что ли? Убью я его.

Г р у ш а.

Васю мы и въ глаза не видали. Что на людей-то сваливать, коли самъ виновать.

ПЕТРЪ (*встаетъ*).

Нѣтъ это, Груша, не то. Не вѣрь ты никому!... Все вороги мои, разлучить насъ съ тобой хотять, погубить меня хотять! Развяжи ты меня, скажи мнѣ: шутишь что ли?

ГРУША.

Не кажись ты мнѣ на глаза! Была глупа, теперь не обманешь! Только нашу бесѣду растронь! Хоть бы Вася пришелъ, потѣшилъ бы насъ. (*Къ двушкамъ.*) Вотъ, двушки, люблю парня: не надсмѣшникъ, не обманщикъ, милый человекъ, можно ему чести принести; не то что, какъ есть люди, которые могутъ всегда лгать, горять одно, а на умъ другое. (*Вася входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Тѣ-же и Вася.

ПЕТРЪ.

Ты зачѣмъ?

ГРУША (*встаетъ и беретъ Васю за руку*).

А ты изъ чужаго дома не гони, не спросясь хозяина. Поди сюда, Вася, не бось.

ВАСЯ.

Зачѣмъ? Тебѣ что за дѣло? Взялъ да и пришелъ. Что-жъ такое?— Нище масляница, ужъ и не погулять мнѣ. Нишъ ты какой ловкой!

ГРУША.

Что жъ ты, Вася, не цѣлуешься со мной? Цѣлуйся со всѣми: нище дни прощенье.

ВАСЯ.

Ой, что вы! (*Цѣлуется со всѣми.*) Да вѣдь вотъ онъ тятенькѣ пожалуется. Чтожъ хорошаго?

ПЕТРЪ.

Что-жъ вы со мной дѣлаете, окаянныя! Али вамъ погибели моей хочется?

ГРУША.

Вѣдь ты холостой?

В а с я.

Извѣстно, холостой.

П е т р ь.

Прощай, Груша! Коли со мной что недоброе сдѣлается, на твоей душѣ грѣхъ будетъ. Я голова отиѣтая, ты меня знаешь. (*Подходитъ къ двери.*)

Г р у ш а.

Ты, Вася, женишься на мнѣ?

В а с я.

Я бы радъ радостью, да какъ тятенька позволить.

Г р у ш а.

А ты попроси.

В а с я.

Ужъ вотъ какъ буду просить! Въ ногахъ кланяться.

П е т р ь (*у двери*).

Ну, Васька, помни ты это! Ты лучше мнѣ и на глаза не попадайся! Я тебѣ напередъ говорю. Я теперь въ себѣ не властенъ.

В а с я.

Да что ты присталь-то? Я, братъ, ничего, право слово, ничего.

П е т р ь.

Ужъ я знаю что.

Г р у ш а.

Не знаешь ты ничего!

С и р и д о н о в н а (*въ дверяхъ*).

Ступайте, дѣвушки, кататься, лошади готовы.

Г р у ш а.

Пойдемте, дѣвушки, пойдѣмъ Вася.

П е т р ь (*беретъ ее за руку*).

Груша, поѣдемъ со мной.

Г р у ш а.

Какъ не ѣхать!

ПЕТРЪ.

Поѣдемъ, говорю я тебѣ.

ГРУША.

Что ты разбѣишчатъ что ли?

ПЕТРЪ.

Не пущу я тебя!

ГРУША.

И радъ бы не пустить, да пустишь. Восвать-то много не дадимъ. *(Тихо.)* Ты думаешь, мнѣ Вася сказать? Жена твоя была здѣсь. — Понялъ ты теперь? Вотъ тебѣ и сказъ!

ПЕТРЪ *(схватаетъ себя за голову).*

Жена!

ГРУША.

Запѣвайте, дѣвушки, пѣсню. *(Обращаясь къ Петру.)* Ходите почаще — безъ васъ веселѣй! *(Обнимая Васю.)* Запѣвайте, дѣвушки, пѣсню, величайте насъ, будто жениха съ невѣстой.

ЕРЕМКА.

Возьмите меня съ собой.

ГРУША.

Пожалуй и не надо.

ЕРЕМКА.

Ну, я не заплачу. *(Дѣвушки запѣваютъ пѣсню и уходятъ.)*

ЯВЛЕНИЕ VI.

ПЕТРЪ и ЕРЕМКА.

ПЕТРЪ *(подходитъ къ окну; за сценой слышится продолженіе пѣсни, смѣхъ и звонъ бубенчиковъ.)*

Уѣхали! *(Садится и задумывается.)*

ЕРЕМКА

Купецъ, а купецъ! видно, мы съ тобой здѣсь съ тараканами остались.

ПЕТРЪ *(тихо)*.

Жена была здѣсь?! Зачѣмъ же она была? Ее привелъ кто-нибудь... Кто-нибудь да привелъ. *(Вскрикивается.)* Что жъ это со мной сдѣлал! *(Закрываетъ лицо руками и опускается на столъ.)*

ЕРЕМКА.

Конецъ! Что-жъ ты приунылъ? Хочешь погѣшу?

ПЕТРЪ.

Искать меня! Следить! Погодишь ты теперь. А ужъ коли такъ, пропадай все на свѣтѣ! Покажу-жъ я себя!... Ужъ я теперь надѣлаю дѣлъ!...

ЕРЕМКА.

Такъ ужъ, видно, тебѣ судьба.

ПЕТРЪ.

Что?

ЕРЕМКА.

Я говорю: ужъ, видно, такъ тому дѣлу и быть. А ты брось, не думай, а то хуже. Хочешь, я тебѣ пѣсню спою?

ПЕТРЪ *(взглянувъ на него)*.

Пѣсню? Какую пѣсню?

ЕРЕМКА.

Вотъ какую... *(Поетъ.)*

Куманечекъ, побывай у меня,
Животочекъ, побывай у меня,
Побывай, бывай, бывай у меня.
У тебѣ, кума, собачка лиха!...
Охъ лиха, лиха, лиха, лиха!...
ха, ха, ха, да ха, ха, ха...

ПЕТРЪ *(приподнимаясь)*.

Пошелъ прочь, пока живъ!...

ЕРЕМКА.

Куда мнѣ идти-то? — Я здѣшній; а тебѣ иора, дѣлать здѣсь нечего... Было дѣло, да собака съѣла.

ПЕТРЪ.

Убью я тебя!...

ЕРЕМКА.

Убьешь, такъ отвѣтишь... Купецъ, не плюй въ колодець, годится водицы напиться.

ПЕТРЪ.

Да отвяжись ты, дьяволъ! Что тебѣ отъ меня нужно, а? Что ты за человѣкъ?

ЕРЕМКА.

Изъ старыхъ нищихъ молодой обморокъ. (*Петръ смотритъ на него.*) Купецъ, я слово знаю.

ПЕТРЪ.

Какое слово!

ЕРЕМКА.

А такое слово, что все будетъ по нашему, какъ намъ хочется

ПЕТРЪ.

Да ты вправду, аль шутя?

ЕРЕМКА.

Ужъ за то берусь.

ПЕТРЪ.

Слушай! Если ты меня не обманываешь, я тебя озолочу.

ЕРЕМКА.

Зачѣмъ обманывать! Мы скоморохи, люди вѣжливые — обмануть не обманемъ, а своего не упустимъ, мимо рта не пронесемъ.

ПЕТРЪ.

Бери ты съ меня послѣднюю рубашку, только дѣло сдѣлай. Вотъ мнѣ до которыхъ норъ приходитъ. Видишь? (*Показываетъ на шею.*)

ЕРЕМКА.

Зачѣмъ рубашку! Сдѣлаемъ дѣло — деньги возьмемъ; а не сдѣлаемъ — ненадо. Вотъ сперва-наперво, значить, выннть надоть, другой разговоръ пойдетъ. Ты-то, купецъ, поиче, можетъ быть, пообѣдалъ власть, да и выннлъ что слѣдуетъ, такъ тебѣ можно разговаривать; а у меня натошакъ въ горлѣ пересохло, да и языкъ-то, признаться тебѣ сказать, не шевелится.

ПЕТРЪ (*дастъ деньги*).

На, выней поди.

ЕРЕМКА.

Ты только деньги-то дай, а еще вынить-то успею, наше отъ насъ не уйдетъ. (*Беретъ.*) Вотъ спасѣо! Теперь говорить будемъ. Я вижу, ты, кунецъ, человѣкъ хорошии, съ тобою знакомство водить можно. (*Садится подлѣ него.*)

ПЕТРЪ.

Ну, говори, не томи.

ЕРЕМКА.

Погоди. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Есть у тебя тоска-кручина, напущена эта кручина на тебя по вѣтру: тутъ безъ ворожбы дѣло не обойдется. Есть у меня такой человѣкъ, изъ простыхъ да ловкѣи, половчѣи меня будетъ.

ПЕТРЪ.

Страшно!

ЕРЕМКА.

Страшно, такъ не ходи.

ПЕТРЪ.

И можетъ онъ приворожить дѣвку, чтобъ любила, чтобъ не она надо мной, а я надъ ней куражился, какъ душѣ угодно?

ЕРЕМКА.

Можетъ; его приворотъ на тысячу вереть дѣйствуетъ. Такъ приворожить, что она изъ дому убѣжитъ, да къ тебѣ придетъ. Только къ нему съ пустыми руками не ходи, а надо штофъ вина, да денегъ рубль. Да не со всякимъ онъ еще и разговаривать-то станетъ, а съ кѣмъ я прикажу.

ПЕТРЪ.

Ну такъ поѣдемъ.

ЕРЕМКА.

Ты не больно торонись, не во всякѣи часъ это дѣлается, надобно знать время. Теперь еще не тотъ часъ, а мы прежде пойдѣмъ погуляемъ. У тебя есть деньги?

ПЕТРЪ.

Эхъ, голова, ты въ жизнь такой гульбы не видывалъ, что отъ меня увидишь!

ЕРЕМКА.

А я тебѣ такіе мѣста покажу, только ухъ! Дымъ коромысломъ. Только деньги припасай.

ПЕТРЪ.

Деньги съ нами.

ЕРЕМКА.

Ну и ладно. Поїдемъ. Вотъ и я съ праздникомъ. *(Поетъ).*

Ужъ и я ли твоему горю помогу!
Помогу—могу—могу—могу—могу.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНИЕ I.

(Входитъ Даша и Афімья со свѣчкою въ рукахъ).

ДАША.

Тетенька, словно кто-то стучить, не онъ ли? Посмотрите-ка.

АФИМЬЯ.

Какже онъ, дожидайся! Ужъ теперь забатился, такъ всю ночь прогуляетъ *(Заглядывая въ двери.)* Я говорю, что никого нѣтъ. Поїдетъ онъ домой, коли ему въ людяхъ весело. Не такое чадочко, чтобъ ему дома сидѣть *(Ставитъ свѣчу на столъ.)*

ДАША *(садясь къ столу).*

Пьетъ онъ мою кровь! Легко ли дѣлю, почь на дворѣ, а онъ шатается.

АФИМЬЯ.

А ты что сидишь-то? Поди спать, я его одна подожду. А то еще, на грѣхъ, придетъ хмѣльной, брань заведете, что хорошаго!

ДАША.

Итъ, ужъ я подожду, у меня что-то сердце не на мѣстѣ: не случилось бы съ нимъ чего-нибудь.

АФИМЬЯ.

Извѣстно, гутьба до добра не доведеть... Ужъ не сноситъ ему своей головы.

ДАША.

Ахъ, тетушка, не говори, и такъ страшно. (*Молчаніе.*) Поужинать-то приготовить, перовно спросить.

АФИМЬЯ.

У меня ужъ готово, только подать. Еще съ какимъ народомъ-то водится, кто его знаетъ. Вѣдь народъ всякой есть: навяжется какой оборотень, тому научить, что и подумать-то грѣхъ, не къ ночи будь сказано. (*Звѣаетъ.*) Ишь ты, какъ спать хочется, ровно какъ передъ бѣдой: говорятъ, передъ бѣдой-то сонъ одолѣваетъ... Или такъ ужъ старость-то что ли? Ты бы почитала поученьице какое на сонъ-то градуцій, я бы послушала.

ДАША (*береть книгу*).

Чтобы почитать-то? (*Прислушивается*). Тетушка, стучать.

АФИМЬЯ.

И то стучать. (*Береть свѣчу и идетъ къ двери*.)

ДАША (*у двери*).

Что, ошь?

АФИМЬЯ.

Охъ, нехорошъ! Поди-ка лучше спрячься отъ грѣха, нехорошъ пришелъ, и на меня-то ровно медвѣдь зарычалъ. (*Даша уходитъ; Петръ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

АФИМЬЯ и ПЕТРЪ.

ПЕТРЪ (*сидясь*).

Ужинать!

АФИМЬЯ.

Сейчасъ, батюшка, сейчасъ. (*Ставитъ на столъ ужинъ.*)

ПЕТРЪ.

Зажигай огня!

АФИМЬЯ.

Да гдѣ жь теперь? Ужъ снять всѣ.

ПЕТРЪ.

Дѣлай, что я приказываю! Разобью все въ прахъ!... Щепки цѣлой не оставлю!

АФИМЬЯ.

Ну ужъ не сердись, погоди, принесу.

ПЕТРЪ (*нѣтъ*).

Смѣяться надо мной! Нѣтъ шалишь!.. Не позволю! Будеть съ меня, посмѣялись, выгнали, а я здѣсь дома.... Нѣтъ, погоди! Я имъ не дуракъ достался!... Весь домъ на ноги подниму! Ты мнѣ тетка, а ты меня не трожь, а то... ухъ!... Не дыши перело мной, не огорчай меня! (*Нѣтъ.*) Говори правду — ходила жена со двора? (*Молчаніе.*) Говори! Я тебя спрашиваю — говори!

АФИМЬЯ.

Да вотъ что, Петръ Ильичъ, по правдѣ тебѣ сказать, не то что она съ двора ходила, а вовсе было къ своимъ собралась да уѣхала.

ПЕТРЪ.

Ну и пронадай она пронадомъ! Провались она!.. И на духъ мнѣ ея ненужно...

АФИМЬЯ.

Да со стариками на дорогѣ встрѣтилась и воротилась.

ПЕТРЪ.

И не кажись она мнѣ на глаза! Убью! Своими руками задушю! Она мнѣ врагъ, а не жена! Мнѣ нынче человѣкъ сказывалъ про нее, все сказывалъ, онъ все знаетъ, онъ колдунъ....

АФИМЬЯ.

Что ты?... Богъ съ тобой! Съ кѣмъ ты водишься!... Что съ тобой?

ПЕТРЪ.

Молчать! Онъ говорить, не жена она тебѣ, а змѣя лютая! Вотъ и кореньевъ мнѣ дагь... Горючь камень азатырь... Привороты все знаетъ, пускаетъ по вѣтру... Тетенька...

АФИМЬЯ.

Что ты? Голубчикъ!

ПЕТРЪ.

Страшно менѣ! Страшно!... Поди, сядь со мной. *(Плачетъ.)* Обижаютъ меня! Никто меня не любить, извести меня хотятъ!... Всѣ на меня, и жена, и всѣ.

АФИМЬЯ.

Самъ всему причиной, не на кого пѣнять.

ПЕТРЪ.

Я пьяница, я безпутный, ну, убейте меня!... Ну, убейте, мнѣ легче будетъ. Кто меня пожалѣетъ, а вѣдь я человѣкъ тоже! *(Плачетъ.)*

АФИМЬЯ.

Ну, полно, полно.

ПЕТРЪ.

Не то мнѣ обидно, что меня молодца Груша не любить, а то мнѣ обидно, не доставайся она никому!

АФИМЬЯ.

Про какую тамъ Грушу ты говоришь, безпутный?... Какая тамъ еще Груша?

ПЕТРЪ.

Какая Груша? Вотъ какая Груша: нѣтъ такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ! Я душу свою погубилъ за нее! Ну, какъ мнѣ съ ней разстаться? Насъ разлучить хотятъ... вотъ онъ!

АФИМЬЯ.

Кто онъ? Никого тутъ нѣтъ.

ПЕТРЪ.

Васька!

А Ф И М Ъ И.

Поди успи. Пшь тебѣ ужь мерещится.

П Е Т Р Ъ.

Я его убью!... А жена... она не смѣй противъ мужа! Гдѣ жена? Подай сюда жену! она моя жена, она моя раба!

А Ф И М Ъ Я.

Ея нѣтъ; она ушла съ своими, съ отцемъ да съ матерью.

П Е Т Р Ъ (*встаетъ и беретъ въ руки ножъ*).

Куда она ушла? Я ее найду! Изъ земли вытащу, со дна моря достану!

А Ф И М Ъ Я.

Куда ты пойдешь ночью? Что за срамъ! Ступай спать.

П Е Т Р Ъ.

Не говори ты мнѣ! Жену подай!... Жену подай, говорю я тебѣ!

А Ф И М Ъ Я.

Ну, да нѣтъ ея, такъ и негдѣ взять!

П Е Т Р Ъ.

Я ее найду, я ее найду.

А Ф И М Ъ Я.

Что ты пожемъ-то махаешь, ну тебя! Съ тобой страсть одна, да и только.

П Е Т Р Ъ.

Я ее по слѣду найду!... Я ее по слѣду найду! Теперь зима, снѣгъ, по слѣду все видно, мѣсяць свѣтитъ, все равно что днемъ. (*Садится.*) Страшно мнѣ, страшно! Вонъ мятель поднялась... Ухъ! Такъ и гудеть! Вонъ завывли... вонъ, вонъ собаки завывли. Это они на мою голову воютъ, моей погибели ждуть.... Ну чтожь, войте! Я проклятый человѣкъ!... Я окаянный человѣкъ. (*Встаетъ.*)

А Ф И М Ъ Я.

Пшь ты, пшь ты! Ахъ, батюшки, какъ страшно!

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, не то, тетушка, все не то! Все я не то говорю. Вотъ что: кабы я не былъ женатъ, развѣ-бѣ меня Груша не любила? Я бы женился на ней. Стало бытъ, жена мнѣ помѣха, и во всемъ мнѣ она поперекъ.... Вотъ за это я ее и убью... за это за самое...

АФИМЬЯ.

Что мнѣ дѣлать-то съ нимъ, ума не приложу. (*Въ комнату вдругъ появляется Еремка, котораго видитъ только одинъ Петръ.*)

ПЕТРЪ.

А благопріятель! Что жъ ты смотришь-то на меня? Что жъ ты такъ смотришь? Вѣдь самъ научилъ, какъ жену извести!

АФИМЬЯ.

Съ вѣкъ онъ это говорить-то, — никого нѣту. Наше мѣсто свято! Чуръ меня! Чуръ меня! Пойти разбудить всѣхъ! (*Уходитъ.*)

ПЕТРЪ (*Еремка*).

Что ты говоришь, а? Ну, да! И я тоже говорю, чудакъ человекъ! Вмѣстѣ поидемъ! Поскорѣй, поскорѣй! (*Останавливается.*) Ха, ха ха! Смѣшной ты человекъ! Вотъ онъ пожникъ-то! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

АГАФОНЪ. СТЕПАНИДА, ДАША и АФИМЬЯ (*входятъ*).

АФИМЬЯ (*взглянувъ въ дверь*).

Ушелъ, ушелъ, и двери всѣ настежъ растворилъ. Послать людей за нимъ. (*Уходитъ*).

ДАША.

Вотъ, матушка, сама ты погляди, какъ сладко мнѣ жить-то!

СТЕПАНИДА.

Ахъ, ты дитятко мое родимое, головка побѣдная!

АГАФОНЪ.

Погоди, дочка, не роищи. Живешь за мужемъ-то безъ году недѣля, а ужъ на жизнь жалуешься.

Д а ш а.

Да чего мнѣ ждать и впередъ-то, коли отецъ отъ него отступился совсѣмъ.

А г а ф о н ъ.

Отецъ отступился, да можетъ, Богъ не отступился. Потерпи.

Д а ш а.

Рада бы я терпѣть, да мука-то моя нестерпимая. Я его не вишу, Богъ съ нимъ, а жить съ нимъ не хочу.

А г а ф о н ъ.

Все это не дѣло, все это не дѣло! Охъ, охъ, охъ! Нехорошо! Ты сама права что-ль? Дѣло сдѣлала, что насъ со старухой бросила? Говори, дѣло сдѣлала? Такъ это и надо? Такъ это по закону и слѣдуетъ? Врагъ васъ обуялъ! Вы точно какъ не люди! Вотъ ты и терпи, и терпи! Да наказанье-то съ кротостью принимай, да съ благодарностію. А то что это? что это? Бѣжать хочеть! Какой это порядокъ? Гдѣ это ты видала, чтобъ мужья съ женами порознь жили? Ну, ты его оставишь, бросишь его, а онъ въ отчаяніе придетъ — кто тогда виноватъ будетъ, кто? Ну, а захвораетъ онъ, — кто за нимъ уходитъ? Это вѣдь первый твой долгъ. А застигнетъ его смертный часъ, захочетъ онъ съ тобой проститься, а ты по гордости ушла отъ него....

Д а ш а (*бросаясь на шею*).

Батюшка!...

А г а ф о н ъ.

Ты подумай, дочка милая, поменяй хорошенько. (*Плача.*) Глупы вѣдь мы люди, охъ, какъ глупы!... Горды мы! (*Вася и Афимя входятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ-же, Вася и Афимя.

В а с я.

Боже мой! Что это такое! Что у васъ случилось?

А ф и м я.

А что?

В а с я.

Да Петръ Пльичъ попался мнѣ на Москва-рѣкѣ, такой страшный, безъ шапки, обѣгаетъ съ ножомъ, — вѣдь того и гляди въ прорубь попадетъ.

Д а ш а.

Что же это? батюшки мои!

В а с я.

Вы бы хоть людей послали за нимъ.

А ф и м ѣ я.

По всемъ концамъ разосланы, посылаютъ больше некого.

А г а ф о н ъ.

Пойдемте сами, други мои, пойдемте!

Д а ш а.

Пойдемте! (*Петръ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ-же и Петръ.

П е т р ъ (*озирается*).

Кто тутъ? Что вы за люди? Жена!... Живые вы люди или нѣтъ? Скажите мнѣ ради Бога.

Д а ш а.

Что съ тобой?

П е т р ъ.

Не стою я, окаянный, того, чтобы глядѣть-то на васъ! Да и не глядѣлъ бы, кабы не чужія молитвы. Простите меня, добрые люди, ради Господа! (*Становится на колѣна.*)

А г а ф о н ъ (*подымая его*).

Что ты, что ты? Петръ Пльичъ! Встань, встань!

ПЕТРЪ.

Я вѣдь грѣшникъ, злой грѣшникъ!... Ужъ я покаюсь передъ вами, легче мнѣ будетъ на душѣ моей. Вотъ до чего гульба-то доводитъ: я вѣдь хотѣлъ жену убитъ.... безвинно убитъ хотѣлъ. Взялъ я тутъ, пьяный-то, ножикъ, да и иду будто за ней Мерещатся мнѣ разныя диковины, да люди какіе-то незнакомые, я за ними.... я за ними.... Спрашиваю: гдѣ жена? Они смѣются, да куда-то показываютъ. Я все шель, шель.... вдругъ гдѣ-то въ колоколь.... Я только что поднялъ руку, гляжу—я на самомъ-то юру Москва-рѣки стою надъ прорубемъ. Вспомнить-то страшно! И теперь морозъ по кожѣ подираетъ! Жизнь-то моя, прошлая, распутная-то, вся вотъ, какъ на ладонкѣ, передо мной! Натерѣлся я страху, да и подѣломъ! Вспомнилъ я тутъ и батюшкины слова, что хожу я, злодѣй, надъ пронастью. Вотъ они, правдивые-то слова. Такъ оно и вышло! Ужъ не забыть мнѣ этой ночи, кажется, до самаго гроба! Батюшка, матушка, поживите у насъ!... Помогите мнѣ, добрые люди, замолить этотъ грѣхъ.... Да и къ батюшкѣ-то сходите, скажите ему.... самъ-то я не смѣю идти.

Всѣ.

Помоги тебѣ Богъ!

Агафонъ.

Что, дочка, говорилъ я тебѣ!

Даша (бросаясь къ Петру)

Голубчикъ, Петръ Ильичъ!

Конецъ.

ВЪ ЧУЖОМЪ ПИРУ ПОХМѢЛЪЕ.

ВЪ ЧУЖОМЪ ПИРУ ПОХМЪЛЬЕ.

КОМЕДИЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЛИЦА ВЪ ПЕРВОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ ИВАНОВЪ, отставной учитель 60 лѣтъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА, его дочь 20 лѣтъ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА, вдова, Губернская Секретарша, хозяйка квартиры, занимаемой Ивановымъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ БРУСКОВЪ, богатый купецъ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ, его сынъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Сцена представляетъ бѣдную комнату въ квартирѣ Ивановыхъ. Направо на первомъ планѣ окно, дальше дверь въ комнату хозяйки, прямо дверь выходная, направо дверь въ комнату Лизаветы Ивановны.

ЯВЛЕНИЕ I.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ (*входитъ, размахивая руками, заимъ*) **АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА**.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Невѣжество! Невѣжество! И слышать не хочу невѣжества! (*Садится за столъ и раскрываетъ книгу.*)

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

У васъ все невѣжество. А сами-то что? Только слава, что ученый человекъ! А что въ немъ проку, въ учены-то въ вашемъ?

Только одно мѣнѣе, что я ученый человекъ, а хуже насъ неученыхъ.
Живете какъ бообыль, ни кола ни двора.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Невѣжество! Невѣжество!

Аграфена Платоновна.

Назадилъ одно! Невѣжество, да невѣжество! Я къ вашей пользѣ говорю. Миѣ что! Я женщина посторонняя.

Иванъ Ксенофонтычъ.

А коли вы, сударыня, посторонняя женщина, такъ и не мѣшайтесь въ чужіе дѣла.—Оставьте меня; видите, я дѣломъ занимаюсь.

Аграфена Платоновна (*помолчавъ*).

Миѣ какъ хотите. Я жалѣюи васъ, говорю. Куда вы дѣнитесь съ дочерью-то? Дѣвухкѣ двадцать лѣтъ; нынче безъ приданого-то никто не возьметъ; а у васъ ни кругомъ, ни около, — все нѣтъ ничего, — бѣдность неокрытая.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Какъ ничего? У меня есть пенсія, есть уроки.

Аграфена Платоновна.

Что ваша пенсія! Что ваши уроки! Развѣ это приданое? Пока живы, ну, конечно, на пропитаніе хватить; а вы, то разсудите: вы пожилой человекъ, ну, сохрани Богъ, помрете: куда будетъ Лизаветѣ Ивановѣ голову приклонить?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Она куда поидеть? Она будетъ дѣтей учить. Будетъ заниматься, сударыня, тѣмъ благороднымъ дѣломъ, которымъ отецъ занимался всю свою жизнь.

Аграфена Платоновна.

Ужъ куда какая невидаль! Хорошее житье, но чужимъ людямъ шлаться изъ-за куска хлѣба! Чужой-то хлѣбъ горекъ! А вы послушайте-ка меня, глупую, дайте-ка я примусь сватать вамъ жениха; благо здѣсь сторона купеческая.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Какое-же это благо? Въ чемъ тутъ благо? Кромѣ невѣжества, а ничего не вижу.

Аграфена Платоновна.

А я вижу. Вотъ, наиримѣрь, Андрей Титычъ, что къ намъ ходитъ, чѣмъ не женихъ? И молодъ, и богатъ, и изъ себя красавецъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

И дуракъ набитый, читать по русски не умѣетъ. Это вашъ женихъ, а не Лизинъ. Важъ будетъ пара.

Аграфена Платоновна.

Ужъ какой онъ мнѣ женихъ! Очень нужно ему старуху-то брать! Онъ съ своими деньгами-то получше вашей Лизы найдетъ. Ему ужъ давно отъ невѣсты проходу нѣтъ, отъ богатыхъ; да не хочетъ, потому влюбленъ до чрезвычайности въ Лизвету Ивановну. Вотъ что.

Иванъ Ксенофонтычъ (*вскочивъ*).

Что? Да какъ же онъ смѣлъ, скажите вы мнѣ? Кто ему позволилъ? Это житя нѣтъ! Лиза моя... вѣдь это сокровище, это совершенство! А онъ, безграмотный, смѣлъ влюбиться. Мужикъ! Невѣрка!

Аграфена Платоновна.

Ахъ, батюшка, да развѣ кому закажешь! Вѣдь она не королева какая! А почему знать, дѣло женское мудреное, можетъ она и сама его любить. Чужая душа-то темна. Дѣвушки объ этомъ не сказываютъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Вздоръ, вздоръ! Этого быть не можетъ. Я и слушать не хочу. (*Переходитъ къ другому столу.*) Не мѣшайте мнѣ заниматься, Аграфена Платоновна; вы видите, у меня дѣло есть.

Аграфена Платоновна (*переходитъ за нимъ*).

А, можетъ, и вздоръ; я такъ говорю, по своему понятію. А жаль малаго-то, ужъ очень сокрушается. Дома-то радости нѣтъ, отецъ-то у него такой дикій, властный человекъ, крутой сердцемъ. /

Иванъ Ксенофонтычъ.

Что такое: крутой сердцемъ?

Аграфена Платоновна

Самодуръ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Самодуръ! Это чертъ знаетъ что такое! Это слово неустрѣбительное, я его не знаю. Это lingua barbara, варварскій языкъ.

Аграфена Платоновна.

Ужъ и вы, Иванъ Ксенофонтычъ, какъ погляжу я на васъ, заучились до того, что русскаго языка не понимаете. Самодуръ, это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ, ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топчетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужъ все домашнiе ему въ ноги должны, такъ и лежать, а то бѣда...

Иванъ Ксенофонтычъ.

O tempo, o mores!

Аграфена Платоновна.

Такъ вотъ Андрюша-то и бонется, что отецъ ему жениться не позволить... Ну да это ничего, я баба огневая, я обломаю дѣло; только было бы ваше согласiе. Я за двумя мужьями была, Иванъ Ксенофонтычъ, всеми дѣлами правила. Я, теперь хоть въ судѣ, какое хочешь, дѣло обдѣлаю. Стряпчаго не занимай. Но всемъ кляузнымъ дѣламъ ходокъ. Во всехъ судахъ надѣла. Прямо до енарала хожу...

Иванъ Ксенофонтычъ.

Объ чемъ вы говорите, я не понимаю.

Аграфена Платоновна.

Все объ томъ же объ Брусковѣ, объ кунцѣ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Послушайте: Плутархъ въ одной книгѣ....

Аграфена Платоновна.

А насчетъ плутовства, — это точно, онъ старикъ хитрый.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЬ (*обращая глаза
къ потолку*).

О невѣжество!

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

И это есть. Хоть онъ и плутовать, а человекъ темный. Онъ только въ своемъ домѣ свирѣнь, а то съ нимъ что хочешь дѣлай, дуракъ дуракомъ; на пустомъ спугнуть можно. Теперь, какъ хотите, Иванъ Ксенофонтычъ, такъ и едѣаемъ. Честно, такъ честно, а то и на штуку поймаемъ. Такъ запутаемъ, что, хоть плачь, а жени сына на Лизаветѣ Ивановѣ.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЬ.

Что я слышу! Громы небесные! И вы не поразите эту женщину!

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

За что-жь вы бранитесь? Я васъ люблю, вамъ добра желаю (*упираетъ слезы*), а вы меня всяческими словами ругаете.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЬ.

Какъ хотите, Аграфена Платоновна, любите или не любите, только оставьте насъ съ дочерью въ покоѣ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА (*покачавъ головой*).

Эхъ, Иванъ Ксенофонтычъ, Иванъ Ксенофонтычъ! Жаль мнѣ тебя! Человекъ-то ты добрый, да больно ты простъ. Бѣденъ ты ужъ больно. Вотъ и одежошка-то...

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЬ.

Я бѣденъ да честенъ, бѣднымъ и останусь. Не хочу я знаться съ твоими съ богатыми.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

А нынче такъ жить-то нельзя. (*Отходитъ отъ стола.*) Какъ хочешь ты, Иванъ Ксенофонтычъ, обижай меня, а я все-таки всякое добро для васъ готова сдѣлать, да и завсегда буду дѣлать, за вашу кротость и сиротство. Мнѣ за это Богъ пошлетъ. (*Уходитъ въ свою комнату. Въ среднюю дверь входитъ Лизавета Ивановна, скидаетъ шляпку и кладетъ на столъ. Иванъ Ксенофонтычъ, не замѣчая ея, читаетъ съ жаромъ и размахиваетъ руками.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

Иванъ Ксенофонтычъ и Лизавета Ивановна.

Лизавета Ивановна.

Здравствуй, пана!

Иванъ Ксенофонтычъ.

А, здравствуй! Подай мнѣ шляпу.

Лизавета Ивановна.

Куда ты, пана? Отдохни немного! Ты и такъ много трудишься.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Нельзя, Лиза, нельзя! Отдыхать некогда. Молодымъ людямъ учиться надобно, и такъ, Лиза, у насъ мало учатся, мало. Достань-ка мнѣ Горация, да подсынь табачку, весь вынешель. (*Лиза достаетъ ему книгу и насыпаетъ табакъ.*) Ну, прощай! Чай пить не дожидайтесь, можетъ быть, затолкуюсь съ ребятами.

Лизавета Ивановна.

Бѣдный панаша!

Иванъ Ксенофонтычъ (*надѣваетъ шляпу, идетъ къ дверямъ и возвращается*).

Лиза, ты меня извини, я тебѣ задамъ вопросъ?

Лизавета Ивановна.

Что такое, пана?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Давеча вотъ эта глупая женщина (*показывая на комнату хозяйки*) говорила, только неутвердительно, а такъ одно предположеніе, что можетъ быть ты... Только ты, Лиза, не сердись!

Лизавета Ивановна.

Что же она говорила?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Она говорила, что можетъ быть ты влюблена въ этого молодого кунца, который ходитъ къ намъ за книгами. Ну, разумѣется, я не повѣрилъ.

Лизавета Ивановна.

Охота тебѣ, нана, слушать ее!

Иванъ Ксенофонтычъ.

Я ее и не слушаю, она вздорная болтунья, необразованная женщина. Только вотъ что, Лиза: ты теперь въ такомъ возрастѣ.... Молодая дѣвушка, тебѣ скучно со мной, со старикомъ.... ты сдѣлай милость прыгай.... веселись.... влюбись въ кого нибудь, я тебя прошу объ этомъ. Только ты не скрывай отъ меня, скажи мнѣ — я самъ съ тобой помолодѣю; я все за книгами, Лиза, у меня душа зачерствѣла.

Лизавета Ивановна.

Ахъ, нана! Еслибъ я полюбила кого, я бѣ тебѣ сказала.... А то нѣтъ еще.... Этотъ молодой человѣкъ.... такъ — себѣ; только ужь очень необразованъ, ни стать, ни сѣсть неумѣетъ. И ты, нана, могъ подумать?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Ну, ну, ну, виновать! (*Цѣлуетъ ее.*) Въ послѣдній разъ, больше не буду. (*Смотритъ на часы.*) Пора, пора.... (*Бѣжитъ бѣгомъ изъ комнаты, Лизавета Ивановна смотритъ въ слѣдъ ему.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

Лизавета Ивановна (*одна*).

(*Подходитъ къ столу, садится и беретъ работу. Молчаніе.*)
Нѣтъ, ужь ты очень много тѣдишься! Что ни говори, какъ себя не утѣшай, а тяжело, право тяжело! Ужь я не говорю объ деньгахъ, не говорю о томъ, что за наши труды намъ платятъ мало; хоть бы уваженіе-то намъ за нашъ честный трудъ оказывали; такъ и этаго нѣтъ. На что ужь наша хозяйка, и та смотритъ на насъ съ какимъ-то сожалѣніемъ! А всего мнѣ обидѣе, что смѣются надъ нашей. Онъ точно немного странень, да вѣдь онъ всю жизнь провелъ за книгами, его можно извинить. И что въ этомъ смѣшнаго, что человѣкъ ходитъ въ старой шинели, въ старой шляпѣ? А у насъ такая сторона, чуть не въ глаза хохочутъ. Конечно, это невѣжество, съ образованіемъ это пройдетъ; а все-таки тяжело. Вотъ вчера, какъ я шла изъ церкви, какіе то молодые купцы велухъ смѣялись надъ моимъ салономъ. Гдѣ же я лучше возьму? Ты же приносишь людямъ пользу почти безкорыстно, тебя же призираютъ. (*Подноситъ платокъ къ глазамъ. Андрей Титычъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Лизавета Ивановна и Андрей Титычъ.

Андрей Титычъ.

Съ нашимъ почтеніемъ-съ, Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна.

Здравствуйте, Андрей Титычъ! Садитесь.

Андрей Титычъ (*уттраясь*).

Покорнѣйше благодаримъ-съ. Летѣль къ вамъ скоропалительно, иида взонрѣль-съ. Татеньки нѣтъ-съ?

Лизавета Ивановна.

Нѣтъ: ушелъ на урокъ.

Андрей Титычъ.

По латыни два алтына, а по русски шесть конеекъ-съ.

Лизавета Ивановна.

Что вы такое говорите?

Андрей Титычъ.

У насъ въ ряду одинъ учитель ходить, горькой, такъ надъ нимъ смѣются, дразнятъ, значить. Ты, говорятъ, окромя срнннчяго, на семь языковъ знаешь.

Лизавета Ивановна.

Какже вамъ не стыдно смѣяться надъ людьми почтенными? Какъ это дурно!

Андрей Титычъ.

Что жъ такое! Шутка не вредить-съ, хорошій человекъ на свой счетъ не приметъ.

Лизавета Ивановна.

Бросьте эту привычку, нехорошо. Зачѣмъ обижать!

Андрей Титычъ.

Нельзя нашему брату несмѣяться-съ; потому эти стрюцкіе такіа дѣла-съ съ нами дѣлають, что смѣху подобно.

Лизавета Ивановна.

Что у васъ за слова такія! Какіе-то стрюцкіе!

Андрей Титычъ.

Ужъ это слово имъ не даромъ дано-сь. Другой весь-то грошъ стоитъ, а такого изъ себя барина доказываетъ, и не подступайся, — засудить; а даль ему цѣлковый, или тамъ больше, глядя по дѣлу, да подионлъ, такъ онъ хоть спирю плясать пойдетъ. (*Пономчавъ.*) Я теперь отъ тятеньки скрываюсь-сь.

Лизавета Ивановна.

Какъ скрываетесь? Зачѣмъ же?

Андрей Титычъ.

Женить хотять.... насильственнымъ образомъ.

Лизавета Ивановна.

Чтожь, развѣ вамъ невѣста не нравится!

Андрей Титычъ.

Такую нашли, — съ ума сойдешь! Тысячь триста серебра денегъ, рожа какъ тарелка, на огородъ поставить, воронъ пугать. Я у нихъ былъ какъ-то разъ съ тятенькой, еще не знавши ничего этого; вышла дѣвка нудовъ въ пятнадцать вѣсу, вся въ веснушкахъ; я сей часъ съ политичнымъ разговоромъ къ ней: «чѣмъ, говорю, вы занимаетесь?» Я, говоритъ, люблю жестокіе романы шѣть. Да какъ зашѣла, глаза это раскосился, такъ-то убѣдила народъ, хоть взвой, на нее глядя. Унеси ты мое горе на гороховое поле!

Лизавета Ивановна.

Да развѣ вы своей воли не имѣете? Не нравится вамъ дѣвушка, ну и не женитесь, такъ и скажите отцу.

Андрей Титычъ.

Какая тутъ воля! Ахъ, Лизавета Ивановна! Нешто у насъ такъ, какъ у людей! (*Мажнувъ рукой.*) Крылья у меня ошибены, то есть обрублены, какъ есть. Уродомъ слѣзали, а не человекомъ. Словно угорѣлый хожу по землѣ. У насъ такъ не водится, чтобъ сынъ смѣлъ выбрать себѣ невѣсту по душѣ, значить, какъ слѣдуетъ; а при-

везуть тебя, покажутъ, ну и женись. А коли скажешь, что, моль, тятенька, это невѣста не нравится: а, говорить, въ солдаты отдамъ! Ну и шабашъ! Ужь не то что въ этакое дѣлѣ, и въ другомъ-то въ чемъ воли не даютъ. Я вотъ помоложе былъ, учиться захотѣлъ, такъ и то не велѣли.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Неужели это правда? Право мнѣ не вѣрится. Что нибудь да не такъ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ.

Ужь это такъ-точно-съ, будьте покойны. Диви бы негдѣ было учиться, али-бы денегъ не было; а то денегъ уголъ непочатый лежитъ, дѣвать куда не сообразимъ. Коммерческая Академія существуетъ на Покровскомъ бульварѣ. На чтожь она построена? Смотрѣть на нее? Кабы у насъ, значить, вообще по купечеству такое заведеніе было, чтобы дѣтей не учить; такъ бы и не обидно. А то этаго цѣтъ. Передъ другимъ - то передъ своимъ братомъ и совѣстно. Вотъ у тятеньки пріятель былъ, тоже русскій купецъ, съ бородой ходилъ, а сына-то въ Англію посылалъ. Теперь свое дѣло, по машинной части, лучше ихъ знаетъ. Стало быть, ихъ выписывать ненадо и денегъ имъ не платить. Что ихъ баловать-то! Я, можетъ, не глупѣй его, а теперь смотри да казись. Кажется, если бы меня учить, я бы до всего на свѣтѣ дошелъ; потому страсть имѣю. Вотъ тятенька меня поѣдомъ ѣсть, а за что? Самъ не знаетъ. По фабрикѣ кто первый? Все я. Я впередъ знаю, что требуется. (*Molmanie.*) Лизавета Ивановна, вы вѣдь не повѣрите, что я вамъ скажу: я къ скрынкѣ очень пристрастие имѣю.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Ну такъ чтожь?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ.

Вотъ теперь пятый годъ учусь... знаете гдѣ? На чердакѣ, въ чуланѣ. Бѣда, какъ узнаеть... Да что это! Да къ чему это! Да съ твоимъ ли рыломъ, скажетъ, такія нѣжности разводить! Въ театрѣ никогда не допросишься. А и допросишься, да опоздаешь немножко, такъ бѣда. У насъ все равно, что загулялъ, что въ театрѣ просидѣлъ, это на одномъ счету. Ту причину пригоняютъ, что у насъ одинъ братъ помѣшанный отъ театру: а онъ совсѣмъ не отъ театру, такъ, съ малолѣтства заколотили очень.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Знаете ли, Андрей Титычъ, я васъ научу. Когда вы замѣтите, что вашъ отецъ въ хорошемъ расположеніи духа, вы ему откровенно и выскажите все: что вы чувствуете, что у васъ есть способности, что вы учиться хотите.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Онъ такую откровенность задасть, что мѣста не найдешь. Вы думаете онъ не знаетъ, что ученый лучше неученаго, только хочетъ на своемъ поставить. Одинъ капризъ, одна только амбиція, что вотъ я неучень, а ты умѣе меня хочешь быть.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Мнѣ, право, васъ жалко, Андрей Титычъ! Ходите къ намъ почаще. Вы моего отца знаете, онъ образованный человекъ, онъ вамъ можетъ много пользы принести, да и я, съ своей стороны, постараюсь, что могу.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Эхъ, Лизавета Ивановна, жаль только, что мнѣ развязки никакой не дано.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Какой развязки?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Не умѣю я по французски говорить, и походки настоящей не имѣю. Вонъ теперь въ магазинахъ приказчики разговариваютъ по французски, ногами шаркаютъ, барышни имъ глазки дѣлаютъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Полноте вздоръ говорить!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да какъ же-съ? Ужъ коли знаешь французскій языкъ, да есть походка, такъ тутъ можно смѣло... значить, что только завидѣль, орелъ ли въ небѣ, щука ли въ морѣ, все наше.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Вы мнѣ пожалуйста, глупостей не говорите, я васъ прошу.

Андрей Титычъ.

Вѣдь женщины, они души въ челоуѣкѣ понять не могутъ-съ: только ловкость нужна, ну и на счетъ одежды, чтобы первый сортъ-съ.

Лизавета Ивановна.

Я вамъ откровенно скажу, Андрей Титычъ, съ вами очень мудро разговаривать. Вы не подумавши говорите такія вещи, которыя могутъ показаться обидными. Неужели вы думаете, что мы принимаемъ и ласкаемъ васъ за ваше платье?

Андрей Титычъ.

Да что со мной, дуракомъ, толковать-съ; я просто пронаціи челоуѣкъ, отъ своего собственнаго необразованія. Болтаю, что въ голову придетъ, всякія наши рядскія глупости. Вы думаете, что я не чувствую вашей ласки, да только я выразить не умѣю. Мнѣ какъ-то разъ показалось, Лизавета Ивановна, что вы на меня повеселѣй взглянули; такъ я загулялъ на три дни, такихъ вертуновъ надѣлалъ, бѣда! Одному извозчику, что денегъ заплатилъ.

Лизавета Ивановна.

Ну зачѣмъ же это? Развѣ вы не знаете, что это дурно?

Андрей Титычъ.

А что-жъ мнѣ дѣлать-то? Куда мнѣ дѣваться-то? Я какъ сумасшедшій сдѣлался. Я въ жизнь ни отъ кого хорошаго слова не слыхивалъ. (*Подходитъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ.*) Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна.

Что вамъ угодно?

Андрей Титычъ.

Дайте мнѣ ручку поцѣловать.

Лизавета Ивановна.

Что вы за вздоръ говорите! Ну для чего это?

Андрей Титычъ.

Да что-жѣ за важность! Можетъ, въ последній разъ. Вѣдь васъ не убудеть.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Да нехорошо, и совсѣмъ ненужно.... ну, а впрочемъ... (*Оглядываясь, протягиваетъ ему руку.*)

АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ (*цѣлуетъ*).

Умеръ бы у васъ, и домой не пошелъ. Ужъ очень тяжело мнѣ! Эхъ доля, доля! (*Плачетъ. Входитъ Аграфена Платоновна.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА, АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ И АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Здравствуй, Андрюша! Что съ тобой?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ.

Такъ, ничего-съ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Какъ ничего? Ты словно какъ мокрая курица.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ.

Подвѣсить себя хочу-съ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Какъ такъ?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ.

Извѣстно какъ: за петельку на гвоздикъ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Что за напасть такая?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ.

Да что, разговаривать-то не хочется. — Женить хотятъ, вотъ и все-съ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Плохо твое дѣло.

Андрей Титычъ.

Обиди-сь! (*Раскланивается*). А впрочемъ прощайте-сь. (*Подходитъ къ Аграфенѣ Платоновнѣ*.) Что-жь, отдайте эту штуку-то: еще, пожалуй, исторія выдетъ.

Аграфена Платоновна.

Ну вотъ, на что она тебѣ?

Андрей Титычъ.

А то, пожалуй, и не надо: дѣлайте, что хотите. Ужъ семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ. До пріятнѣйшаго свиданія. (*Кланяется и уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Лизавета Ивановна и Аграфена Платоновна.

Аграфена Платоновна.

Видали вы, что мужики-то значать? Такъ вотъ посмотрите. Насильно хотять малаго женить. Самое низкое обыкновеніе! Нешто человекъ можетъ любить противъ желанія? Какіе на это права? Какіе законы? Живуть неопратно, ну ничего и не понимаютъ. Лемятъ по своему, что на умъ взбрѣло съ просонковъ... А я было его, барышня, признаться, для васъ прочила.

Лизавета Ивановна.

Я думаю, Аграфена Платоновна, прежде нужно было меня спросить.

Аграфена Платоновна.

Да что спрашивать-то? Дѣло видимое. Человекъ хорошій, богатый, васъ любитъ. Куражу не имѣетъ сказать вамъ, потому что умныхъ словъ не знаетъ отъ своего отъ дурацкаго воспитанія. А случится когда ко мнѣ въ комнату зайдетъ, такъ и заливаается—плачетъ: все бы я, говорить, сидѣлъ у васъ, все бы глядѣлъ на Лизавету Ивановну, жизни готовъ рѣшиться, только бы жениться на ней. Сколько мнѣ подарковъ переносилъ, чтобы я вамъ за него словечко замолвила.

Лизавета Ивановна.

Какой еще онъ женихъ, ему учиться надобно въ школѣ гдѣ нибудь.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Любовь-то не спрашиваетъ, веѣ-ли науки знаешь. Влюбляются и вовсе безграмотные. А что-жь ему дѣлать? Онъ бы и радъ учиться, да батюшка-то у него ишь какой сахаръ!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Мнѣ смѣшно васъ слушать, Аграфена Платоновна. Ну разсудите вы сами, какая же мнѣ неволя итти въ такую семью: сынъ необразованный, а отецъ дуракъ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Не тысячу же лѣтъ этотъ старій хрычъ жить будетъ. Потерпите маленько, а потомъ сами барыней будете. Оно точно, вамъ будетъ не сладко; да денегъ-то у ихъ, у лѣшихъ, больно много. Зато, что захотите, мужъ все для васъ будетъ дѣлать, развѣ только птичьяго молока не достанетъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Неужели вы, Аграфена Платоновна, до сихъ поръ меня не знаете? Я ни за какія сокровища не захочу терпѣть униженія. Вѣдь они за каждую копейку вымѣстятъ оскорбленіемъ; а я не хочу ихъ переносить ни отъ кого.—То-ли дѣло, какъ мы живемъ съ напашей! Хоть бѣдно, да независимо. Мы никого не трогаемъ и насъ никто не смѣетъ тронуть. (*Работаетъ.*)

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА (*взглянувъ въ окно*).

Къ намъ дрожки подъѣхали. Ахъ, батюшки. Да вѣдь это онъ!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Кто онъ?

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Андрюшинъ отецъ, Титъ Титычъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Это, должно быть, къ вамъ; а къ намъ ему незачѣмъ. (*Титъ Титычъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Лизавета Ивановна, Аграфена Платоновна, Титъ Титычъ.

Титъ Титычъ.

Гдѣ Андрюшка? Сказывайте скорѣй, а то искать примусь.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Почемъ мы знаемъ, гдѣ твой Андрюшка. Ступай, откуда пришелъ; нечего тебѣ здѣсь дѣлать!

ТИТЬ ТИТЫЧЬ.

Не съ тобой говорить. Барышня, выдавай Андрюшку! Да не вертись; видишь, я самъ за нимъ пришелъ; я шутить не люблю. У меня слово законъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*встаетъ*).

Я васъ не знаю и знать не хочу. Подите вонъ отсюда!

ТИТЬ ТИТЫЧЬ (*садится*).

Полно влять-то! Все сусѣды говорятъ, что онъ у тебя скрывается. Ты, надо полагать, за него за мужъ наровишь; такъ вѣтъ, шалшь, не пообѣдаешь!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*закрываетъ лицо платкомъ*).

Господи! Что же это такое!

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ступайте, барышня, къ себѣ въ комнату. Что вамъ съ мужикомъ разговаривать! Я одна съ нимъ управляюсь. (*Лизавета Ивановна уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА и ТИТЬ ТИТЫЧЬ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ты что буянишь-то! Ты куда, въ кабакъ что ли зашелъ? Кричи поди у себя дома, а здѣсь языкъ-то прикусишь. Я, братъ, такъ разкассирую...

ТИТЬ ТИТЫЧЬ.

А вотъ я обыскъ недѣлаю, квартального позову.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Такъ тебѣ и позволять въ благородномъ домѣ безобразничать!.. Да ну, коли на то пошло, дѣлай обыскъ. А не найдешь, чѣмъ отвѣтишь?

Титъ Титычъ,

Не ваша печаль, это наше дѣло. За безобразіе заплатимъ.

Аграфена Платоновна.

Ты думаешь деньгами отъѣхать. Нѣтъ вѣдь старикъ-то не алтышникъ, онъ съ тебя ничего не возьметъ. Чѣмъ ты смотришь и того не возьметъ. Онъ заслуженный человекъ, за тридцать лѣтъ пражку имѣеть. — Онъ тебя въ Смирительный упрячетъ.

Титъ Титычъ.

Видали мы виды-то! Чортъ Ваньку не обманеть, Ванька самъ слово знаетъ. Вы мнѣ Андрюнку подайте, виднѣ я самъ за нимъ пришелъ.

Аграфена Платоновна.

Самъ съ усамъ! Жалко вотъ, что тебя не боятся здѣсь никто; а то такъ бы тебѣ Андрюнку и представили, невидимой силой. Да коли нѣтъ его, чудакъ человекъ, значить, негдѣ взять. Онъ дома давно.

Титъ Титычъ.

Да ты врешь, можетъ быть?

Аграфена Платоновна.

А ты сходи посмотри, либо пошли кого нибудь.

Титъ Титычъ.

Нѣтъ ужъ я лучше самъ пойду, только если не найду его, я ужъ за тебя примусь. Слышишь! (*Беретъ шапку.*)

Аграфена Платоновна.

Погоди, куда ты? Еще мнѣ съ тобой поговорить надо. Ты думаешь, ты скоро раздѣлаешься. (*Вынимаетъ изъ стола бумагу.*) Ты это видишь?

Титъ Титычъ.

Что это такое? Кажи!

Аграфена Платоновна.

Читай! Только изъ рукъ не выпущу; мы вашего брата знаемъ.

Титъ Титычъ *(надвѣвъ очки)*.

Я нижеподписавшійся, купеческій сынъ, Андрей Титовъ, сынъ Брусковъ, обязуюсь жениться на дочери Титулярнаго Совѣтника, дѣвницѣ, Елизаветѣ Ивановнѣ Ивановой, въ семь и даю сію росписку. *(Нерестаетъ читать и снимаетъ очки.)*

Аграфена Платоновна.

Помягь?

Титъ Титычъ.

Какъ не помять! Это, то есть, насчетъ грабежу. Ну пародецъ! Чтожь вы съ этой бумагой дѣлать будете?

Аграфена Платоновна *(запираетъ въ столъ бумагу)*.

Ужь старикъ знаетъ, что дѣлать. Порядокъ извѣстный: дѣло по дѣлу, а судъ по формѣ.

Титъ Титычъ *(почесавъ затылокъ)*.

По формѣ? Нѣтъ ужь лучше мы такъ, между собой сдѣлаемся.

Аграфена Платоновна.

Извѣстно, лучше; только вѣдь, съ тобой честью-то мудрено.

Титъ Титычъ.

Ужь и вашъ-то ѳратъ, намъ солоноъ приходится. А вы пожалѣйте душу человѣческую.

Аграфена Платоновна.

Что тебѣ жалѣть-то! Давай три тысячи цѣлковыхъ, вотъ и бвить.

Титъ Титычъ.

Ишь ты, ишь ты заломила! Вѣдь я не самъ деньги-то дѣлаю; трудами доставалъ, потомъ.

Аграфена Платоновна.

Да, потѣете вы въ трактирѣ за чаемъ. Ты лучше и не торгуйся; а то самъ придетъ, пожалуй, и трехъ не возьметъ. Ужь это я такъ беру смѣлость, хочу безъ него дѣло сдѣлать.

Титъ Титычъ.

Полтораста рубликовъ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Что? За такое дѣло полтораста рублей! Да какъ у тебѣ языкъ то поворотился!

Титъ Титычъ.

За что деньги-то давать, ты сама разсуди. Вѣдь за даромъ-то жалко.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

За что? За твое правство! Не ходи по лавкѣ... Говорю, не торгуйся, а то прогону: такъ ни съ чѣмъ уйдешь.

Титъ Титычъ.

Ты меня выведешь изъ терпимости, въ тѣ норы я въ себѣ не властель: я тебя прибую.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Любопытно это бѣдетъ посмотрѣть! Я карауль-то на всю Зацѣпу закричу. Свяжемъ тебѣ лапки назадъ, да еще три тысячи заплатишь.

Титъ Титычъ.

Надоѣла ужъ ты мнѣ. Говори послѣднюю цѣну.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Послѣднюю?

Титъ Титычъ.

Да, послѣднюю.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Безъ разговоры, двѣ тысячи.

Титъ Титычъ.

Возьми пять сотъ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

И говорить не хочу, что за торговля! (*Molmanie.*) Ну, давай полторы.

Титъ Титычъ.

Семь сотъ пятьдесятъ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ну вотъ тебѣ послѣднее слово: тысячу рублей и ни копейки меньше.

ТИТЬ ТИТЫЧЬ.

Ни копейки?

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ни копейки.

ТИТЬ ТИТЫЧЬ.

Ну, по рукамъ.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Давай деньги.

ТИТЬ ТИТЫЧЬ.

Давай бумагу.

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Клади деньги на столъ, и я положу. (*Тить Титычь отсчитываетъ деньги и кладетъ на столъ, Аграфена Платоновна вынимаетъ изъ стола бумагу. Разминаяются. Аграфена Платоновна кладетъ деньги въ столъ и запираетъ. Тить Титычь кладетъ бумагу въ карманъ.*)

ТИТЬ ТИТЫЧЬ (*садится*).

Разбойники, грабители!

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Ну, теперь ступай съ Богомъ. Дѣла все покончили, больше не объ чемъ съ тобой толковать.

ТИТЬ ТИТЫЧЬ.

Нѣтъ, погоди, дай хоть поругаться-то за свои деньги. Разбойники, грабители! За что только вы съ насъ денегъ не берете? Обмануть, ограбить, обольстить человѣка!

АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА.

Какъ съ тебя не взять-то! Вѣдь ужъ ты жила извѣстный, самъ паровишь на грошь пятаковъ купить. (*Лизавета Ивановна проходитъ изъ боковой двери въ переднюю.*) Должно быть старикъ пришелъ. Ступай, ступай!

ТИТЬ ТИТЫЧЬ.

Обманули мальчишку, дурака, опутали; а съ отца деньги взяли. Честно это, благородно? А еще благородствомъ похваляетесь! (*Иванъ Ксенофонтычь и Лизавета Ивановна входятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Титъ Титычъ, Аграфена Платоновна, Лизавета Ивановна и Иванъ Ксенофонтычъ.

Лизавета Ивановна.

Папаша, посмотри, что у насъ дѣлается. (*Иванъ Ксенофонтычъ молча смотритъ на Брускова.*)

Титъ Титычъ.

Ты что на меня смотришь? На мнѣ, бѣрать, ничего не написано. Деньги-то взять умѣли. Вы меня хоть поподчуйте чѣмъ за мои деньги-то.

Иванъ Ксенофонтычъ (*смотритъ на всѣхъ вопросительно*).

Опъ сумашедшій? Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь, оставьте насъ.

Титъ Титычъ.

Обообрали, а теперь гошите. (*Показывая на Лизавету Ивановну.*) Ишь, какая красавица! Какъ не прельститься на нее. Ловушку для нашего брата подстроили. У васъ тутъ такая шайка подобрана, что вы и старика какаго изъ ума выведете, а не то что мальчишку глупаго.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Поди вонъ!

Титъ Титычъ.

Что ты кричишь-то! Я вѣдь ничего, я такъ шучу съ тобой.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Поди вонъ, говорю я тебѣ.

Титъ Титычъ (*встаетъ*).

Поиду. (*Подходитъ къ Ивану Ксенофонтычу и ударяетъ его по плечу.*) Поѣдемъ ко мнѣ! Вышьемъ вмѣстѣ, пріятели будемъ. Что ссориться-то!

Иванъ Ксенофонтычъ.

Уйди ты отъ насъ.

ТИТЬ ТИТЫЧЬ.

Ну, прощай! (*Подходитъ къ двери.*) Пшь ты какой сердитый! Да ужь теперь не испугаете. Вотъ она бумага-то, здѣсь въ карманѣ Разбѣйшики, грабители! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Иванъ Ксенофонтычъ. Лизавета Ивановна, Аграфена Платоновна.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Что это за человѣкъ?

Аграфена Платоновна.

Тить Титычъ Брусковъ, Андрюшинъ отецъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Что онъ говорилъ? Какія деньги? Какіе грабители? Кто его ограбилъ?

Аграфена Платоновна.

Ну да за дѣло, чтобъ не шумѣть въ чужомъ домѣ. За дѣло ему! Такъ ихъ и надо. Я таки, признаться, сорвала съ него малую толику. Жаль, что мало! Намъ годится, а съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Да за что?

Аграфена Платоновна.

Все жалѣючи васъ, Иванъ Ксенофонтычъ, да вашу дочку; глядя на вашу ѳбдность рѣшилась на такое дѣло. Чтожъ вѣдь тутъ дурнаго ничего нѣтъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Да какимъ образомъ? Не мучьте вы меня, говорите.

Аграфена Платоновна.

А вотъ какимъ образомъ: какъ Андрюша-то ужь очень влюбленный былъ, вотъ какъ-то разъ и зашелъ ко мнѣ и расслакался, а я ему нарочно и говорю: тебѣ, молъ, нельзя къ намъ ходить, будутъ сосѣди говорить и то и се. Что хорошаго! Наше, молъ, дѣло женское, мы никакого такого разговору про себя не хотимъ. Ты, гово-

рю, оставь, не ходи. Онъ это, сударь мой, сталъ меня просить, плакать, руки цѣловать. Я взяла подпоила его, да и говорю: все можетъ, Андриуша, случится, отецъ твой не нынче завтра умереть, ты будешь на волѣ, тогда, пожалуй, насъ съ Лизаветой Ивановной и забудешь, другихъ найдешь. А онъ то божится, онъ-то разныя клятвы произноситъ. А у меня на ту пору случись листъ гербовой бумаги.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Ну!

Аграфена Платоновна.

Ну я своей рукой написала росписку, что онъ обѣщается жениться на Лизаветѣ Ивановнѣ, все какъ слѣдуетъ, по формѣ, а онъ и поднесалъ.

Лизавета Ивановна.

Какой стыдъ! Какой срамъ! Папаша, что мнѣ дѣлать. (*Рыдала надастъ на грудь отцу.*)

Иванъ Ксенофонтычъ.

Ну, ну...

Аграфена Платоновна.

Ну вотъ за это и взяла съ Тита Титыча тысячу цѣлковыхъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

А росписка гдѣ?

Аграфена Платоновна.

Я ему отдала.

Иванъ Ксенофонтычъ (*обнимая дочь*).

Бѣдное дитя мое! (*Плачетъ.*)

Аграфена Платоновна.

Да объ чемъ вы плачете?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Куда намъ съ тобой дѣться отъ грубости, отъ оскорбленій, отъ невѣжества!

Лизавета Ивановна.

Папаша, уѣдемъ отсюда поскорѣй.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Уѣдемъ. уѣдемъ.

Лизавета Ивановна.

Ты поди брось ему деньги. (*Садится у стола.*)

Иванъ Ксенофонтычъ.

Да, и росинску возьму. Онъ мнѣ ее отдасть, я ему деньги возвращу. Какъ ты думаешь, вѣдь онъ отдасть? Отдасть? Онъ не смѣетъ не отдать,—мы не виноваты. Я разорву ее, вотъ и конецъ, и не объ чемъ намъ плакать съ тобою! (*Къ Аграфенѣ Платоновнѣ.*)
Подай деньги!

Аграфена Платоновна.

Иванъ Ксенофонтычъ, пригодятся.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Подай деньги! Подай!

Аграфена Платоновна (*вышняя изъ стола*).

А чѣмъ завтра тонить будете! (*Отдаетъ.*)

Иванъ Ксенофонтычъ.

Прощай, Лиза!

Лизавета Ивановна.

Прощай, напаша. (*Обнимаетъ его. Идутъ къ двери.*) Поди, выкупай наше безчестье.

Аграфена Платоновна (*въ слѣдъ имъ*).

Вотъ хлопочи для людей, старайся; сама жъ виновата останешься. Кто же васъ зналъ, что вы такіе сумасшедшіе!

Конецъ 1-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЛИЦА ВО ВТОРОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ БРУСКОВЪ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА, жена его.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ { сыновья ихъ.
КАПИТОНЪ ТИТЫЧЪ {

НЕНИЛА СИДОРОВНА, знакомая Брускової.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ ИВАНОВЪ.

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ, страпчій.

ЛУША, горничная дѣвушка.

Богатая гостинная въ домѣ купца Брускова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Луша (*стираетъ мыль*) и Капитонъ Титычъ (*скрадется изъ двери*).

Капитонъ Титычъ.

Луша, здѣсь никого нѣтъ?

Луша.

Никого.

Капитонъ Титычъ.

Какъ тутъ хорошо, просторно, а въ кухнѣ сегодня угарно. Что въ кухнѣ-то сидѣть за охота. Я такой же сынъ, какъ и Андрюша, а меня все въ кухнѣ въ заперти держать.

Луша.

Захотѣлъ ты сравниться съ Андреемъ Титычемъ! Андрей Титычъ у насъ молодецъ, а ты что! Такъ дурачекъ.

Капитонъ Титычъ.

Да, дурачекъ, какъ же! У васъ будешь дурачекъ. На цѣль еще посадите! (*Ходитъ по комнатѣ и дѣлаетъ трагическіе жесты.*)

Луша.

Купидонъ Титычъ, представь что нибудь изъ тiатральнаго.

Капитонъ Титычъ (*становится въ позу.*)

Прочь съ дороги! Посторонитесь! Левъ ушелъ изъ кѣтки! Быкъ съ бойни сорвался! Посторонитесь! (*Разгорячившись.*) Давай теперь сюда, кто меня дуракомъ сдѣлалъ, убью съ разу. (*Луша хохочетъ.* *Капитонъ Титычъ услышавъ, что идутъ крадется къ двери и скрывается.* *Настасья Панкратьевна и Ненила Сидоровна входятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна и Луша.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА

Милости просимъ. Ненила Сидоровна, садитесь покорнѣе прошу. Луша, принеси-ка намъ вареньяца.

Луша.

Сей часъ-съ. (*Уходитъ.*)

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Какъ дѣла ваши?

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Дѣла ничего, слава Богу. Одна печаль у меня: дочерей больно много.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Видно, матушка, Ненила Сидоровна, всякому своя ноша тяжела. Вотъ вы объ дочеряхъ, а я о сыновьяхъ. Что у кого болить, тотъ о томъ и говорить. А по моему, дочери все таки легче.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Глазъ да и глазъ нужно, Настасья Панкратьевна. Вѣдь нынче время то какое! Люди то какіе! Вѣрите ли, боишься въ садъ выпустить.

• НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Что дочери! Дочерей и запереть можно, да и хлопотъ съ ними меньше, ни учить, ни что. Ну, конечно, за-мужъ выдавать хлопотно.

возни много. А вамъ и то съ пола-горя, Немила Сидоровна, вѣдь вы денегъ много даете за дочерьюми-то, такъ вамъ нечего бояться, что въ дѣвкахъ засидитесь.

Немила Сидоровна.

Про это что толковать. Дочь не домашній товаръ; какъ не какъ, а надо съ рукъ сбывать. Ну тамъ ужъ не наша бѣда; живи, какъ хочешь. А покедова-то вотъ! Вѣдь у насъ приказчики, ну и другаго посторонняго народу много.

Настасья Панкратьевна.

Присмотръ нуженъ, я про это вамъ и докладываю, за то ужъ больше-то никакихъ хлопотъ. Мальчики вѣдь на волѣ, Немила Сидоровна, какъ за ними усмотрить; вездѣ ходятъ. У меня всего-то два сына: Андрюша да Купидоша; да и то голова кругомъ идетъ. Андрюша мальчикъ шустрый, проворвый, до всего понятливый, такъ, сударыня моя, отъ дому со всѣмъ отбивается; то не хорошо, другое не по немъ, учиться, говорить, хочу. Что жъ, мы развѣ его не учили! И рихметикѣ и граматикѣ гимназистъ училъ. На что ему много-то знать. И такъ боекъ, а какъ обучать-то всему, тогда съ нимъ и не сговоришь; онъ мать-то и уважать не станетъ; хоть изъ дому бѣги.

Немила Сидоровна.

Да, вотъ на счетъ ученья-то. У насъ сосѣдка отдала сына учиться, а онъ глазъ и выкололъ.

Настасья Панкратьевна.

Это долго ли. А вотъ теперь влюбился. Да въ кого! Немила Сидоровна, въ кого! Во что влюбиться то? Такъ одна непокорность къ родителямъ.

Немила Сидоровна.

Въ кого же, Настасья Панкратьевна? Скажите по секрету.

Настасья Панкратьевна.

Что за секретъ; весь околотокъ въ трубы трубить. Знаете учителя Иванова, такъ въ его дочь; ну и погибаетъ совсѣмъ.

Немила Сидоровна.

Знаю, знаю, видала. Скажите! Гдѣ же глаза-то у него были! Такъ твореніе какое то... ни живности, ничего.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну, вотъ сами разсудите.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Что говорить!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Каково матери-то?

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Подсыпали чего нибудь. Это бываетъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ужъ я и сама такъ думаю.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

А вы вотъ что.... не хорошо только говорить-то...

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА

Ничего.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

А съ разу снмаетъ. (*Шепчетъ ей на ухо.*)

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Помогаетъ?

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Помогаетъ. То то вотъ хитры они, анъ хитрѣй ихъ есть. На всякій приворотъ средство есть; только знать нужно. Я много знаю: и отъ глазу, и отъ запою, и противъ бородавокъ у меня симпатія есть.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Такъ надать попробовать, а то что хорошаго! Мы теперь его женить хотимъ; намъ надо невѣсту съ большими деньгами, потому сами богаты. Что за неволя намъ бѣдную-то брать.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Разумѣется.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну вотъ, матушка моя, теперь есть такая на примѣтъ, отецъ нашелъ; а онъ скрывается отъ отца-то. Всякая мать баловница; дру-

гой разъ расплачется, глядишь, и жалко, и сама его прикрываю по-малости. А все таки нехорошо.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Нельзя похвалить.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

А другой, Купидоша, такъ совсемъ какой-то ума рѣхнувшій по театру. Да табакъ курить, Ненила Сидоровна, такой крѣпкій, просто дышать нельзя. Въ комнатахъ такого курить нельзя ни подъ какимъ видомъ, кого хочешь стоимить. Такъ все больше въ кухнѣ пребываетъ. Вотъ иногда скучно, позовешь его, а онъ то и давай кричать по театральному, ну и утѣшаешься на него. Съ пѣвчими поетъ басомъ, голосъ такой громкій, такъ какъ словно изъ ружья выпалить.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Говорять, маленькихъ нехорошо по головѣ бить, глупѣютъ отъ этаго.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Кто ихъ знаетъ, можетъ, и правда. (*Капитонъ Титычъ выглядываетъ изъ за двери.*) Да вотъ онъ.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Кто? Дурачекъ-то? Позовите, Настасья Панкратьевна.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Купидоша, Купидоша! (*Капитонъ Титычъ робко входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ III

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна и Капитонъ Титычъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА

Что ты, Купидоша?

КАПИТОНЪ ТИТЫЧЪ.

Я такъ, ничего.... Пятачекъ мнѣ надо.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА

На что?

КАПИТОНЪ ТИТЫЧЬ.

Табачку купить.... Безъ табаку-то скучно.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну хорошо, дамъ. Представь что ибудь намъ съ Немилой Сидоровной.

КАПИТОНЪ ТИТЫЧЬ (*трагически*).

Измую мiръ злодѣйства, и упокойники въ гробахъ спасибо скажутъ, что умерли.

НЕМИЛА СИДОРОВНА.

Что это матушка! Что это такое! Страсть какая! Онь у васъ, должно быть, порченый! (*Андрей Титычъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА, НЕМИЛА СИДОРОВНА, КАПИТОНЪ ТИТЫЧЬ и АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

А вотъ мой другой сынъ, Немила Сидоровна.

НЕМИЛА СИДОРОВНА.

Этотъ умный?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Умный. (*Сыну.*) Отецъ тебя нынче цѣлый день ищетъ, никакъ хочетъ вечеромъ къ невѣстѣ взать.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ.

Я опять убѣгу-съ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Что ты, что ты! Ужъ отъ своей судьбы не уйдешь! Что кому суждено, тому и быть.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ.

Да почему же вы, маменька, знаете, что мнѣ суждено жениться на дурѣ неотесаной?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну вотъ, изволите видѣть. Немила Сидоровна, можно съ нимъ разривать?

НЕМИЛА СИДОРОВНА.

Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Что ты умнѣй отца съ матерью хочешь быть! Выше лба глаза не растутъ, ящи курицу не учать.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ.

Маменька, да вѣдь мнѣ съ ней жить-то будетъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Какъ ты можешь грубить! Кто съ тобой говоритъ-то? Мать али нѣтъ? Долженъ ты это понимать.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ.

Да что понимать-то? Понимать-то нечего.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Вотъ видите, какую заразу на него напустили.

НЕМИЛА СИДОРОВНА.

Послушайте, молодой человѣкъ, я постарше васъ, все эти штуки, все эти подходы и все эти дѣла видала.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Такъ, такъ, Немила Сидоровна. А ты слушай, что старшіе-то говорятъ. И ты тоже, Кунидоша. Все это вамъ на пользу.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ.

Да что слушать-то? Слыхать я эти разговоры-то.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Не груби, говорю тебѣ, не груби!

НЕМИЛА СИДОРОВНА.

Молодой человѣкъ, вы мало жили, мало видѣли свѣтъ, вы еще не знаете, какъ люди хитры.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да, да. У насъ у кучера поддевку украли въ одну минуточку. И кто же украсть-то? Пріятель его.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Вотъ вы теперь влюблены, мнѣ ваша маменька говорила: вы думаете это съ проста?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ.

Этотъ разговоръ надоть кончить-съ.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Нѣтъ, позвольте-съ. Мы тоже бывали молоды, у меня у самой семь дочерей.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да, да, вотъ слушай, что умные то люди говорятъ, и ты тоже, Купидона, слушай.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Будемъ прямо говорить. Кругомъ васъ, по сосѣдству, есть какіе грузди! Изъ всякаго сословія. Ужъ можно сказать, что наша сторона этимъ отличается! Чего бѣ, кажется, лучше! Такъ нѣтъ, вамъ не-по-сердцу. А эта что? Диви бы собой... (*дѣлаетъ жестъ руками*) или что другое! Вотъ только стыдно говорить-то, а то-бы сказала. Во что влюбиться-то молодому человѣку?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да, да.

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Значить, механика и выходитъ... съ ихъ стороны.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ.

Говорите, что угодно, мнѣ все равно-съ. Ей моей женой не быть. Такія дѣвушки не про насъ-съ. Гдѣ намъ дуракамъ! Мы ихъ и понимать-то не умѣемъ. Говорить-то всякій умѣеть, кто почаще, кто порѣже, да толку-то въ этомъ немного; слушать-то нечего. Вотъ кабы я умѣлъ вамъ объяснить, какая въ этомъ разница—образованная дѣвушка или необразованная, такъ бы другой разговоръ былъ. А то не умѣю. Да хоть бы и умѣлъ, такъ вы не поймете ничего. Значить, лучше молчать.

НЕНИЛА СИДОРОВНА (*Настасья Панкратъевна*).

Попробуйте, что я говорила.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЪЕВНА.

Непремѣнно попробую.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ.

Вы хотите меня теперича женить, такъ найдите невѣсту, чтобъ хоть мало мальски была на человѣка похожа. Я, пожалуй, женюсь, вѣдь ужъ не отбѣгаешься. А эта ваша мнѣ ужъ очень противна. Маленька, спрячте меня куда нибудь отъ тятеньки! А то ужъ жените что ли поскорѣй, чтобъ я не мучился.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЪЕВНА.

Какая же въ этомъ муза, глупый! Ничего, окромя хорошаго. Ты, я вижу, такой же дуракъ, какъ и Купидовка.

КАПИТОНЪ ТИТЫЧЬ.

Умолкни, чернь непросвѣщенна!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЪЕВНА.

Полю орать-то! Ишь затрубишь.

КАПИТОНЪ ТИТЫЧЬ.

Братъ, дай три гривенника, пойду нынче въ театръ, душу отве-
сти.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЬ.

На, Капитоша. (*Достаетъ изъ кармана деньги и отдаетъ Капитону Титычу.*)

ДУША (*вбѣгала*).

Самъ прѣхалъ. (*Уходитъ, Капитонъ Титычъ за ней прокра-
дывается въ дверь.*)

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЪЕВНА (*Андрею Титычу*).

Поди, спрячься въ спальню, тамъ и сиди. Я скажу, когда выйти.
(*Андрей Титычъ уходитъ.*)

НЕНИЛА СИДОРОВНА.

Прощайте, Настасья Панкратъевна. Къ намъ какъ нибудь.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Прощайте, Немила Сидорова. Вы такая, право, умная и обходительная женщина, что мнѣ навсегда очень пріятно васъ видѣть. Я, признаться вамъ сказать, сама то не изъ дальнихъ, вѣдь ужъ не скроешь; такъ мнѣ лестно познаться отъ умныхъ-то. Какъ нибудь на дняхъ безиремѣнно заѣду. *(Провожаетъ ее до двери. Немила Сидорова уходитъ. Титъ Титычъ входитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ V.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА и ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ *(садится молча на стулъ)*.

Фу ты, чортъ возми! Въ первой отъ роду со мной такая бѣда! Меня не уважать! Меня ругать! Меня! Брускова! Нѣтъ, погоди!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Кто тебя не уважилъ, Кить Китычъ? Кто смѣлъ?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Молчи, не твое дѣло! За мои же деньги да меня обругали! Меня выгнали! *(Топаетъ ногой.)* Живъ быть не хочу! Настасья!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Что прикажете, Кить Китычъ?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Отыскать Захарыча сію минуту.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да онъ тутъ гдѣ-то путается; я его въ окно сей часъ видѣла. *(Подходитъ къ окну.)* Эй, Луша! *(За сценой слыхъ.)* Что ты тамъ съ молодцами все играешь! Нѣтъ на васъ времени! *(Луша за сценой: Я ничего-съ. Чего изволите?)* Сыщи сей часъ Захарыча, да приведи сюда.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Чтобъ я перенесъ такую обиду надъ собой! Отъ дряни, отъ учительки! Да что жъ это за времена пришли! Нѣтъ, стой! Я съ роду ни отъ кого обиды не видывалъ. Настасья! Смѣетъ меня кто обидѣть?

НАСТАСЬЯ ПАИКРАТЬЕВНА.

Никто, батюшка, Кить Китьчъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякого обидите.

Тить Титьчъ.

Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денегъ заплатилъ на своемъ вѣку.

НАСТАСЬЯ ПАИКРАТЬЕВНА.

Много, Кить Китьчъ, много.

Тить Титьчъ.

Молчи! Они только тѣмъ и взяли, что я въ чужой квартирѣ былъ. А ты, подика, здѣсь со мной потолкуй, такъ я тебя у Kontентую по своему. (*Захаръ Захарычъ входитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тить Титьчъ, Настасья Паикратъевна и Захаръ Захарычъ.

Тить Титьчъ.

Эй ты, Сахаръ Сахарычъ, благодѣтель я тебѣ, али нѣтъ?

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Благодѣтель, батюшка, Тить Титьчъ.

Тить Титьчъ.

Ты человекъ вниманія нестоющій, потерянный человекъ, а я тебя прирѣлъ. Не гнушаюсь тобой, къ себѣ въ домъ пуцаю. (*Захаръ Захарычъ кланяется*.) Дочь твою пристроилъ.... за межеваго, за вольно—практикующаго. Ужъ не моя это вина, что онъ пьяница.

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Былъ вольно практикующій, а теперь праздношатающійся.

Тить Титьчъ.

Все таки я тебѣ благодѣтель. А ты отчего у меня давно не былъ!

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЪ.

Нѣтъ никакихъ возможностей, Тить Титьчъ, терпѣнья никакого не хватаетъ. Мальчишки очень одолеваятъ. Какъ только къ рынку

подходишь, и откуда ихъ нанесеть, туча тучей, обьгуть, укаютъ: у у у у. Приказчики изъ лавокъ подвигнутъ; такой гамъ подымутъ, хоть сквозь землю провались.

Титъ Титычъ.

А ты вечеромъ ходи. Да не въ томъ дѣлю. Можешь ты такое прошеніе написать, чтобы въ Сибирь сослать по этому прошенію?

Захаръ Захарычъ.

Кого, Титъ Титычъ?

Титъ Титычъ.

Трехъ человекъ. Тебѣ все равно, что одного что трехъ

Захаръ Захарычъ.

Все равно, Титъ Титычъ.

Титъ Титычъ.

Надо въ сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку вѣдь. Я такъ хочу.

Захаръ Захарычъ.

Что же писать прикажете.

Титъ Титычъ.

А ты вотъ что напиши: что сѣдѣли такого-то кунца, а съ сына онаго кунца, учитель, противъ всякихъ правъ, взялъ росписку, чтобы жениться на его дочери. Вотъ тебѣ и росписка. Я никакихъ денегъ не пожалѣю, коли сдѣлаешь. Можешь ты это сдѣлать?

Захаръ Захарычъ.

Могу-съ.

Титъ Титычъ.

Ну, такъ садись и напиши при мнѣ. Вотъ тебѣ чернила и бумага на столѣ. (*Захаръ Захарычъ садится за столѣ.*) Да дай ему графинъ водки. Нѣтъ, не надо.

Захаръ Захарычъ.

Для воображенія, Титъ Титычъ!

Титъ Титычъ.

Нѣтъ, послѣ, а то я тебя знаю. (*Женъ.*) Ну теперь ты мнѣ сына подай. (*Захару Захарычу*) А ты строчи!

Настасья Панкратьевна.

Да его нѣту дома, Китъ Китычъ.

Титъ Титычъ.

Настасья! Кто я?

Настасья Панкратьевна.

Китъ Китычъ Брусковъ.

Титъ Титычъ.

Что я приказываю? Ты знаешь, у меня слово — законъ!

Настасья Панкратьевна.

Слушаю, Китъ Китычъ. (*Подходитъ къ двери*) Андрюша, Андрюша, поди, отецъ влечеть. (*Андрей Титычъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна, Захаръ Захарычъ и Андрей Титычъ.

Титъ Титычъ.

Ну, Андрей, что мнѣ теперича съ тобой дѣлать?

Андрей Титычъ.

Что вамъ угодно-сь, вся ваша воля.

Титъ Титычъ.

Ты благодари Бога, что сердце у меня прошло. Попадись ты мнѣ давеча, я бы тебя изуродовалъ. Ты для чего скрываешься?

Андрей Титычъ.

Тятенька, можно съ вами говорить откровенно?

Титъ Титычъ.

Ты, что хочешь, говори, только дѣлю, а то смотри.

Андрей Титычъ.

Я вамъ, тятенька, во всю жизнь свою ни въ одномъ словѣ не перечилъ.

Титъ Титычъ.

Еще бы ты смѣлъ!

Андрей Титычъ.

Конечно, я долженъ повиноваться своимъ родителямъ. А коли которую вы мнѣ теперь невѣсту сватаете, да ежели она мнѣ не нравится; что же долженъ я дѣлать?... На всю жизнь страждить? Ежели мнѣ нравится другая?

Титъ Титычъ.

Знаю, знаю.

Андрей Титычъ.

Почемъ же вы ихъ знаете?

Титъ Титычъ.

Сей часъ самъ былъ у нихъ.

Андрей Титычъ.

А сами видѣли, такъ лучше всего-съ. Истинно достойная дѣвушка, можно чести принести. Не то что...

Титъ Титычъ.

Вотъ я тебѣ такое достоинство задамъ! Ты ужъ лучше меня не серди. Молчи, я тебѣ говорю. Вонъ, видишь, строчило пишеть. Это вотъ прошеніе на нихъ. (*Захару Захарычу.*) Пиши хорошенько *Сыну.*) Они съ тебя дурака росписку взяли, а съ меня за нее тысячу цѣлковыхъ вытребовали.

Андрей Титычъ.

Кто же это-съ?

Титъ Титычъ.

Все они же. И красавица твоя тутъ же. Такъ вась дураковъ и обманываютъ. А ты ротъ-то разинулъ, ты думаешь тебя, такъ,

даромъ станутъ любить, на красоту свою надѣешься. Какже не такъ. Еще хорошо что на тысячѣ помирился, а то заломили было три.

Андрей Титычъ.

Комужь теперь на свѣтѣ вѣрить послѣ этаго! Истинная правда, татенька, что насъ кругомъ обманываютъ.

Титъ Титычъ.

Вотъ для этаго то для самаго я и хочу тебя женить, чтобы ты не баловался. Ну, теперь что ты еще будешь разговаривать, я послушаю.

Андрей Титычъ.

Ничего не могу говорить противъ васъ, потому самъ кругомъ виновать-сь.

Титъ Титычъ.

Такъ-то вотъ лучше. Собирайся къ невѣстѣ. (*Иванъ Ксенофонтычъ входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна, Захаръ Захарычъ. Андрей Титычъ и Иванъ Ксенофонтычъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Милостивый государь, извините, я ничего не зналъ...

Титъ Титычъ.

А теперь извините, за разумъ взялся! Нѣтъ, ужъ поздно. Видишь, вонъ пишетъ! Это прошеніе на васъ съ дочерью.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Милостивый государь, ни я, ни дочь тутъ ни въ чемъ виноваты. Это, безъ нашего вѣдома, сдѣлала глухая женщина... Мы живемъ смирно, мы никого не трогаемъ, мы занимаемся своимъ дѣломъ.

Титъ Титычъ.

Знать ничего не хочу!

Андрей Титычъ.

Тянька, что жъ вы мнѣ говорили? Вотъ она правда-то, наружу выходитъ.

Титъ Титычъ (*топнувъ*).

Молчи, не дыши!

Иванъ Ксенофонтычъ.

Вотъ ваши деньги, возьмите ихъ.

Титъ Титычъ.

Деньги! Ты деньги принесъ? Что за диковина какая! Деньги назадъ принесъ! Тутъ иѣтъ ли подволу какого? Сахарычъ, какъ ты думаешь, взять деньги, али иѣтъ. Обману иѣтъ ли?

Захаръ Захарычъ.

Деньги возьмите, ничего.

Титъ Титычъ.

Ну, давай деньги. (*Иванъ Ксенофонтычъ отдаетъ.*) Все ли? На, Андрей, сочти.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Все, все. Не мучьте вы меня, не считайте.

Титъ Титычъ.

• Такъ тебѣ и повѣрить! Какже!

Андрей Титычъ.

Все-съ.

Титъ Титычъ (*беретъ деньги*).

Ну, теперь ступай! А за обиду, я съ тобой разочтусь. Видишь пишеть.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Отдайте мнѣ росшеку.

Титъ Титычъ.

Какую это росшеку? Что Андрей-то дазь?

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЬ.

Эту самую.

ТИТЬ ТИТЫЧЬ.

Что ты, очумѣлъ что ли? Слышишь, Сахаръ Сахарычъ, росписку просить.

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЬ.

Какъ можно-съ! Онъ ее представить, тогда хлопотъ-то не оберешься.

ТИТЬ ТИТЫЧЬ.

Ишь ты, что выдумалъ! Какую штуку гнетъ! Иѣтъ, братъ, насъ не надуешь! Мы тоже волки то травленные! *(Смотритъ на него.)*
Ха - ха - ха - ха - ха!

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЬ *(тоже глядя на Ивана Ксенофонтыча).*

Ха - ха - ха - ха - ха!

ТИТЬ ТИТЫЧЬ.

Онъ, должно быть, для того и деньги-то принесъ, чтобы росписку выручить, а потомъ за нее вдвое заломить. Ему мало показалось. Надувательная система.

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЬ *(потерявшись).*

Иѣтъ, я потому деньги принесъ, что намъ чужихъ ненадобно... мы живемъ бѣдно... мы живемъ своими трудами... мы смиренно живемъ. Я вамъ еще денегъ принесу сколько у меня есть... я достану, заработаю.

ТИТЬ ТИТЫЧЬ.

Ишь ты, какъ расцѣваешь. Ха - ха - ха!

ЗАХАРЪ ЗАХАРЫЧЬ.

Ха - ха - ха!

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЬ *(бросается къ Титу Титычу).*

Подай росписку, подай! Я у васъ отниму ее, я вырву... мое дѣло правое... мы не виноваты....

Титъ Титычъ (*отстраняя его рукой*).
Тише, тише! Сахарычъ! Ловкій народъ, а! Ха-ха-ха!..

Захаръ Захарычъ.
Ха - ха - ха!

Иванъ Ксенофонтычъ (*падая на колѣни*).
Отдайте, Христа ради, отдайте! Я ее изорву, при васъ же изорву.

Андрей Титычъ.
Маменька, попросите. У меня сердце все изорвалось, да говорить-то я не смѣю.

Настасья Ианкратьевна.
Отдайте, Китъ Китычъ. Вѣдь онъ старичекъ, жалко старичка-то.

Титъ Титычъ.
Ты молчи! Не твое дѣло. Аль отдать? Сахарычъ, отдать?

Иванъ Ксенофонтычъ.
Отдайте, отдайте! Я не выду безъ этаго! Какъ мнѣ показать глаза дочери! Это сдѣлала глупая хозяйка. Развѣ моя Лиза можетъ? Она плачетъ теперь... Да что я говорю! Гдѣ я говорю объ ней! Я съ ума сойду!...

Захаръ Захарычъ.
Ни, ни, ни!...

Титъ Титычъ.
А я говорю, что отдать. Ты молчи, не смѣй разговаривать. А то еще дѣло заводить, путаться. Какже, нужно очень!

Захаръ Захарычъ.
Что вамъ дѣла бояться! Наше дѣло правое. Я за него возьмусь.

Титъ Титычъ.
Да, тебѣ еще деньги платить! Нѣтъ, ненадо. Подай росписку. (*Захаръ Захарычъ подаетъ.*) Ступай домой, прощай! Когда надо

будеть, пришлю. Улететьвай! (*Захаръ Захарычъ беретъ картузь и становится у двери. Учителю.*) Такъ ты говоришь, что вы не знали этого дѣла?

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ.

Не знали, не знали.

ТИТЬ ТИТЫЧЪ.

Значить, это хозяйка обработала. Ну бой — баба! На твою росписку. Я не въ тебя. (*Подаетъ росписку.*)

ИВАНЪ КСЕНОФОНТЫЧЪ (*разрываетъ ее и съ хохотомъ топчетъ ногами*).

Будьте вы прокляты! Какъ это васъ земля-то тернить! Какъ эти стѣны не обвалятся на васъ! Дочь моя! Сокровище мое! (*Убѣгаетъ.*)

ТИТЬ ТИТЫЧЪ.

Что онъ говорить? Какъ онъ смѣеть? Держи его! Вотъ видишь ты съ какой сволочью связываешься. Подите все вонъ! А ты, Андрей, собирайся къ невестѣ ѣхать. (*Все уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТИТЬ ТИТЫЧЪ (*одинъ*).

(*Сидитъ довольно долго, молча, потомъ ударяетъ кулакомъ по столу.*) Деньги и все это тѣнь, металлъ звенящій! Помереть — все останется. Такъ тому и быть. Мое слово — законъ. Жена, Андрей, подите сюда! (*Настасья Панкратьевна и Андрей Титычъ входятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ X.

ТИТЬ ТИТЫЧЪ, НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА И АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

ТИТЬ ТИТЫЧЪ.

Андрей, я тебя отдѣляю; полтораста тысячъ тебѣ серебра и живи какъ знаешь.

Титъ Титычъ.

Вы со мной не смѣйте разговаривать! (*Идетъ къ двери.*) Если онъ не отдастъ за тебя, — ты лучше мнѣ и на глаза не показывайся. (*Уходитъ.*)

Андрей Титычъ.

Что только за жизнь моя! (*Махнувъ рукой.*) Ахъ, маменька, пофедете! Ужъ знаю, что толку ничего не будетъ, одна мука. (*Уходитъ.*)

Конецъ.

ДОХОДНОЕ МѢСТО.

ДОХОДНОЕ МѢСТО.

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЛИЦА ВЪ ПЕРВОМЪ ДѢЙСТВІИ.

АРИСТАРХЪ ВЛАДИМИРЫЧЪ ВЫШНЕВСКІЙ, одрахлабшій старикъ, съ признаками подагры.

АННА ПАВЛОВНА, жена его, молодая жевцица.

ВАСИЛІЙ НИКОЛАИЧЪ ЖАДОВЪ, молодой человекъ, племянникъ его.

АКИМЪ АКИМЫЧЪ ЮСОВЪ, старый чиновникъ, служащій подь начальствомъ Вышневекаго.

ОНИСИМЪ ПАНФИЛЫЧЪ БѢЛОГУБОВЪ, молодой чиновникъ, подчиненный Юсову.

АНТОНЪ, человекъ въ домѣ Вышневекаго.

ШАЛЬЧИКЪ.

Большая зала въ домѣ Вышневекаго, богато меблированная. Пальцево дверь въ кабинетъ Вышневекаго, направо въ комнаты Анны Павловны; по обѣ стороны на стѣнахъ по зеркалу и подь ними столики; прямо входная дверь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вышневекаій въ байковомъ сюртукѣ и безъ нарика и Вышневекаа въ утреннемъ нарядѣ. Выходятъ изъ половины Вышневекаой.

Вышневекаій.

Какая неблагодарность! Какая злоба! (*Садится.*) Пять лѣтъ вы за мной за-мужемъ, и въ пять лѣтъ я не могу ничѣмъ заслужить вашего расположенія. Странно! Можетъ быть вы недовольны чѣмъ-нибудь?

ВЫШНЕВСКАЯ.

Нисколько.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Я думаю. Не для васъ ли я купилъ и отдѣлалъ великолѣпно этотъ домъ? Не для васъ ли я выстроилъ въ прошломъ году дачу? Чего у васъ мало? Я думаю, ни у одной купчихи нѣтъ столько брилліантовъ, сколько у васъ.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Благодарю васъ. Впрочемъ я ничего отъ васъ не требовала.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Вы не требовали; но я долженъ былъ чѣмъ-нибудь вознаградить васъ за разность въ лѣтахъ. Я думалъ найти въ васъ женщину, способную оцѣнить жертвы, которыя я вамъ принесъ. Я вѣдь не волшебникъ, я не могу строить мраморныхъ палатъ однимъ жестомъ. На шелкъ, на золото, на соболь, на бархатъ, въ который вы окутаны съ головы до ногъ, нужны деньги; ихъ нужно доставать. А онѣ не всегда легко достаются.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Мнѣ ничего не нужно. Я ужъ говорила вамъ не одинъ разъ объ этомъ.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Но мнѣ нужно же наконецъ покорить ваше сердце. Ваша холодность меня сводитъ съ ума. Я страстный человѣкъ: изъ любви къ женщинѣ, я способенъ на все! Я купилъ вамъ въ нынѣшнемъ году подмосковную. Знаете ли, что деньги, на которыя я ее купилъ... какъ бы это вамъ сказать?... ну однимъ словомъ, я рискнулъ болѣе, нежели позволяло благоразуміе. Я могу подлежать отвѣтственности.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Ради Бога, не дѣлайте меня участницею вашихъ поступковъ, если они не совсѣмъ честны. Не оправдывайте ихъ любовью ко мнѣ. Я васъ прошу. Для меня это невыносимо. Впрочемъ я не вѣрю вамъ. Пока вы меня не знали, вы жили и поступали точно также. Я даже передъ своей совѣстью не хочу отвѣчать за ваше поведеніе

ВЫШНЕВСКІЙ.

Поведеніе! Поведеніе! Изъ любви къ вамъ я готовъ даже на преступленіе. Чтобы только купить вашу любовь, я готовъ заплатить своимъ безчестіемъ. (*Встаетъ и подходитъ къ Вышневецкой.*)

ВЫШНЕВСКАЯ.

Аристархъ Владимірычъ, я притворяться не могу.

ВЫШНЕВСКІЙ (*беретъ ее за руку*).

Притворитесь! притворитесь!

ВЫШНЕВСКАЯ (*отвернувшись*).

Никогда.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Но вѣдь я васъ люблю!... (*Дрожа, опускается на колѣни.*)
Я васъ люблю!

ВЫШНЕВСКАЯ.

Аристархъ Владимірычъ, не унижайтесь! Вамъ одѣваться пора. (*Звонитъ. Вышневецкій поднимается. Входитъ Антонъ изъ кабинета.*) Одѣваться Аристарху Владимірычу.

АНТОНЪ.

Пожалуйте, готово-съ. (*Уходитъ въ кабинетъ, Вышневецкій идетъ за нимъ.*)

ВЫШНЕВСКІЙ (*въ дверяхъ*).

Змѣя! змѣя! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЫШНЕВСКАЯ (*одна, сидитъ нѣсколько времени задумавшись. Входитъ мальчикъ, подаетъ письмо и уходитъ.*)

Отъ кого это? (*Распечатываетъ и читаетъ.*) Вотъ еще мило! Любовное посланіе. И отъ кого же! Пожилой человѣкъ, жена красавица. Мерзко! Оскорбительно! Что дѣлать женщинѣ въ такомъ случаѣ? И какія пошлости написаны! Какія глупыя нѣжности! Послать

его назадъ? Нѣтъ, лучше показать его кой-кому изъ знакомыхъ, да посмѣяться вмѣстѣ, все таки развлеченіе... фу, какъ гадко! (*Уходитъ. Антонъ выходитъ изъ кабинета и становится у двери; входитъ Юсовъ, потомъ Бѣлогубовъ.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

Антонъ, Юсовъ и Бѣлогубовъ.

Юсовъ (*съ портфелемъ*).

Доложи-ка, Антоша. (*Антонъ уходитъ. Юсовъ поправляется передъ зеркаломъ.*)

Антонъ (*въ дверяхъ*).

Пожалуйте. (*Юсовъ уходитъ.*)

Бѣлогубовъ (*входитъ, вынимаетъ изъ кармана гребенку и причесывается*).

Что, Акимъ Акимычъ здѣсь-съ?

Антонъ.

Сей часъ прошли въ кабинетъ.

Бѣлогубовъ.

А сами-то какъ сегодня? Ласковы-съ?

Антонъ.

Не знаю. (*Уходитъ. Бѣлогубовъ стоитъ у стола подлѣ зеркала.*)

Юсовъ (*выходя, замѣтно важничаетъ*).

А, ты здѣсь.

Бѣлогубовъ.

Здѣсь-съ.

Юсовъ (*просматривая бумагу*).

Бѣлогубовъ!

Бѣлогубовъ.

Чего изволите-съ?

Юсовъ.

Вотъ, братецъ ты мой, возьми домой, перенеси это почище.
Приказали.

Бѣлогубовъ.

Мнѣ приказали перенести-съ?

Юсовъ (*сидясь*).

Тебѣ. У него, сказали, почеркъ хорошъ.

Бѣлогубовъ.

Мнѣ очень пріятно слышать-съ.

Юсовъ.

Такъ ты слушай, братецъ: — ты не торопись. Главное, чтобы было почище. Видишь, куда посылать...

Бѣлогубовъ.

Я вѣдь, Акимъ Акимычъ, понимаю-съ. Каллиграфически напишу-съ, всю ночь просижу.

Юсовъ (*вздыхаетъ*).

Охо-хо-хо! — охо-хо-хо!

Бѣлогубовъ.

Мнѣ, Акимъ Акимычъ, только бы обратили вниманіе.

Юсовъ (*строга*).

Что ты шутишь этимъ, что-ли?

Бѣлогубовъ.

Какъ можно-съ!...

Юсовъ.

Обратили вниманіе... Легко сказать! Чего еще нужно чиновнику? Чего онъ еще желать можетъ?

Бѣлогубовъ.

Да-съ.

Юсовъ.

Обратили на тебя вниманіе, ну, ты и человѣкъ, дышешь; а не обратили, — что ты?

БѢЛОГУБОВЪ.

Ну, что ужъ-съ.

ЮСОВЪ.

Червь!

БѢЛОГУБОВЪ.

Я, кажется, Акимъ Акимычъ, стараюсь-съ.

ЮСОВЪ.

Ты? (*Смотритъ на него.*) Ты у меня на хорошемъ замѣчаніи.

БѢЛОГУБОВЪ.

Я, Акимъ Акимычъ, даже въ пицѣ себѣ отказываю, чтобъ быть чисто одѣтымъ. Чисто одѣтый чиновникъ вѣдь всегда на виду у начальства-съ. Вотъ извольте посмотрѣть, какая талія.... (*поворачивается.*)

ЮСОВЪ.

Постой. (*Оглядываетъ его и нюхаетъ табакъ.*) Талія хорошо.... Да еще, БѢлогубовъ, смотри, пограмотнѣй.

БѢЛОГУБОВЪ.

Вотъ правописаніе то я, Акимъ Акимычъ, плохо-съ.... Такъ что, повѣрите ли, самому обидно.

ЮСОВЪ.

Эка важность, правописаніе! Не все вдругъ, привыкнешь. Напиши сначала черновую, да и попроси поправить, а потомъ ужъ съ этого и пиши. Слышишь, что я говорю?

БѢЛОГУБОВЪ.

Ужъ попрошу когонибудь-съ поправить, а то все Жадовъ смѣется-съ.

ЮСОВЪ.

Кто?

БѢЛОГУБОВЪ.

Жадовъ-съ.

ЮСОВЪ (*строго*).

Да самъ то онъ что такое? Что за птица? Еще смѣется!

БѢЛОГУБОВЪ.

Какъ же-съ, вѣдь надо показать, что ученый-съ.

ЮСОВЪ.

Тьфу! Вотъ что онъ.

БѢЛОГУБОВЪ.

Я даже никакъ не могу опредѣлить его, Акимъ Акимычъ, что онъ за человѣкъ-съ.

ЮСОВЪ.

Ничтожество!... (*Молчаніе.*) Сей часъ я тамъ былъ (*показывая на кабинетъ*), такъ говорили: (*тихо*) не знаю, что съ племянникомъ дѣлать! Поими изъ этаго.

БѢЛОГУБОВЪ.

А вѣдь какъ о себѣ-то много мечтаетъ-съ.

ЮСОВЪ.

Высоко летаетъ, да гдѣ-то сядетъ! Ужъ чего лучше: жилъ здѣсь на всѣмъ на готовомъ. Что жъ ты думаешь, благодарность онъ чувствовалъ какую нибудь? Уваженіе отъ него видѣли? Какъ же не такъ! — Грубость, вольнодумство.... Вѣдь хоть и родственникъ ему, а все-таки особа.... кто же станеть переносить? Ну, вотъ ему и сказали другу милому: поди-ка поживи своимъ разумомъ, на десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, авось поумиѣ будешь.

БѢЛОГУБОВЪ.

Вотъ глупость-то до чего доводитъ-съ, Акимъ Акимычъ! Кажется, то есть.... Господи.... этокое счастье! Поминутно долженъ Бога благодарить. Вѣдь такъ я говорю, Акимъ Акимычъ, долженъ онъ Бога благодарить-съ?

ЮСОВЪ.

Еще бы!

БѢЛОГУБОВЪ.

Самъ отъ своего счастья бѣгаетъ. Чего ему еще нужно-съ? Чинъ имѣеть, въ родствѣ съ такимъ человѣкомъ, содержаніе имѣлъ готовое; кабы захотѣлъ, могъ бы мѣсто имѣть хорошее, съ большимъ доходомъ-съ. Вѣдь Аристархъ Владимірычъ ему не отказали бы!

Юсовъ.

Ну, вотъ поди же!

Бѣлогубовъ.

Мое мнѣніе такое, Акимъ Акимычъ, что другой человѣкъ съ чувствомъ, на его мѣстѣ, сталъ бы саногн чистить Аристарху Владимірычу, а онъ еще огорчаетъ такого человѣка.

Юсовъ.

Все гордость да разсужденіе.

Бѣлогубовъ.

Какое же разсужденіе! Объ чемъ мы можемъ разсуждать? Я, Акимъ Акимычъ, никогда....

Юсовъ.

Еще бы ты-то.

Бѣлогубовъ.

Я никогда-съ.... потому это ни къ чему не ведетъ къ хорошему, окромѣ непріятности.

Юсовъ.

Какъ же ему не разговаривать! Надобно же ему показать-то, что въ университетѣ былъ.

Бѣлогубовъ.

Какая же польза отъ ученья, когда въ человѣкѣ нѣтъ страху.... никакого трепету передъ начальствомъ?

Юсовъ.

Чего?

Бѣлогубовъ.

Трепету-съ.

Юсовъ.

Ну, да.

Бѣлогубовъ.

Меня бы, Акимъ Акимычъ, столоначальникомъ-съ.

Юсовъ.

У тебя губа-то не дура.

Б ѡ л о г у б о в ѡ .

Я вѣдь больше потому-съ, что у меня теперь невѣста есть-съ. Барышня и отлично образованная-съ. Только бѣзъ мѣста нельзя-съ, кто жъ отдасть.

Ю с о в ѡ .

Что жъ не покажешь?

Б ѡ л о г у б о в ѡ .

Первыиъ долгомъ-съ... хотъ нынче же... какъ вмѣсто родевенника-съ.

Ю с о в ѡ .

А обѣ мѣстѣ я доложу. Мы подумаемъ.

Б ѡ л о г у б о в ѡ .

Миѣ бы ужъ это мѣсто на всю жизнь-съ. Я хотъ поднеску дамъ, потому выше я не могу-съ. Миѣ не по способностямъ. (*Входитъ Жадовъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ-же и Жадовъ.

Ж а д о в ѡ .

Что, лядюшка занять?

Ю с о в ѡ .

Занять.

Ж а д о в ѡ .

Ахъ, жалко! А миѣ очень нужно его видѣть.

Ю с о в ѡ .

Можно и подождать, у нихъ дѣла-то поважнѣй вашихъ.

Ж а д о в ѡ .

Почемъ вы знаете мои дѣла?

Ю с о в ѡ (*смотритъ на него и смѣется*).

Какія у васъ дѣла! Тагъ вздоръ какой нибудъ.

Жадовъ.

Съ вами лучше не говорить, Акимъ Акимычъ; вы всегда на грубость напрашиваетесь. (*Отходитъ и садится на авансценъ.*)

Юсовъ (*Бьлогубову*).

Каковъ?

Бьлогубовъ (*громко*).

Не стоить вниманія разговаривать-то! Только вамъ, на старости лѣтъ, себя безпокоить. Прощайте-съ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Жадовъ и Юсовъ.

Юсовъ (*про себя*).

Ха, ха, ха! Жили, жили да, слава Богу, дожили. Мальчишки стали носъ поднимать.

Жадовъ (*оглядывается*).

Что вы тамъ ворчите?

Юсовъ (*продолжаетъ*).

Дѣлать, что приказано, мы не любимъ, а разсуждать вотъ наше дѣло. Какъ можно намъ въ канцеляріи сидѣть! — Насъ бы всѣхъ министрами сдѣлать! Ну, что жъ дѣлать, ошиблись, извините, пожалуйста, не знали вашихъ талантовъ. Сдѣлаемъ министрами, непременно сдѣлаемъ.... погодите немножко... завтра же.

Жадовъ (*про себя*).

Надоѣлъ!

Юсовъ.

Боже мой! Боже мой! Ни стыда, ни совѣсти. У другаго еще и губы не обсохли, а ужъ амбицію показываетъ. Кто я! Не тронь меня! (*Входитъ Антонъ.*)

Антонъ (*Юсову*).

Пожалуйте къ барину. (*Юсовъ уходитъ въ кабинетъ.*)

Жадовъ.

Скажи Антѣ Павловичу, что я хочу ихъ видѣть.

Антонъ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Жадовъ (одинъ).

Что этотъ старый хрычъ разворчался! Что я ему сдѣлалъ! Университетскихъ, говорить, терпѣть не могу. Да развѣ я виновать? Вотъ и служи подь такимъ начальствомъ. А впрочемъ, что же онъ мнѣ сдѣлаетъ, коли я буду себя вести хорошо? А вотъ какъ вакансія откроется, такъ, пожалуй, мѣстомъ и обойдутъ. Отъ нихъ стается. (*Вышневецкая входитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Жадовъ и Вышневецкая.

Вышневецкая.

Здравствуйте, Василій Николаичъ?

Жадовъ.

Ахъ, тетенька, здравствуйте! (*Цѣлуетъ у нея руку.*) Я вамъ новость скажу.

Вышневецкая.

Садитесь. (*Садятся.*) Что за новость?

Жадовъ.

Я жениться хочу.

Вышневецкая.

Не рано ли?

Жадовъ.

Влюбленъ, тетушка, влюбленъ. И какая дѣвушка-то! Совершенство!

Вышневецкая.

А богата она!

Жадовъ.

Нѣтъ, тетушка, у ней ничего нѣтъ.

Вышневецкая

Чѣмъ же вы жить-то будете?

Жадовъ.

А голова-то, а руки-то на что? Неужели мнѣ весь вѣкъ жить на чужой счетъ? Конечно, другой быль бы радъ, благо случай есть, а я не могу. Ужъ не говоря про то, что для этого я долженъ, изъ угожденія дядѣ, противорѣчить собственнымъ убѣжденіямъ. А кто жъ будетъ работать-то? Зачѣмъ же насъ учили-то! Дядя совѣтуетъ прежде нажить денегъ, какимъ бы то ни было образомъ, купить домъ, завести лошадей, а потомъ ужъ завести и жену. Могу ли я согласиться съ нимъ? Я полюбилъ дѣвушку, какъ любить только въ мои лѣта. Неужели я долженъ отказаться отъ счастья оттого только, что она не имѣетъ состоянія?

Вышневецкая.

Страдаютъ не отъ одной бѣдности, страдаютъ и отъ богатства.

Жадовъ.

Помните наши разговоры съ дядей? Что ни скажешь, бывало, противъ взятокъ или вообще противъ всякой неправды, у него одинъ отвѣтъ: поди-ка поживи, не то заговоришь. Ну, вотъ я и хочу пожить, да еще не одинъ, а съ молодой женою.

Вышневецкая (*вздыхая*).

Да, позавидуешь женщинамъ, которыхъ любятъ такіе люди, какъ вы.

Жадовъ (*цѣлуя руку*).

Ужъ какъ я буду трудиться, тетушка! Большаго, вѣроятно, жена отъ меня не потребуетъ. А если и случится даже нѣкоторое время перенести нужду, такъ, вѣроятно, Полна, изъ любви ко мнѣ, не покажетъ и виду неудовольствія. Но, во всякомъ случаѣ, какъ бы жизнь ни была горька, я не уступлю даже миллионной доли тѣхъ убѣжденій, которыми я обязанъ воспитанію.

Вышневецкая.

За васъ-то можно поручиться: по ваша жена... молодая женщина! Ей трудно будетъ перенести какой бы то ни было недостатокъ. У насъ очень дурно воспитываютъ дѣвушекъ. Вы, молодые люди, представляете насъ ангелами, а повѣрьте, Василій Николаичъ, что мы хуже мужчинъ. Мы корыстиѣе, пристрастиѣе. — Что дѣлать! нужно признаться: въ насъ чувства чести и строгой справедливости

гораздо меньше. Что еще въ насъ нехорошо, такъ это — недостатокъ деликатности. Женщина способна упрекнуть, что рѣдкой развитой мужчина позволить себѣ. Самыя обидныя колкости не рѣдки между короткими пріятельницами. Иногда глупый попрекъ женщины тяжелѣе всякой обиды.

Жадовъ.

Это правда. Но я самъ буду ее воспитывать. Она еще совсемъ ребенокъ, изъ нея еще можно сдѣлать все. Только надоно ее поскорѣй вырвать изъ семейства, пока не успѣли ее испортить пошлымъ воспитаніемъ. А какъ сдѣлаютъ ее барышней, въ полномъ смыслѣ этого слова, тогда ужъ поздно.

Вышневецкая.

Не смѣю сомнѣваться и не хочу васъ разочаровывать. Было бы неблагородно съ моеи стороны охлаждать васъ на первыхъ порахъ. Давайте больше воли вашему сердцу, пока она еще не зачерствѣло. Не бойтесь бѣдности. Богъ васъ благословитъ. Повѣрьте, что никто такъ не пожелаетъ вамъ счастья, какъ я.

Жадовъ.

Я всегда былъ въ этомъ увѣренъ, тетушка.

Вышневецкая.

Одно меня беспокоитъ: ваша нетерпимость. Вы постоянно называете себѣ враговъ.

Жадовъ.

Да, мнѣ все говорятъ, что я нетерпимъ, что отъ этого я много теряю. Да развѣ нетерпимость недостатокъ? Развѣ лучше равнодушно смотрѣть на Юсовыхъ, Бѣлогубовыхъ и на все мерзости, которыя постоянно кругомъ тебя дѣлаются? Отъ равнодушія не далеко до порока. Кому порокъ не гадокъ, тотъ самъ понемногу втянется.

Вышневецкая.

Я не называю нетерпимость недостаткомъ, только знаю по опыту, какъ она неудобна въ жизни. Я видала примѣры... когда иибудь вы узнаете...

Жадовъ.

Какъ вы думаете, откажетъ мнѣ дядюшка или нѣтъ? Я хочу попросить прибавки жалованья. Мнѣ бы теперь очень кстати.

Вышневецкая.

Не знаю. Попросите. (*Входятъ Вышневецкій во фракъ и парикъ, за нимъ Юсовъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ-же, Вышневецкій и Юсовъ.

Вышневецкій (*Жадову*).

А, здравствуй! (*Садится.*) Садись! Садись, Акимъ Акимычъ! Ты все лѣнишься, на службу рѣдко ходишь.

Жадовъ.

Дѣлать нечего. Не даютъ дѣла.

Юсовъ.

Мало ли дѣла у насъ!

Жадовъ.

Переписывать-то? Нѣтъ ужъ я слуга покорный! На это у васъ есть чиновники способности меня.

Вышневецкій.

Ты все еще не уходился, мой милый! Все проповѣди читаешь. (*Къ женѣ.*) Представьте: читаетъ въ канцелярїи писарямъ мораль, а тѣ, натурально, ничего не понимаютъ, сидятъ, розниа ротъ, выпуча глаза. Смѣшно, любезный!

Жадовъ.

Какъ я буду молчать, когда на каждомъ шагу вижу мерзости? Я еще не потерялъ вѣру въ человѣка, я думаю, что мои слова произведутъ на нихъ дѣйствіе.

Вышневецкій.

Онѣ ужъ и произвели: ты сталъ посмѣшищемъ всей канцелярїи. Ты ужъ достигъ своей цѣли, успѣлъ сдѣлать такъ, что всѣ съ улыб-

кой переглядываются и перешептываются, когда тыходишь, и рас-пространяется общій хохоть, когда ты уйдешь.

Юсовъ.

Да-съ.

Жадовъ.

Однако, что же смѣшнаго въ моихъ словахъ?

Вышневецкій.

Все, мой другъ. Начиная отъ излишняго, нарушающаго приличія увлеченія, до ребяческихъ, непрактическихъ выводовъ. Повѣрь, что каждый писецъ лучше тебя знаетъ жизнь; знаетъ по собственному опыту, что лучше быть сытымъ, чѣмъ голоднымъ философомъ, и твои слова, естественно, кажутся имъ глупыми.

Жадовъ.

А мнѣ кажется, что они знаютъ только то, что взяточникомъ быть выгоднѣе, нежели честнымъ человѣкомъ.

Юсовъ.

Гмъ, гмъ.....

Вышневецкій.

Глуно, мой милый! И дерзко и глуно.

Жадовъ.

Позвольте, дядюшка! Для чего же насъ учили, для чего же въ насъ развивали такія понятія, которыхъ нельзя выговорить въ слухъ безъ того, чтобы вы не обвинили въ глупости или дерзости?

Вышневецкій.

Не знаю, кто васъ тамъ и чему училъ. Мнѣ кажется, что лучше учить дѣлать дѣло и уважать старшихъ, чѣмъ болтать вздоръ.

Юсовъ.

Да-съ, гораздо-бы лучше.

Жадовъ.

Извольте, я буду молчать; но разстаться съ моими убѣжденіями я не могу: онѣ для меня единственное утѣшеніе въ жизни.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Да, на чердакъ, за кускомъ чернаго хлѣба. Славное утѣшеніе! Съ голоду восхвалять свою добродѣтель и ругать товарищей и начальниковъ за то, что они умѣли устроить свою жизнь и живутъ въ довольствѣ, семейно и счастливо. — Прекрасно! тутъ и зависть пособить.

ЖАДОВЪ.

Боже мой!

ВЫШНЕВСКАЯ.

Это жестоко.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Пожалуйста, не думай, чтобы ты говорилъ что-нибудь новое. Всегда это было и всегда будетъ. Человѣкъ, который не умѣлъ или не успѣлъ нажить себѣ состояніе, всегда будетъ завидовать человѣку съ состояніемъ — это въ натурѣ человѣка. Оправдать зависть тоже легко. Завидующіе люди обыкновенно говорятъ: я не хочу богатства; я бѣденъ, но благороденъ.

ЮСОВЪ.

Медоточивыя уста!

ВЫШНЕВСКІЙ.

Благородная бѣдность хороша только на театрѣ. А попробуй перенести ее въ жизни. Это, мой другъ, не такъ легко и пріятно, какъ намъ кажется. Ты же привыкъ слушаться только самого себя, пожалуй, еще женишься. Что тогда будетъ? Вотъ любопытно.

ЖАДОВЪ.

Да, дядюшка, я женюсь, и хотѣлъ объ этомъ говорить съ вами.

ВЫШНЕВСКІЙ.

И, вѣроятно, по любви, на бѣдной дѣвушкѣ, а еще, пожалуй, и на дурѣ, которая объ жизни имѣетъ столько же понятія, сколько и ты; но ужь, навѣрно, она образована и поетъ подъ растроеныя фортепьяно: «съ милымъ рай и въ шалашѣ».

ЖАДОВЪ.

Да, она бѣдная дѣвушка.

ВЫШНЕВСКІЙ.

И прекрасно.

Юсовъ,

Для размноженія нищихъ-съ...

Жадовъ.

Акимъ Акимычъ, не оскорбляйте меня. Я вамъ не давалъ на это никакого права. Дядюшка, бракъ дѣло великое, и я думаю, что каждый въ этомъ дѣлѣ долженъ слѣдовать собственному внушенію.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Сдѣлай милость, тебѣ никто и не мѣшаетъ. Только подумалъ ли ты вотъ объ чемъ? Ты, конечно, любишь свою невѣсту?

Жадовъ.

Разумѣется, люблю.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Что же ты готовишь для нея, какія радости въ жизни? Нищету, всевозможныя лишенія. По моему мнѣнію, кто любитъ женщину, тотъ старается усыпать путь ея, такъ сказать, всеми наслажденіями.

Юсовъ.

Да съ.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Вмѣсто шляпокъ тамъ и разныхъ модъ, которыя женщины считаютъ необходимыми, ты будешь ей читать лекціи о добродѣтели. Она, конечно, изъ любви, тебя выслушаетъ, а шляпокъ и салоновъ у нея все таки не будетъ.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Въ его лѣта еще любовь не покупаютъ.

Жадовъ.

Тетушка говоритъ правду.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Я согласенъ, покупать любовь тебѣ нѣтъ надобности; но вознаграждать ее, отплатить за любовь обязанъ всякій, иначе самая безкорыстная любовь остынетъ. Пойдутъ попреки, сѣтованія на судьбу.

Не знаю, каково будетъ тебѣ переносить, когда жена поминутно будетъ раскаяваться въ слухъ, что по неопытности связала свою судьбу съ нищимъ. Однимъ словомъ, ты *обязанъ* составить счастье женщины, которую ты любишь. А безъ богатства или, по крайней мѣрѣ, довольства нѣтъ счастья для женщины. Ты, можетъ быть, по своему обыкновению, станешь мнѣ противорѣчить; такъ я тебѣ докажу, что это правда. Оглянись вокругъ себя: какая умная дѣвушка задумается выйти за мужъ за богатаго старика или урода? Какая мать усомнится выдать дочь такимъ образомъ, даже противъ ея воли, считая слезы своей дочери за глупость, за ребячество, и благодаря Бога, что онъ послалъ ея Машенькѣ или Аннушкѣ такое счастье. Каждая мать напередъ увѣрена, что дочь послѣ будетъ благодарить ее. Да и для собственнаго спокойствія, которое тоже что нибудь стоитъ, мужъ долженъ обезпечить жену совершенно въ матеріальномъ отношеніи; тогда даже... даже если жена и не совсѣмъ счастлива, такъ не имѣетъ права... не смѣетъ жаловаться. (*Съ жаромъ.*) Женщинѣ, взятой изъ бѣдности и окруженной попеченіями и роскошью, кто же повѣритъ, что она несчастлива? Спроси у жены, правду ли я говорю.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Ваши слова такъ умны и убѣдительны, что могутъ обойтись и безъ моего согласія. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ-же, безъ Вышневецкой.

ЖАДОВЪ.

Не всѣ же женщины таковы, какъ вы говорите.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Почти всѣ. Есть конечно исключенія; но мудрено, чтобъ на твою долю вышло это исключеніе. Для этого надобно пожить, поискать, а не влюбляться, какъ ты, въ первую встрѣчную. Послушай, я съ тобой буду говорить, какъ родственникъ, потому что мнѣ жаль тебя. Что ты въ самомъ дѣлѣ о себѣ думаешь? Какъ ты будешь жить съ женой безъ средствъ?

ЖАДОВЪ.

Я буду жить трудомъ. Я надѣюсь, что спокойствіе совѣсти можетъ замѣнить для меня земныя блага.

Вышневецкій.

Труда твоего мало будетъ для поддержки семейства. Мѣста хорошаго ты не получишь, потому что ты съ своимъ глупымъ характеромъ не сумѣешь ни одного начальника расположить въ свою пользу, а скорѣе вооружишь. Спокойствіе совѣсти тоже не спасетъ тебя отъ голоду. Вотъ видишь, мой другъ, въ обществѣ замѣтно распространяется роскошь, а ваши спартанскія добродѣтели не живутъ вмѣстѣ съ роскошью. Мнѣ твоя мать поручила заботиться о тебѣ, и я обязанъ для тебя сдѣлать все, что могу. Вотъ что я тебѣ совѣтую въ послѣдній разъ: укроти немного свой характеръ, брось завиральныя идеи, брось, глупо вѣдь, служи, какъ служатъ все порядочные люди, то есть, гляди на жизнь и на службу практически. Тогда я могу тебѣ помочь и совѣтомъ, и деньгами, и протекціей. Ты ужъ не маленькой, — жениться собираешься.

Жадовъ.

Никогда!

Вышневецкій.

Какъ это громко: «никогда!» и какъ это глупо вмѣстѣ съ тѣмъ! Я такъ думаю, что ты возьмешься за умъ; я довольно видѣлъ такихъ примѣровъ, только смотри, не опоздай. Теперь у тебя есть случай и покровительство, а тогда можетъ не быть: ты испортишь карьеру, товарищи твои уйдутъ впередъ, трудно будетъ тебѣ начинать опять сначала. Я говорю тебѣ, какъ чиновникъ.

Жадовъ.

Никогда, никогда.

Вышневецкій.

Ну, такъ живи, какъ знаешь, безъ поддержки. На меня ужъ не надѣйся. Мнѣ надоѣло и говорить-то съ тобой.

Жадовъ.

Боже мой! Поддержка будетъ для меня въ общественномъ мнѣніи.

Вышневецкій.

Да, дожидайся! У насъ общественнаго мнѣнія нѣтъ, мой другъ, и быть не можетъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты понимаешь. Вотъ тебѣ общественное мнѣніе: не пойманъ — не воръ. Какое дѣло обществу, на какіе доходы ты живешь, лишь бы ты жилъ прилично и

вель себя, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку. Ну, а если ты будешь ходить безъ сапогъ и читать всѣмъ мораль, такъ ужъ извини, если тебя не примутъ въ порядочныхъ домахъ и будутъ говорить о тебѣ, какъ о пустомъ человѣкѣ. Я служилъ въ губернскихъ городахъ: тамъ короче знаютъ другъ друга, чѣмъ въ столицахъ; знаютъ, что каждый имѣеть, чѣмъ живетъ, слѣдовательно легче можетъ составить общественное мнѣніе. Нѣтъ, люди—вездѣ люди. И тамъ смѣялись при мнѣ надъ однимъ чиновникомъ, который жилъ только на жалованье съ большой семьей, и говорили по городу, что онъ самъ себѣ шьетъ сюртуки; и тамъ весь городъ уважалъ первѣйшаго взяточника за то, что онъ жилъ открыто и у него по два раза въ недѣлю бывали вечера.

Жадовъ.

Неужели это правда?

Вышневецкій.

Поживи, такъ узнаешь. Пойдемъ, Акимъ Акимычъ. (*Встаетъ.*)

Жадовъ.

Дядюшка!

Вышневецкій.

Что такое?

Жадовъ.

Я получаю очень мало жалованья, мнѣ нечѣмъ жить. Теперь есть вакансія, — позвольте мнѣ занять ее, я женюсь....

Вышневецкій.

Гмъ.... Для этого мѣста нужно мнѣ не женатаго, а способнаго человѣка. Я не могу, по совѣсти, дать тебѣ больше жалованья; во первыхъ ты его не стоишь, а во вторыхъ — ты мой родственникъ, сочтутъ лицепріятіемъ.

Жадовъ.

Какъ вамъ угодно. Буду жить на тѣ средства, какія имѣю.

Вышневецкій.

Да вотъ еще, мой милый! скажу тебѣ одинъ разъ навсегда: мнѣ твой разговоръ не нравится, выраженья твои рѣзки и непочтительны,

и я не вижу никакой надобности для тебя разстроиваться. Не думай, чтобы я считалъ твои мнѣнія оскорбительными — это слишкомъ много чести для тебя, я просто считаю ихъ глупыми. И потому всѣ мои отношенія къ тебѣ, кромѣ начальническихъ, ты можешь считать совершенно конченными.

Жадовъ.

Такъ я перейду лучше въ другое мѣсто.

Вышневецкій.

Сдѣлай милость. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Жадовъ и Юсовъ.

Юсовъ (*смотря ему въ глаза*).

Ха, ха, ха, ха....

Жадовъ.

Чему вы смѣетесь?

Юсовъ.

Ха, ха, ха.... Да какъ же не смѣяться-то? Съ кѣмъ вы спорите? ха, ха, ха! Да на что же это похоже?

Жадовъ.

Что же тутъ смѣшнаго?

Юсовъ.

Чтожъ, дяушка-то глупѣе васъ? А, глупѣе? Меньше васъ понимаетъ въ жизни? Да вѣдь это курамъ на смѣхъ. Вѣдь этакъ вы когда нибудь уморите со смѣху. Помилуйте, пощадите, у меня семейство.

Жадовъ.

Вы этого, Акимъ Акимычъ, не понимаете.

Юсовъ.

Понимать-то тутъ нечего. Хоть тысячу человѣкъ приведите, всѣ бы померли со смѣху, глядя на васъ. Этого человѣка вамъ бы слу-

пять надобно было, разиня ротъ, чтобы словечка не проронить, да слова-то его на носу зарубить, а вы спорите! Вѣдь это комедія, ей Богу, комедія, ха, ха, ха.... Вотъ васъ дядюшка то и отдѣлала, хе, хе, хе, да еще мало. То ли бы слѣдовало. Будь я на его мѣстѣ....
(*Дѣлаетъ строгую гримасу и уходитъ въ кабинетъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XI.

Жадовъ (*одинъ, подумавъ*).

Да, разговаривайте! Не вѣрю я вамъ. Не вѣрю и тому, чтобы честнымъ трудомъ не могъ образованный человѣкъ обезпечить себя съ семействомъ. Не хочу вѣрить и тому, что общество такъ развратно! Это обыкновенная манера стариковъ разочаровывать молодыхъ людей: представлять имъ все въ черномъ свѣтѣ. Людямъ стараго вѣка завидно, что мы такъ весело и съ такой надеждой смотримъ на жизнь. А, дядюшка! я васъ понимаю. Вы теперь всего достигли — и знатности, и денегъ, вамъ не кому завидовать. Вы завидуете только намъ, людямъ съ чистой совѣстью, съ душевнымъ спокойствіемъ. Этого вы ни купите ни за какія деньги. Рассказывайте, что хотите, а я все таки женюсь и буду жить счастливо. (*Уходитъ. Вышневецкій выходятъ изъ кабинета.*)

ЯВЛЕНИЕ XII.

Юсовъ и Вышневецкій.

Вышневецкій.

На комъ онъ женится?

Юсовъ.

На Кукушкиной. Дочь вдовы коллежскаго ассесора.

Вышневецкій.

Ты знакомъ съ ней?

Юсовъ.

Такъ-съ, съ мужемъ былъ знакомъ. Бѣлогубовъ на другой сестрѣ жениться хочетъ.

Вышневецкій.

Ну, Бѣлогубовъ другое дѣло. Во всякомъ случаѣ, ты къ ней съѣзди. Растолкуй ей, чтобы она не губила своей дочери, не отдавала за этого дурака. (*Киваетъ головой и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Юсовъ (*одинъ*).

Что это за время такое! Что теперь на свѣтѣ дѣлается, глазамъ своимъ не повѣришь! Какъ жить на свѣтѣ! Мальчишки стали разговаривать! Кто разговариваетъ-то? Кто спорить-то? Такъ, ничтожество! Дунуль на него, фу! (*дуетъ*) вотъ и нѣтъ человѣка. Да еще съ кѣмъ спорить-то! — Съ гениемъ. Аристархъ Владимірычъ гений.... гений, Наполеонъ. Ума необъятнаго, быстрота, смѣлость въ дѣлахъ. Одного не достаетъ: въ законѣ не совсѣмъ твердъ, изъ другаго вѣдомства. Кабы Аристархъ Владимірычъ, при его умѣ, да зналъ законы и всѣ порядки такъ, какъ его предшественникъ, ну и конецъ... конецъ... и разговаривать нечего. Поѣзжай за нимъ, какъ по желѣзной дорогѣ. Такъ ухватись за него, да и ступай. И чины, и ордена, и всякія угоды, и дома, и деревни съ пустошами. Духъ захватываетъ! (*Уходитъ*.)

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЛИЦА ВО ВТОРОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ФЕЛИСТА ГЕРАСИМОВНА КУКУШКИНА, вдова коллежскаго ассессора
ЮЛИНКА } ея дочери.
ПОЛИНА }
АКИМЪ АКИМЫЧЪ ЮСОВЪ.
ВАСИЛІЙ НИКОЛАИЧЪ ЖАДОВЪ.
ОНИСИМЪ ПАНФИЛЫЧЪ БѢЛОГУБОВЪ.
СТЕША, горничная дѣвушка.

Комната въ домѣ Кукушкиной: обыкновенная гостиная въ небогатыхъ домахъ. По срединѣ дверь и нальво дверь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Юлинка, Полина (*стоятъ передъ зеркаломъ*) и Стеша (*со щеткой и крыломъ въ рукахъ*).

СТЕША.

Ну вотъ, мои барышни и готовы. Хоть сей часъ женихи наѣзжайте, какъ на выставку выставлены, первый сортъ. Такой форсъ покажемъ — въ носъ бросится. Генералу какому не стыдно показать!

ПОЛИНА.

Ну, Юлинка, по мѣстамъ; сядемъ, какъ умныя барышни сидятъ. Сей часъ маменька будетъ намъ смотръ дѣлать. Товаръ лицомъ продаетъ.

СТЕША (*стирая пыль*).

Да ужъ какъ ни смотри, все въ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ, все подшпвлено, да подколено.

ЮЛИНКА.

Она у насъ такой ревизоръ; что-нибудь отыщеть. (*Садятся.*)

С т е ш а (*останавливается посреди комнаты*).

Ужъ и въ самомъ дѣлѣ, барышня, вамъ отъ нея житья нѣтъ во-все. Муштруетъ, муштруетъ, какъ солдатъ на ученьи. Все на вытяжкѣ, да на вытяжкѣ, — только что ноги поднимать не заставляетъ. А ужъ надо мной-то измывается. измывается — одной только чистотой одолѣла. (*Стираетъ пыль.*)

Ю л и н ь к а

Нравится тебѣ твой женихъ, Василій Николаичъ?

П о л и н а.

Ахъ, просто душка! А тебѣ твой Бѣлогубовъ!

Ю л и н ь к а.

Нѣтъ, дрянъ ужасная!

П о л и н а.

Зачѣмъ же ты маменькѣ не скажешь?

Ю л и н ь к а.

Вотъ еще! Сохрани Господи! Я рада радехонька хоть за него выйти, только бы изъ дому-то вырваться.

П о л и н а.

Да, правда твоя! Не попадись и мнѣ Василій Николаичъ, кажется, рада бы первому встрѣчному на шею броситься: хоть бы плехенькой какой, только бы изъ бѣды выручилъ, изъ дому взялъ. (*Смѣется.*)

С т е ш а (*нагибается подъ диванъ*).

Ужъ истинно мука мученическая. Вотъ ужъ правду, барышня, говорите.

П о л и н а.

Другіе дѣвушки плачутъ, Юлинька, какъ замужъ идутъ: какъ же это съ домою разстаться! Каждый уголокъ оплачутъ. А мы съ тобой, — хоть за тридевять земель сей часъ, хоть бы какой змѣй-горынычъ унесъ. (*Смѣется.*)

С т е ш а.

Вотъ, не согри я здѣсь, — такъ будетъ на орѣхи. А кто тутъ увидить, кому нужно! (*Стираетъ подъ зеркаломъ.*)

Юлинька.

Ты счастлива, Полина; тебѣ все смѣшно; а я такъ серьезно начинаю подумывать. Выйти замужъ не хитро, — эта наука намъ известна; надобно подумать и о томъ, какъ будешь жить за мужемъ.

Полина.

А объ чемъ тутъ думать? Ужъ вѣрно не будетъ хуже, чѣмъ дома.

Юлинька.

Не хуже! этого мало. Надобно, чтобъ лучше было. Ужъ коли выйти замужъ, такъ чтобы быть дамой, какъ слѣдуетъ барыней.

Полина.

Оно бы очень хорошо, чего лучше, да только какъ это сдѣлать? Ты вѣдь у насъ умница: научи!

Юлинька.

Надобно замѣчать изъ разговора, у кого что есть, кто на что надеется. Коли теперь нѣтъ, такъ въ виду чего не имѣеть ли. Ужъ сей часъ изъ словъ видно, кто какой человекъ. Твой Жадовъ что говоритъ съ тобой, какъ вы одни остаетесь?

Полина.

Ну ужъ, Юлинька, вотъ хоть сей часъ голову на отсѣченіе, ничего не понимаю, что онъ говоритъ. Сожметъ руку такъ крѣпко и начнетъ говорить, и начнетъ... чему-то меня учить хочетъ.

Юлинька.

Чему же?

Полина.

Ужъ право, Юлинька, не знаю. Что-то очень мудрено. Погоди, можетъ-быть вспомню, только какъ бы не засмѣяться, слова такія смѣшныя! Постой, постой, вспомнила! (*Передражнивая.*) Какое назначеніе женщины въ обществѣ? Про какія-то еще гражданскія добродѣтели говорилъ. Я ужъ и не знаю, что такое. Насъ вѣдь этому не учили?

Юлинька.

Нѣтъ, не учили.

Полина.

Онъ, должно быть, въ тѣхъ книгахъ читалъ, которыя намъ не давали. Помнишь... въ пансіонѣ? Да мы, правда, никакихъ не читали.

Юлинька.

Есть объ чемъ жалѣть! и безъ нихъ тоска смертная! Вотъ бы на гулянье или въ театръ — другое дѣло.

Полина.

Да, сестрица, да.

Юлинька.

Ну, Полина, признаться сказать, на твоего надежды мало. Нѣтъ, мой не таковъ.

Полина.

Какой же твой?

Юлинька.

Мой Бѣлогубовъ, хоть и противень немного, а надежды подаетъ большія. «Вы, говоритъ, полюбите меня-съ. Теперь еще мнѣ жениться не время-съ, а вотъ какъ столоначальникомъ сдѣлаютъ, тогда женюсь.» Я у него спрашивала, что такое столоначальникъ. «Это, говоритъ, первый сортъ-съ.» Должно быть что-нибудь хорошее. «Я, говоритъ, хоть и необразованный человѣкъ, да у меня много дѣлъ съ купцами-съ: такъ и вамъ буду изъ городу шелковыя и разныя матеріи возить, и насчетъ провіанту все будетъ-съ.» Чтожъ? это очень хорошо, Полина, пускай возить. Тутъ и думать нечего, за такого человѣка надо идти.

Полина.

А у моего, должно быть, нѣтъ знакомыхъ купцовъ, онъ мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ. Ну, какъ онъ мнѣ не станетъ привозить ничего?

Юлинька.

Нѣтъ, должно быть, и у твоего есть. Вѣдь онъ служащій, а служащимъ всѣмъ дарятъ, кому что нужно. Кому матеріи разныя, коли женатый; а коли холостой—сукна, трико; у кого лошади—тому овса или сѣна, а то такъ и деньгами. Прошлый разъ Бѣлогубовъ былъ въ жилеткѣ, помнишь, такая пестрая, это ему купецъ подарилъ. Онъ мнѣ самъ сказывалъ.

П о л и н а.

Все таки надобно спросить, есть ли у Жадова знакомые кушцы.
Входитъ Кукушкина.)

ЯВЛЕНИЕ II.

ТѢ-ЖЕ И КУКУШКИНА.

К у к у ш к и н а.

Какъ себя не похвалить? У меня чистота, у меня порядокъ, у меня все въ струнѣ! *(Садится.)* А это что? *(Указываетъ горничной подъ диванъ.)*

С т е ш а.

Да помилуйте, силъ тонхъ не хватаетъ, всю поясницу разломило.

К у к у ш к и н а.

Какъ ты смѣешь, мерзкая, такъ разговаривать! Ты за то жалованье получаешь. У меня чистота, у меня порядокъ, у меня по ниточкѣ ходи. *(Горничная подметаетъ и уходитъ.)* Юленька! *(Юленька встаетъ.)* Я съ вами хочу говорить.

Ю л и н ь к а,

Что вамъ угодно, маменька?

К у к у ш к и н а.

Вы знаете, сударыня, что у меня ни за мной, ни передо мной ничего нѣтъ.

Ю л и н ь к а.

Знаю, маменька.

К у к у ш к и н а.

Пора знать, сударыня! доходовъ у меня нѣтъ ни откуда, одна пенсія. Своди концы съ концами, какъ знаешь. Я себѣ во всемъ отказываю. Поворачиваюсь, какъ воръ на ярмаркѣ, а я еще не старая женщина, могу партію найти. Понимаете вы это?

Ю л и н ь к а.

Понимаю-съ.

К у к у ш к и н а.

Я вамъ дѣлаю модныя платья и разныя бездѣлушки, а для себя перекрашиваю да перекраиваю изъ стараго. Не думаете ли вы, что я наряжаю васъ для вашего удовольствія, для франтовства? Такъ ошибаетесь. Все это дѣлается для того, чтобы выдать васъ замужъ, съ рукъ сбыть. По моему состоянію, я васъ могла бы только въ ситцевыхъ да въ затрапезныхъ платьяхъ водить. Если не хотите, или не умѣете себѣ найти жениха, такъ и будетъ. Я для васъ обрывать да обрѣзывать себя по напрасну не намѣрена.

П о л и н а.

Мы, маменька, давно это слышали. Вы скажите, въ чемъ дѣло.

К у к у ш к и н а.

Ты молчи! не съ тобой говорятъ. Тебѣ за глупость Богъ счастье далъ, такъ ты и молчи. Какъ бы не дуракъ этотъ Жадовъ, такъ бы тебѣ вѣкъ горе мыкать, въ дѣвкахъ сидѣть за твое легкомысліе. Кто изъ умныхъ-то тебя возметъ? Кому надо? Хвастаться тебѣ не чѣмъ, тутъ твоего ума ни на волосъ не было: ужъ нельзя сказать, что ты его приворожила,—самъ избѣжалъ; самъ въ петлю лѣзетъ, никто его не тянулъ. А Юлинька дѣвушка умная, должна своимъ умомъ себѣ счастье составить. Позвольте узнать, будетъ отъ вашего Бѣлогубова толкъ, или нѣтъ?

Ю л и н ь к а.

Я, маменька, не знаю.

К у к у ш к и н а.

Кто же знаетъ? Вамъ извѣстно, сударыня, что я постороннихъ молодыхъ людей въ домъ не принимаю. Я принимаю только жениховъ, или тѣхъ, которые могутъ быть женихами. У меня, коли мало-мальски похожъ на жениха, милости просимъ, домъ открыть, а какъ завлялъ хвостомъ, такъ и поворотъ отъ воротъ. Намъ такихъ не надобно. Я свою репутацію берегу, да и вашу также.

Ю л и н ь к а.

Что же, маменька, мнѣ дѣлать?

К у к у ш к и н а.

Дѣлать то, что приказано. Вы помните одно, что вамъ въ дѣвкахъ оставаться нельзя. Вы должны будете въ кухню жить.

Юлинька.

Я, маменька, дѣлала все, что вы приказали.

Кукушкина.

Что же вы дѣлали? Извольте говорить, я буду слушать васъ.

Юлинька.

Когда онъ пришелъ къ намъ во второй разъ, помните, еще вы его насильно привели, я сдѣлала ему глазки.

Кукушкина.

Ну, а онъ что?

Юлинька.

А онъ какъ-то странно сжималъ губы, облизывался. Мнѣ кажется, онъ такъ глупъ, что ничего не понималъ. Нынче всякій гимназистъ ловчѣе его.

Кукушкина.

Ужъ я тамъ вашихъ наукъ не знаю, а вижу, что онъ почтительнъ, и есть въ немъ этакое какое-то пріятное искательство къ начальству. Значить, онъ пойдетъ далеко. Я это съ разу поняла.

Юлинька.

Когда онъ былъ у насъ въ третій разъ, помните, въ пятницу, я ему стихи читала любовные; онъ тоже, кажется, ничего не понималъ. А ужъ въ четвертый разъ я ему записку написала.

Кукушкина.

Чтоже онъ?

Юлинька.

Онъ пришелъ и говоритъ: «мое сердце никогда отъ васъ не отворачалось, а всегда было, есть и будетъ.» (*Полина хохочетъ.*)

Кукушкина (*грозя ей пальцемъ*).

Что же дальше?

Юлинька.

Говоритъ: «какъ только получу мѣсто столоначальника, такъ буду у вашей маменьки слезно просить руки вашей.»

КУКУШКИНА.

А скоро онъ получить?

ЮЛИНЬКА.

Говорить, что скоро.

КУКУШКИНА.

Поди, Юлинька, поцѣлуй меня. (*Цѣлуетъ ее.*) Выйти замужъ, мой другъ, для дѣвушки великое дѣло. Вы это послѣ поймете. Я вѣдь мать, и мать строгая; съ женихомъ, что хочешь дѣлай, я сквозь пальцы буду смотрѣть, я молчу, мой другъ, молчу; а ужъ съ постороннимъ, нѣтъ, шалишь, не позволю. Поди, Юлинька сядь на свое мѣсто. (*Юлинка садится.*) А выдете, дѣти, замужъ, вотъ вамъ мой совѣтъ: мужьямъ потачки не давайте, такъ ихъ поминутно и точите, чтобъ деньги добывали; а то облѣнятся, потомъ сами плакать будете. Много бы надо было наставленій сдѣлать; но вамъ теперь, дѣвушкамъ, еще всего сказать нельзя; коли случится что, прїѣзжайте прямо ко мнѣ, у меня всегда для васъ прїемъ, никогда запрету нѣтъ. Веѣ средства я знаю и всякій совѣтъ могу дать, даже и по докторской части.

ПОЛИНА.

Маменька, кто-то прїѣхалъ.

ЮЛИНЬКА (*взглянувъ въ окно*).

Бѣлогубовъ съ какимъ-то старикомъ.

КУКУШКИНА.

Садитесь по мѣстамъ. Юлинька, спусти немного мантилью съ праваго плеча. (*Юсовъ и Бѣлогубовъ входятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ-же, Юсовъ и Бѣлогубовъ.

БѢЛОГУБОВЪ.

Здравствуйте, Фелисата Герасимовна! (*Къ барышнямъ.*) Здравствуйте-съ. (*Показывая на Юсова.*) Вотъ-съ они желали-съ... Это-съ мой начальникъ и благодѣтель, Акимъ Акимычъ Юсовъ-съ. Все такъ лучше-съ, Фелисата Герасимовна, когда начальство-съ...

КУКУШКИНА.

• Милости просимъ, милости просимъ. Садитесь покорно просимъ. (Акимъ Акимычъ и Бѣлогубовъ садятся.) Вотъ рекомендую вамъ: дѣвчонки мои дочери, Юлинька и Полина. Совершенныя дѣти, ни объ чемъ понятія не имѣютъ; имъ бы еще въ куклы играть, а не то, что за-мужъ выходить. И жаль разставаться, а нечего дѣлать. Такой товаръ дома не удержишь.

ЮСОВЪ.

Да-съ, ужь это законъ судебъ-съ, кругъ житейскій-съ! Что предвчертано отъ вѣка, того ужь человѣкъ не можетъ-съ...

КУКУШКИНА.

И вамъ правду скажу, Акимъ Акимычъ, онѣ у меня въ строгости воспитываются, отъ всего отдалены. Денегъ я не могу за ними дать много, но ужь за нравственность мужа будутъ благодарны. Я люблю дѣтей, Акимъ Акимычъ, но строга, очень строга. (Строго.) Полина, подите, распорядитесь чаемъ.

ПОЛИНА (встаетъ).

Сей часъ, маменька. (Уходитъ.)

ЮСОВЪ.

Я самъ строгъ-съ. (Строго.) Бѣлогубовъ!

БѢЛОГУБОВЪ.

Чего изволите-съ?

ЮСОВЪ.

Вѣдь я строгъ?

БѢЛОГУБОВЪ.

Строги-съ. (Юлинькѣ.) У меня опять новая жилетка-съ. Вотъ посмотрите-съ.

ЮЛИНЬКА.

Очень хороша. Это вамъ тотъ же купецъ подарилъ?

БѢЛОГУБОВЪ.

Нѣтъ другой-съ. У этого фабрика лучше.

ЮЛИНЬКА.

Пойдемте въ гостинную, я вамъ свою работу покажу. (Уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Юсовъ и Кукушкина.

Кукушкина.

Какъ любить другъ друга, трогательно смотрѣть. Одного не достаётъ молодому человѣку, мѣста, говорить, нѣтъ хорошаго. Не могу, говорить, обезпечить жену всѣмъ полнымъ спокойствіемъ. Кабы, говорить, столоначальникомъ сдѣлали, я бы, говорить, могъ жену содержать. А вѣдь жаль, Акимъ Акимычъ! Такой прекрасный молодой человѣкъ, такъ влюбленъ....

Юсовъ (*нюхая табакъ*).

Понемногу, Фелисата Герасимовна, понемногу.

Кукушкина.

Однако, вы должны знать, скоро ли онъ это мѣсто получить. Можетъ быть даже это и отъ васъ зависитъ. Я за него просительница. (*Кланяется.*) Вамъ нельзя будетъ мою просьбу не уважить; я мать, нѣжная мать, хлопочу для счастья своихъ дѣтей, своихъ претенцовъ.

Юсовъ (*сдѣлавъ серьезную физиономию*).

Скоро, скоро будетъ. Я ужь объ немъ докладывалъ нашему генералу. А генералъ весь въ моихъ рукахъ: что я скажу, то и будетъ. Мы его сдѣлаемъ столоначальникомъ. Я захочу, — будетъ столоначальникомъ, а не захочу, не будетъ столоначальникомъ... Хе, хе, будетъ, будетъ. Генералъ у меня вотъ гдѣ. (*Показываетъ руку.*)

Кукушкина.

Признаться вамъ сказать, я даже не люблю холостыхъ. Что они дѣлаютъ? такъ только землю тяготятъ.

Юсовъ (*важно*).

Бремя на землѣ, бремя... и празднословіе.

Кукушкина.

Да-съ. Да и въ домъ опасно принимать холостаго человѣка, особенно у кого есть дочери, или молодая жена. Кто его знаетъ, что у него на умѣ. По моему, молодаго человѣка надо женить поскорѣй, онъ послѣ самъ будетъ благодаренъ, а то вѣдь они глупы, своей пользы не понимаютъ.

Юсовъ.

Да-съ. Отъ разсѣянности. Вѣдь жизнь — это море житейское... поглощаетъ.

Кукушкина.

Холостой не можетъ завести хозяйства у себя, объ домѣ не заботится, ходить по трактирамъ.

Юсовъ.

Да вѣдь и мы ходимъ-съ... отдохновеніе отъ трудовъ...

Кукушкина.

Ахъ, Акимъ Акимычъ, большая разнища. Вы пойдете, когда васъ позовутъ, захотятъ васъ угостить, уваженіе свое показать вамъ; а на свои вы вѣдь ужъ не пойдете.

Юсовъ.

Какъ можно, нѣтъ-съ, не пойду.

Кукушкина.

Теперь возьмите: холостаго человѣка проситель за какое нибудь дѣло позоветъ въ трактиръ, угостить обѣдомъ, да и все тутъ. Денегъ истратитъ много, а пользы ни на грошъ. А женатый-то, Акимъ Акимычъ, скажетъ просителю: на что мнѣ твои обѣды, я пойду лучше съ женою пообѣдаю, семейнымъ образомъ, тихо, въ своемъ углѣ, а ты мнѣ дай чистыми. Да деньги-то принесеть. Такъ оно двѣ выгоды: и трезвый придетъ, да и съ деньгами. Который вы годъ женаты?

Юсовъ.

Сорокъ третій годъ-съ...

Кукушкина.

Скажите! А какъ вы молоды на лицѣ!

Юсовъ.

Регулярность въ жизни... банки вчера ставилъ.

Кукушкина.

Здоровому все здорово, особенно когда человѣкъ душой покоенъ, живетъ въ довольствѣ.

Юсовъ.

Я вамъ доложу, какая игра природы бываетъ.... съ человѣкомъ.... изъ бѣдности и въ богатство. Меня, сударыня,— давно ужъ это было — привели въ присутствіе въ затрапезномъ халатишкѣ, только что грамотѣ зналъ—читать да писать.... Сидять, вижу, все люди пожилые, важные, сердитые, тогда брились-то не часто, такъ оно еще больше важности придаетъ. Страхъ на меня напалъ, слова выговорить не могъ. Года два былъ на побѣгушкахъ, разныя комиссіи исправлялъ: и за водкой-то бѣгалъ, и за пирогами, и за квасомъ, кому съ похмѣлья, и сидѣлъ-то я не у стола, не на стулѣ, а у окошка на связкѣ бумагъ, и писалъ-то я не изъ чернилицы, а изъ старой помадной банки. А вотъ вышелъ въ люди. Конечно, все это не отъ насъ.... свыше.... знать ужъ такъ надобно было мнѣ быть человѣкомъ и занимать важный постъ. Иногда думаемъ съ женой: за что такъ насъ Богъ взыскалъ своей милостью? На все судьба.... и добрыя дѣла нужно дѣлать.... помогать неимущимъ. Да-съ, имѣю теперь три домика, хоть далеко, да мнѣ это не мѣшаетъ, лошадокъ держу четверню. Оно подальше-то лучше: и земли побольше, и не такъ шумно, да и разговору меньше, пересуду.

Кукучкина.

Да, конечно. Садикъ чай имѣете при домахъ-то?

Юсовъ.

Какъ же-съ. Въ лѣтній зной прохлада и отдохновеніе членамъ. А гордости во мнѣ нѣтъ-съ. Гордость ослѣпляетъ.... Мнѣ хоть мужикъ.... я съ нимъ, какъ съ своимъ братомъ.... все равно, ближній.... По службѣ нельзя.... особенно верхоглядовъ не люблю, нынѣшнихъ образованныхъ-то. Съ этими строго и взыскателенъ. Возмечтали очень. Предразсудкамъ этимъ я не вѣрю, будто ученые съ неба звѣзды хватаютъ. Видалъ я ихъ: не лучше насъ грѣшныхъ, да и къ службѣ не такъ внимательны. У меня правлю — всячески ихъ тѣснить для пользы службы.... потому отъ нихъ вредъ. Какъ-то, Фелисата Герасимовна, къ простымъ людямъ больше сердце лежитъ. При нынѣшнихъ строгостяхъ случается съ человѣкомъ несчастіе, выгонять изъ уѣзднаго училища за неуспѣхи, или изъ низшихъ классовъ семинаріи: какъ его не призрѣть? Онъ и такъ судьбой убитъ, всего силъ лишень, всѣмъ обиженъ. Да и люди-то выходятъ по нашему дѣлу

понятливѣе и подобоострастнѣе, душа у нихъ открытѣе. По христіанскому долгу, выведешь такого человѣка въ люди, онъ тебѣ всю жизнь благодаренъ; и въ посаженные отцы зоветъ и въ кумовья зоветъ. Ну и въ будущемъ вѣкѣ мзда... Вотъ Бѣлогубовъ, вѣдь грамоты не знаетъ, а я его люблю, Фелисата Герасимовна, какъ сына: въ немъ чувство есть. А признаться вамъ сказать другой вашъ женихъ... онъ вѣдь тоже подъ начальствомъ у меня.... Такъ я могу судить....

Кукучкина.

Что же такое?

Юсовъ (*дѣлаетъ серьезное лице*).

Не благонадеженъ.

Кукучкина.

Отчего же? Вѣдь онъ не пьяница, не мотъ, къ службѣ не лѣнивъ?

Юсовъ.

Да-съ. Но.... (*нюхаетъ табакъ*) не благонадеженъ.

Кукучкина.

Какимъ же образомъ, растолкуйте мнѣ, батюшка, Акимъ Акимычъ, вѣдь я мать.

Юсовъ.

А вотъ, изволите ли видѣть. Имѣеть такого человѣка родственникомъ.... Аристархъ Владимірычъ Вышневицкій.

Кукучкина.

Знаю.

Юсовъ.

Особа, ужъ можно сказать, особа.

Кукучкина.

Знаю.

Юсовъ.

А онъ оказываетъ непочтеніе.

Кукучкина.

Знаю, знаю.

Юсовъ.

Противъ начальства грубъ... высокомеріе сверхъ границъ... и даже такіе мысли... развращаетъ юношество... а особенно вольнодумство. Начальство должно строго смотрѣть.

Кукучкина.

Знаю.

Юсовъ.

А коли знаете, такъ сами можете разсудить. Какія времена пришли, Фелисата Герасимовна, жителя нѣтъ! А отъ кого? Отъ драни, отъ мальчишекъ. Сотнями выпускаютъ ихъ; заполонять насъ совѣмъ.

Кукучкина.

Эхъ, Акимъ Акимычъ, женится-перемѣнится. А не знать всего этого я не могла, я не такая мать, безъ оглядки ничего не сдѣлаю. У меня такое правило: какъ только повадился къ намъ молодой человекъ, такъ и пошлю кого-нибудь узнать про него всю подноготную, или сама отъ стороннихъ людей развѣдаю. Всѣ эти глупости въ немъ, по моему, происходятъ отъ холостой жизни. Вотъ какъ женится, да мы на него насадемъ, такъ и съ дядей помирится и служить будетъ хорошо.

Юсовъ.

Онъ перемѣнится, и начальство къ нему перемѣнится... (*Помолчавъ.*) Нѣтъ прежнихъ чиновниковъ, Фелисата Герасимовна! Упадаетъ чиновничество. Духу того нѣтъ. А какая жизнь была, Фелисата Герасимовна, рай просто! Умирать неадо. Кунались, просто кунались, Фелисата Герасимовна. Прежніе-то чиновники были орлы, орлы, а теперь молодежь, верхогляды. пустота какая-то. (*Жадовъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Жадовъ.

Кукучкина.

Милости просимъ, Василій Николаичъ, милости просимъ. Полна совѣмъ стосковалась объ васъ. Всѣ глаза проглядѣла, то къ тому окошку подбѣжить, то къ другому. Ужъ такъ любить, такъ любить...! Я, право, и не видывала. Счастливы вы, Василій Николаичъ. За что васъ такъ любятъ-то, скажите вы мнѣ?

Жадовъ.

Извините, Фелисата Герасимовна, я опоздалъ немного. Ахъ, Акимъ Акимычъ! (*Кланяется.*) Вы какимъ образомъ?

Кукучкина.

Акимъ Акимычъ такъ добры, такъ некутся о своихъ чиновникахъ.... я ужъ и не знаю, какъ быть имъ благодарною.... Сами потрудились прѣхать, познакомиться.

Жадовъ (*Юсову*).

Благодарю васъ. А впрочемъ напрасно безнокоились.

Юсовъ.

Я, Фелисата Герасимовна, больше для Бѣлогубова. Родныхъ у него нѣтъ, я ему вмѣсто отца....

Кукучкина.

Ужъ не говорите, Акимъ Акимычъ, вы сами семейный человекъ, и я сей часъ увидѣла, что вы стараетесь молодыхъ людей всячески поощрять къ семейной жизни. Я сама того же мнѣнія, Акимъ Акимычъ. (*Къ Жадову.*) Вы себѣ представить не можете, Василій Николаичъ, какъ я страдаю, когда вижу, что два влюбленныхъ сердца раздѣляютъ какія нибудь препятствія. Когда читаешь романъ, видишь, какъ обстоятельства запрещаютъ влюбленнымъ видѣться, или родители не согласны, или состояніе не позволяетъ, — какъ страдаешь въ эту минуту. Я плачу, просто плачу. И какъ жестоки бываютъ иногда родители, которые не хотятъ уважить чувства своихъ дѣтей. Нѣкоторые даже умираютъ отъ любви по этому случаю. Но когда видишь, что все идетъ къ благополучной развязкѣ, всѣ препятствія уничтожаются, (*восторженно*) любовь торжествуетъ и молодые люди соединяются законнымъ бракомъ, какъ сладко становится на душѣ. Такъ даже нѣга какая-то по всѣмъ членамъ. (*Полина входитъ.*)

Полина.

Пожалуйте, чай готовъ. (*Увидавъ Жадова.*) Василій Николаичъ! Не стыдно-ли заставлятъ такъ страдать? Я ждала, ждала васъ.

Жадовъ (*цѣлуетъ руку*).

Вяновать.

КУКУШКИНА.

Поди, дитя мое, поцѣлуй меня.

ПОЛИНА (*Жадову*).

Пойдемте.

КУКУШКИНА.

Пойдемте, Акимъ Акимычъ! (*Уходятъ. Бѣлогубовъ и Юлинька входятъ съ чашками въ рукахъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VI.

БѢЛОГУБОВЪ и ЮЛИНЬКА.

ЮЛИНЬКА.

Какъ я вижу, вы все меня обманываете.

БѢЛОГУБОВЪ.

Какъ же я смѣю васъ обманывать-съ? Съ чѣмъ это сообразно?
(*Садятся.*)

ЮЛИНЬКА.

Мужчинамъ вѣрить ни въ чемъ нельзя, рѣшительно ни въ чемъ.

БѢЛОГУБОВЪ.

Отчего же такая критика на мужчинъ?

ЮЛИНЬКА.

Какая же критика, когда это истинная правда?

БѢЛОГУБОВЪ.

Не можетъ быть-съ. Это одинъ разговоръ; мужчины обыкновенно комплименты говорить, а барышни имъ не вѣрятъ, говорятъ, что мужчины обманщики.

ЮЛИНЬКА.

Вы все знаете. Вы, должно быть, сами очень много комплиментовъ говорили въ своей жизни.

БѢЛОГУБОВЪ.

Мнѣ некому было, да и не умѣю-съ. Вамъ извѣстно, что я недавно сталъ вхожъ въ домъ-съ, а прежде этого и знакомства никакого не имѣлъ.

Юлинька.

И вы никого не обманывали?

Бълогубовъ.

На счетъ чего вы спрашиваете?

Юлинька.

Не говорите. Я вамъ ни одного слова не вѣрю. (*Отворачивается.*)

Бълогубовъ.

Да за что же-съ? Это даже обидно.

Юлинька.

Кажется, можете понять.

Бълогубовъ.

Не понимаю-съ.

Юлинька.

Не хотите! (*Закрываетъ глаза платкомъ.*)

Бълогубовъ.

Я васъ могу завѣрить, чѣмъ угодно-съ, что я всегда-съ.... какъ былъ влюбленъ, такъ и теперь.... Я вамъ ужъ докладывалъ....

Юлинька.

Любите, а медлите.

Бълогубовъ.

Да-съ.... Теперь понимаю-съ. Такъ вѣдь это не такого рода дѣло-съ.... скоро нельзя-съ.

Юлинька.

Отчего же Жадову можно?

Бълогубовъ.

Совсѣмъ другое дѣло-съ. У него дяденька богатый-съ, да и самъ онъ образованный человекъ, вездѣ можетъ мѣсто имѣть. Хоть и въ учителя поидеть, — все хлѣбъ-съ. А я что-съ? Пока не дадутъ мѣста столоначальника, ничего не могу-съ... Да и вы сами не захотите

щи да кашу кушать-съ. Это только намъ можно-съ, а вы барышня, вамъ нельзя-съ. А вотъ получу мѣсто, тогда совеѣмъ другой пере-воротъ будетъ.

Юлинька.

Когда же этотъ переворотъ будетъ?

Бѣлогубовъ.

Теперь скоро-съ. Обѣщали. Какъ только получу мѣсто, такъ въ тужъ минуту.... только платье новое сошью.... Я ужъ и маменькѣ говорилъ-съ. Вы не сердитесь, Юлія Ивановна, потому что не отъ меня зависимо. Пожалуйста ручку. (*Юлинька протягиваетъ руку, не глядя на него. Онъ цѣлуетъ.*) Я ужъ и самъ жду не дождусь. (*Входятъ Жадовъ и Полина.*)

Юлинька.

Уйдемте, оставимте ихъ однихъ. (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Жадовъ и Полина. (*Садятся.*)

Полина.

Знаете, что я вамъ скажу?

Жадовъ.

Нѣтъ, не знаю.

Полина.

Только вы, пожалуйста, маменькѣ не сказывайте.

Жадовъ.

Не скажу, будьте покойны.

Полина (*подумавъ*).

Я сказала бы вамъ, да боюсь, что вы меня разлюбите.

Жадовъ.

Васъ разлюбить? Да развѣ это можно?

Полина.

Да вы правду говорите?

Жадовъ (*беретъ за руку*).

Да ужъ не разлюблю, повѣрьте.

Полина.

Ну смотрите же. Я вамъ по простотѣ скажу. (*Тихо.*) У насъ въ домѣ все обманъ, все, все, рѣшительно все. Вы, пожалуйста, ничему не вѣрьте, что вамъ говорятъ. За нами ничего нѣтъ. Маленька говоритъ, что насъ любить, а совсѣмъ не любить, только хочетъ поскорѣе съ рукъ сойти. Женихамъ въ глаза льстить, а за глаза ругаетъ. Насъ заставляетъ притворяться.

Жадовъ.

Васъ это возмущаетъ? Возмущаетъ?

Полина.

Только я не притворяюсь, я въ самомъ дѣлѣ васъ люблю.

Жадовъ.

Вы меня съ ума сведете! (*Цѣлуетъ руку.*)

Полина.

Да еще вотъ что я вамъ скажу: мы вѣдь совсѣмъ необразованы. Еще Юлія кой-что знаетъ, я такъ вовсе дурочка.

Жадовъ.

Какъ дурочка?

Полина.

Такъ, какъ бывають дурочки. Ничего не знаю, ничего не читала... что вы иногда говорите, ничего не понимаю, рѣшительно ничего.

Жадовъ.

Вы ангелъ! (*Цѣлуетъ у ней руки.*)

Полина.

Я вотъ только добѣе Юлиньки, а глупѣе ея гораздо.

Жадовъ.

За то-то я васъ и люблю, что васъ не успѣли ничему выучить, не успѣли испортить вашего сердца. Васъ надобно поскорѣй взять отсюда. Мы съ вами начнемъ новую жизнь. Я съ любовью займусь вашимъ воспитаніемъ. Какое наслажденіе ожидаетъ меня!

П о л и н а.

Ахъ, поскорѣй бы!

Ж а д о в ъ.

Что же откладывать? Я ужь рѣшился. (*Страстно смотритъ на нее. Молчаніе.*)

П о л и н а.

У васъ есть знакомые купцы?

Ж а д о в ъ.

Что за вопросъ? На что вамъ?

П о л и н а.

Такъ. Миѣ хочется знать.

Ж а д о в ъ.

Я не понимаю однако, для чего вамъ это?

П о л и н а.

А вотъ для чего. Бѣлогубовъ говоритъ, что у него есть знакомые купцы, и что они дарятъ ему жилетки, а когда онъ женится, тогда будутъ дарить матерію женѣ на платье.

Ж а д о в ъ.

Вотъ что! Ну нѣтъ, намъ дарить не будутъ. Мы съ вами будемъ сами трудиться. Такъ вѣдь, Полина?

П о л и н а (*разсѣянно*).

Да-съ.

Ж а д о в ъ.

Нѣтъ, Полина, вы еще не знаете высокаго блаженства жить своимъ трудомъ. Вы во всемъ обезпечены, Богъ дастъ, узнаете. Все, что мы приобрѣтемъ, будетъ наше, мы ужь никому не будемъ обязаны. Понимаете вы это? Тутъ два наслажденія: наслажденіе трудомъ и наслажденіе свободно и съ спокойной совѣстью распоряжаться своимъ добромъ, не давая никому отчета. А это лучше всякихъ подарковъ. Не правда ли, Полина, вѣдь лучше?

П о л и н а.

Да-съ, лучше. (*Молчаніе.*) Хотите я вамъ загадаю загадку?

Жадовъ.

Загадайте.

Полина.

Что идетъ безъ ногъ?

Жадовъ.

Вотъ какая загадка! Дождикъ.

Полина.

Какъ это вы все знаете! Досадно, право. Я такъ никакъ не могла отгадать, ужъ Юлинька сказала.

Жадовъ.

Дитя! Оставайтесь всегда такимъ ребенкомъ.

Полина.

А можно счесть звѣзды на небѣ?

Жадовъ.

Можно.

Полина.

Нѣтъ, нельзя. Я вамъ не повѣрю.

Жадовъ.

Да нечего и трудиться считать, онѣ ужъ сосчитаны.

Полина.

Вы смѣетесь надо мной. *(Отворачивается.)*

Жадовъ *(нѣжно)*.

Мнѣ смѣяться надъ вами, Полина! Я всю жизнь хочу посвятить вамъ. Посмотрите на меня хорошенько, могу ли я смѣяться надъ вами?

Полина *(смотритъ на него)*.

Нѣтъ, Нѣтъ....

Жадовъ.

Вы говорите, что вы дуручка, — я дуракъ. Смѣйтесь надо мною! Да ужъ многіе и смѣются. Безъ средствъ, безъ состоянія, съ одними надеждами на будущее я женюсь на васъ. Зачѣмъ ты женишься? говорятъ мнѣ. Зачѣмъ? Затѣмъ, что люблю васъ, что вѣрю въ людей. Что я поступаю необдуманно, — съ этимъ я согласенъ. Когда же мнѣ думать, я такъ люблю васъ, что мнѣ некогда думать. (*Кукушкина и Юсовъ входятъ.*)

Полина (*съ некоторымъ чувствомъ*).

Я сама васъ люблю. (*Жадовъ цѣлуетъ у ней руку.*)

Кукушкина (*Юсову*).

Посмотрите, точно голуби воркуютъ. Не мѣшайте имъ. Трогательно видѣть! (*Бьлогубовъ и Юлинька входятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Жадовъ, Полина, Кукушкина, Юсовъ, Бьлогубовъ и Юлинька.

Жадовъ (*оборачиваясь, беретъ Полину за руку и подводитъ къ Кукушкиной*).

Фелисата Герасимовна, отдайте мнѣ это сокровище.

Кукушкина.

Признаюсь вамъ, мнѣ тяжело съ ней разстаться. Это любимая моя дочь.... она была бы мнѣ утѣшеніемъ на старости... но Богъ съ ней, возьмите ее.... ея счастье для меня дороже. (*Закрываетъ лице платкомъ. Жадовъ и Полина цѣлуютъ у ней руки. Бьлогубовъ подаетъ ей стулъ. Садится.*)

Юсовъ.

Вы истинная мать, Фелисата Герасимовна.

Кукушкина.

Да, я этимъ похвастаться могу. (*Съ жаромъ.*) Нѣтъ, воспитаніе дочерей неблагодарное дѣло! Выростишь, взлелѣешь подлѣ себя, и по-

томъ отдай чужому человѣку... останься спротою... ужасно! (*Закрываетъ глаза платкомъ.*)

БѢЛОГУБОВЪ.

Маменька, мы васъ не оставимъ.

ПОЛИНА И ЮЛИНКА (*вмѣстѣ*).

Маменька, мы васъ не оставимъ.

Конецъ втораго дѣйствія.

(*Между вторымъ и третьимъ дѣйствіями проходитъ около года.*)

ДѢЙСТВІЕ III.

ЛИЦА ВЪ ТРЕТЬЕМЪ ДѢЙСТВІИ.

ЖАДОВЪ.

МЫКИНЪ, его пріятель, учитель.

ДОСУЖЕВЪ.

ЮСОВЪ.

БЪЛОГУБОВЪ.

1-й {
2-й { чиновники.

ГРИГОРІЙ {
ВАСИЛІЙ { половые.

ГОСТИ и ПОЛОВЫЕ въ другой комнатѣ.

*Трактиръ. Задняя занавѣсь на второмъ этажѣ, посреди
машинна, направо отворенная дверь, въ которую видна комната,
направо вѣшалка для платья, на авансценѣ по обѣ стороны
стола съ диванами.*

ЯВЛЕНІЕ I.

Василій стоитъ у машины и читаетъ газету, Григорій стоитъ у двери и смотритъ въ другую комнату. Жадовъ и Мыкинъ входят. Григорій ихъ провожаетъ, стираетъ со стола и стелетъ салфетку.

Мыкинъ.

Ну-что, старый пріятель, какъ поживаешь?

Жадовъ.

Плохо, братъ. (Григорью.) Дай-ка намъ чаю. (Григорій уходитъ.)
А ты какъ?

Мыкинъ.

Ничего. Живу себѣ, учительствую понемногу. (Садится.)

Жадовъ.

Много-ли ты получаешь?

Мыкинъ.

Двѣсти рублей.

Жадовъ.

Тебѣ довольно?

Мыкинъ.

Такъ и живу, соображаясь со средствами. Лишнихъ затѣй, какъ видишь, не завожу.

Жадовъ.

Да, холостому жить можно.

Мыкинъ.

И тебѣ ненадобно было жениться. Нашему брату жениться не слѣдь. Гдѣ ужъ намъ голякамъ! Сытъ, прикрытъ чѣмъ-нибудь отъ вліянія стихій — и довольно. Знаешь пословицу: одна голова не бѣдна, а хоть и бѣдна, такъ одна.

Жадовъ.

Дѣло сдѣлано.

Мыкинъ.

Посмотри ты на себя, такой ли ты былъ прежде. Что, братъ, видно, укатали сивку крутыя горки. Нѣтъ, нашему брату жениться нельзя. Мы работники. (*Григорій подаетъ чай. Мыкинъ намываетъ.*) Ужъ служить, такъ служить; для себя пожить послѣ успѣемъ, коли придется.

Жадовъ.

Чтожъ дѣлать-то! Я полюбилъ ее очень.

Мыкинъ.

Мало ли что, полюбилъ! Развѣ другіе-то не любятъ? Эхъ, братъ, и я любилъ, да не женился воѣтъ. И тебѣ не слѣдовало жениться.

Жадовъ.

Да отчего же?

Мыкинъ.

Очень просто. Холостой человекъ думаетъ о службѣ, а женатый о женѣ. Женатый человекъ не надеженъ.

Жадовъ.

Ну, вотъ вздоръ.

Мыкинъ.

Нѣтъ не вздоръ. Я не знаю, чего бы я не сдѣлалъ для той дѣвушки, которую любилъ. Но я рѣшился лучше принести жертву. Лучше, братъ, заморить въ себѣ это весьма законное чувство, чѣмъ подвергнуться искушеніямъ.

Жадовъ.

Я думаю, тебѣ нелегко было?

Мыкинъ.

Ну, да ужь что говорить! Отказываться вообще не легко: а отказаться отъ любимой женщины, когда и препятствій никакихъ нѣтъ, кромѣ бѣдности.... Ты очень любишь свою жену?

Жадовъ.

Безумно.

Мыкинъ.

Ну, плохо дѣло! Умна она?

Жадовъ.

Право, не знаю. Знаю только, что она мила необыкновенно. Кабаянибудь бездѣлица разстроитъ ее, она такъ мило, такъ искренно расплачется, что самъ, глядя на нее, заплачешь.

Мыкинъ.

Ты мнѣ скажи откровенно, какъ ты живешь. Я вѣдь тебя полтора года не видалъ.

Жадовъ.

Изволь. Исторія моя коротка. Я женился по любви, какъ ты знаешь, взялъ дѣвушку неразвитую, воспитанную въ общественныхъ предразсудкахъ, какъ и все почти наши барышни, мечталъ ее воспитать въ нашихъ убѣжденіяхъ, и вотъ ужь годъ женатъ....

Мыкинъ.

И что же?

Жадовъ.

Разумѣется, ничего. Воспитывать ее мнѣ некогда, да и не умѣю приняться за это дѣло. Она такъ и осталась при своихъ понятіяхъ; въ спорахъ, разумѣется, я ей долженъ уступать. Положеніе, какъ видишь, незавидное, а поправить не чѣмъ. Да она меня и не слушаетъ, она меня просто не считаетъ за умнаго человѣка. Но ихъ понятію, умный человѣкъ долженъ быть непремѣнно богатъ.

Мыкинъ.

Вотъ куда пошлю! Ну, а какъ на счетъ средствъ?

Жадовъ.

Работаю съ утра до ночи.

Мыкинъ.

И все не хватаетъ?

Жадовъ.

Нѣтъ, жить можно.

Мыкинъ.

Ну, а жена?

Жадовъ.

Дуется немного, а иногда поплачетъ. Чтожь дѣлать!

Мыкинъ.

Жаль мнѣ тебя. Нѣтъ, братъ, — намъ жениться нельзя. Я вотъ годъ былъ безъ мѣста, ѣлъ одинъ черный хлѣбъ. Что бы я съ женой-то дѣлалъ? (*Досужевъ всходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Досужевъ.

Досужевъ (*садясь у другаго стола*).

Гарсонъ, жизни!

Василій.

Какой прикажете?

Досужевъ.

Рибиновой. Съ приличной нашему званию закуской.

Василій.

Слушаю-съ. *(Идетъ къ двери.)*

Досужевъ.

Французской горчицы! Слышивъ? Трактиръ зачечатаю. Григорій, занусти шарманку.

Григорій.

Сей часъ-съ. *(Заводитъ машину.)*

Мыкинъ.

Вотъ это, должно быть, холостой!

Досужевъ.

Что вы на меня смотрите? Я вотъ парася дожидуюсь.

Жадовъ.

Какого парася?

Досужевъ.

Придетъ съ рыжей бородой, я его буду жсть. *(Василію приноситъ водку.)* Ты, Василій, поглядывай его тамъ. Какъ придетъ, такъ скажи миѣ. *(Машина играетъ.)* Господа, видали, какъ пляжые пѣмцы плязуютъ? *(Представляетъ пляшущаго пѣмца. Жадовъ и Мыкинъ слыются. Машина замолкаетъ.)*

Мыкинъ *(Жадову).*

Ну, прощай! Какъ-нибудь зѣйду къ тебѣ.

Жадовъ.

Прощай. *(Мыкинъ уходитъ.)*

Василій *(Досужеву).*

Пожалуйте, пришель-съ.

Досужевъ.

Позови сюда.

Василій.

Нейдетъ-съ. Съгъ въ заднюю комнату.

Досужевъ (*Жадову*).

Конфузится. Прощайте! Коли посидите здѣсь, я приду поговорить съ вами, мнѣ ваша физиономія понравилась. (*Уходитъ.*)

Жадовъ (*Василью*).

Дай-ка что-нибудь почитать.

Василій (*подаетъ книгу*).

Извольте вотъ прочитать статейку. Одобряють-съ. (*Жадовъ читаетъ. Входятъ: Юсовъ, Бьлогубовъ, 1 и 2 чиновники.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

Жадовъ, Юсовъ, Бьлогубовъ, 1-й 2-й чиновники.

Бьлогубовъ.

Акимъ Акимычъ-съ, мы тамъ пообѣдали, позвольте васъ здѣсь виномъ угостить, и музыка поиграеть-съ.

Юсовъ.

Угощай, угощай!

Бьлогубовъ.

Какого прикажете? Шампанскаго-съ?

Юсовъ.

Ну его....

Бьлогубовъ.

Такъ рейнвейну-съ? Господа, садитесь! (*Садятся всѣ, кромѣ Бьлогубова.*) Василій! принеси рейнвейну, заграничной разливки. (*Василій уходитъ.*) А, братецъ, здравствуйте! Не угодно ли съ нами за компанію? (*Подходитъ къ Жадову.*)

Жадовъ

Благодарю васъ. Я не нью.

Бьлогубовъ.

Что это, братецъ, помилуйте! Для меня-то!... одну рюмочку.... мы съ вами теперь родственники! (*Василій приноситъ вино. Бьлогубовъ подходитъ къ своему столу.*) Наливай! (*Василій наливаетъ.*)

Юсовъ.

Ну, братъ, за твое здоровье! (*Беретъ рюмку и встаетъ.*)

1-й и 2-й чиновники.

За ваше здоровье-съ. (*Берутъ рюмки и встаютъ.*)

Юсовъ (*показывая пальцемъ на голову Бьлогубова.*)

Въ этомъ лбу, въ этой головѣ всегда видѣть прокъ. (*Чокаются рюмками.*) Поцѣлуемся! (*Цѣлуются.*)

Бьлогубовъ.

Нѣтъ, позвольте ручку-съ.

Юсовъ (*прячетъ руку*).

Непадо, непадо. (*Садится.*)

Бьлогубовъ.

Черезъ васъ человекъ сталъ-съ.

1-й и 2-й чиновники.

Позвольте-съ. (*Чокаются съ Бьлогубовымъ пьютъ, и садятся.*)

Бьлогубовъ (*наливаетъ рюмку и подаетъ на поднось Жадову*).

Братецъ, сдѣлайте одолженіе.

Жадовъ.

Я вамъ сказалъ, что не пью.

Бьлогубовъ.

Нельзя-съ, братецъ, обидите.

Жадовъ.

Это скучно, наконецъ.

Бьлогубовъ.

Коли вина не угодно, чѣмъ прикажете васъ подчивать? Чего только пожелаете, братецъ, все съ удовольствіемъ.

Жадовъ.

Ничего мнѣ не нужно. Оставьте меня въ покоѣ! (*Читаетъ.*)

БѢЛОГУБОВЪ.

Ну, какъ угодно. Не знаю, братецъ, за что обижаете. Я со
всѣмъ расположеніемъ... (*Отходитъ къ своему столу.*)

ЮСОВЪ (*тихо*).

Оставь его.

БѢЛОГУБОВЪ (*садится*).

Господа, еще по рюмочкѣ! (*Напиваетъ.*) Пирожнаго не прикажете
ли? Василій, принеси пирожнаго побольше! (*Василій уходитъ.*)

ЮСОВЪ.

Ты что-то нынче разгулялся! Должно быть, ловко хватилъ?

БѢЛОГУБОВЪ (*показывая на карманъ*).

Попало-таки! А кому? Все вамъ обязанъ.

ЮСОВЪ.

Зацѣпилъ, должно быть?

БѢЛОГУБОВЪ (*вынимаетъ нарку асси-
націи*).

Вотъ они-съ.

ЮСОВЪ.

Да ужъ я знаю тебя, у тебя рука-то не сфальшивить.

БѢЛОГУБОВЪ (*прячетъ деньги*).

Нѣтъ, позвольте! Кому же я обязанъ? Развѣ бы я понималъ что,
кабы не вы? Отъ кого я въ люди пошелъ, отъ кого жить сталъ,
какъ не отъ васъ? Подъ вашимъ крыломъ воспитался! Другой бы
того и въ десять лѣтъ не узналъ, всѣхъ тонкостей и оборотовъ, что
я въ четыре года узналъ. Съ васъ примѣръ бралъ во всѣмъ, а то
гдѣ бы мнѣ съ моимъ-то умомъ! Другой отецъ того не сдѣластъ для
сына, что вы для меня сдѣлали. (*Утираетъ глаза.*)

ЮСОВЪ.

У тебя душа благородная, ты можешь чувствовать, а другіе не
могутъ. (*Василій приноситъ пирожное.*)

БѢЛОГУВОВЪ.

Что бы и было? Дуракъ-съ! А теперь члены общества, все уважаютъ, по городу плешь, все кунцы влаиваются, въ гости позовутъ, не знаютъ, гдѣ посадить, жена меня любитъ. А то за что бы ей любить-то меня дурака? Василій! Итъ ли у васъ конфектъ какихъ дорогихъ?

Василій.

Можно достать-съ.

БѢЛОГУВОВЪ.

Это женѣ-съ. *(Василью.)* Ну такъ ты заверни въ бумагу побольше. Что хочешь возьми, ничего не пожалѣю. *(Василій идетъ.)* Пстой! И пирожного туда положи всякаго.

Юсовъ.

Будетъ съ нее. Избалуешь.

БѢЛОГУВОВЪ.

Нельзя-съ. *(Василью.)* Всего положи, слышишь?

Василій.

Слушаю-съ. *(Уходитъ.)*

БѢЛОГУВОВЪ.

Люблю, очень люблю жену-съ. Будешь угождать, и она будетъ больше любить, Авимъ Авимырь. Что я передъ ней-съ? Она образованная-съ... Платье нынче кунить-съ... то есть, не кунить, а такъ взять, послѣ сочтемся.

Юсовъ.

Все равно. Неужели деньги платить? Можетъ быть дѣло какое нибудь будетъ, ну и вить. Гора съ горой не сходитя, а человекъ съ человекомъ сходитя. *(Василій приноситъ конфекты въ бумагу.)*

БѢЛОГУВОВЪ.

Положи въ шляпу. Еще по ремочкѣ-съ. *(Паливастъ.)* Василій! Еще бутьки.

Юсовъ.

Будетъ

БЛОГУБОВЪ.

Нѣтъ, ужъ позвольте-съ. Здѣсь не вы распоряжаетесь, а я.
(Василій уходитъ.)

1-й чиновникъ.

Какой случай былъ. Писарекъ у насъ, такъ дряненькой, какую штуку выкинулъ! Фальшивую копию съ рѣшенія написалъ, (что ему въ голову пришло!) и подписался за всѣхъ присутствующихъ, да и снесъ къ истцу. А дѣло-то интересное, денежное. Только онъ копию-то не отдалъ, себѣ на умѣ, а только показалъ. Ну, и деньги взялъ большія. Тотъ послѣ пришелъ въ судъ, анъ дѣло-то совсѣмъ не такъ.

БЛОГУБОВЪ.

Это ужъ подлость! За это выгнать нужно.

ЮСОВЪ.

Именно выгнать. Не марай чиновниковъ. Ты возьми, такъ за дѣло, а не за мошенничество. Возьми такъ, чтобы и проситель былъ не обиженъ, и чтобы ты былъ доволенъ. Живи по закону; живи такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Что за большимъ-то гоняться! Курочка по зернышку клюетъ, да сыта бываетъ. А этотъ ужъ что за человѣкъ! Не нынче, такъ завтра подъ красную шапку угодить.

БЛОГУБОВЪ (*наливаетъ рюмку*).

Пожалуйте, Акимъ Акимычъ! Что я у васъ попрошу, вы мнѣ не откажете? Я вамъ въ ножки поклонюсь.

ЮСОВЪ.

Проси.

БЛОГУБОВЪ.

Помните, вы прошлый разъ прошлись подъ машину: «По улицѣ мостозой-съ»?

ЮСОВЪ.

Ишь, что выдумалъ!

БЛОГУБОВЪ.

Осчастливьте, Акимъ Акимычъ! Такъ, чтобы ужъ я всю жизнь помнилъ.

Юсовъ.

Изволь, изволь. Для тебя только! Вели пустить «По улицѣ мостовой».

Бѣлогубовъ.

Эй, Василій! Пусти «По улицѣ мостовой», да постой у двери, посмотри, чтобы не вошелъ кто.

Василій.

Слушаю-съ. (*Заводитъ машину.*)

Юсовъ (*показывая на Жадова*).

Вотъ этотъ-то! Не люблю я его. Пожалуй, подумаетъ что-нибудь.

Бѣлогубовъ (*садясь къ Жадову*).

Братецъ, будьте съ нами по родственному. Вотъ, Акимъ Акимычъ васъ конфузится.

Жадовъ.

Чего же онъ конфузится?

Бѣлогубовъ.

Да они потащовать хотятъ. Надо, братецъ, и развлеченіе какое-нибудь имѣть послѣ трудовъ. Не все же работать. Что жъ такое! Это удовольствіе невинное, мы никого не обижаемъ.

Жадовъ.

Танцуйте, сколько угодно, я вамъ не мѣшаю.

Бѣлогубовъ (*Юсову*).

Ничего-съ, Акимъ Акимычъ, онъ съ нами по родственному.

Василій.

Прикажете пустить?

Юсовъ.

Пускай! (*Машина играетъ «По улицѣ мостовой.» Юсовъ пляшетъ. По окончаніи, всѣ, кромѣ Жадова, хлопаютъ.*)

Бѣлогубовъ.

Нѣтъ, ужъ теперь нельзя-съ! Надо шампанскаго выпить! Василій, бутылку шампанскаго! Да много ли денегъ за все?

Василій (*считаетъ на счетахъ*).

Пятнадцать рублей-съ.

Благоубовъ.

Получи! (*Отдастъ.*) Вотъ тебѣ полтинникъ на чай.

Василій.

Благодарю покорно-съ. (*Уходитъ.*)

Юсовъ (*грохочо*).

Вы, молодежь, малокосы, чай, смѣяться надъ старикомъ!

1-й чиновникъ.

Какъ можно, Анимъ Анимычъ, мы не знаемъ, какъ васъ благодарить!

2-й чиновникъ.

Да-съ.

Юсовъ.

Мнѣ можно плясать. Я все въ жизни сдѣлалъ, что предписано человѣку. У меня душа покойна, сзади ноша не тянетъ, семейство обезпечилъ, — мнѣ теперь можно плясать. Я теперь только радуюсь на Божіи мѣрь! Птичку увижу, и на ту радуюсь, цвѣтокъ увижу, и на него радуюсь: премудрость во всемъ вижу. (*Василій приноситъ бутылку, откупориваетъ и наливаетъ въ продолженіи речи Юсова*). Помни свою бѣдность, нищую братію не забываю. Другихъ не осуждаю, какъ нѣкоторые малокосы изъ ученыхъ! Кого мы можемъ осуждать! Мы не знаемъ, что еще сами-то будемъ! Поемѣлся ты нынче надъ пьяницей, а завтра самъ, можетъ быть, будешь пьяница: осудишь нынче вора, а можетъ быть самъ завтра будешь воромъ. Почему мы знаемъ свое опредѣленіе, кому чѣмъ быть назначено? Знаемъ одно, что все тѣмъ будемъ. Вотъ ты нынче поемѣлся (*показывая глазами на Жидова*), что я плясалъ; а завтра, можетъ быть, хуже меня заплывешь. Можетъ быть (*кивая головой на Жидова*), и за подавнѣемъ пойдешь и руку протанешь. Вотъ гордость-то до чего доводитъ! Гордость, гордость! Я плясалъ отъ полноты души. На сердцѣ весело, на душѣ покойно! Я никого не боюсь! Я хоть на площади передъ всѣмъ народомъ буду плясать. Мимоходящіе скажутъ: «сей человекъ пляшетъ, должно быть, душу имѣетъ чисту!» и пойдеть всякій по своему дѣлу.

БѢЛОГУБОВЪ (*поднимая бокалъ*).

Господа! За здоровье Акила Акимыча! Ура!

1-й 2-й чиновники.

Ура!

БѢЛОГУБОВЪ.

Вотъ бы вы, Акимъ Акимычъ, очастливили насъ, захали въ намъ какъ нибудь. Мы еще съ женой люди молодые, посоветовали бы намъ, поученье бы сказали, какъ жить въ законѣ и всѣ обязанности исполнить. Кажется, будь каменный человекъ, и тотъ въ чувство придетъ, какъ васъ послушаетъ.

Юсовъ.

Заѣду какъ-нибудь. (*Беретъ газету.*)

БѢЛОГУБОВЪ (*наливаетъ бокалъ и подноситъ Жадову*).

Ужъ я, братецъ, отъ васъ не отстану.

Жадовъ.

Что вы мнѣ не дадите почитать! Интересная статья попалась, а вы все мѣшаете.

БѢЛОГУБОВЪ (*сидясь подлѣ Жадова*).

Братецъ, вы на меня напрасно претензію имѣете. Бройте, братецъ, всю эту вражду. Выкушайте! Для меня теперь это ничего не значить-съ. Будемте жить по рождественному.

Жадовъ.

Нельзя намъ съ вами жить по рождественному.

БѢЛОГУБОВЪ.

Отчего же-съ?

Жадовъ.

Не пара мы.

БѢЛОГУБОВЪ.

Да, конечно, кому какая судьба. Я теперь въ счастіи, а вы въ бѣдномъ положеніи. Чтожъ, я не горжусь. Вѣдь это, какъ кому судьба. Я теперь все семейство поддерживаю, и маменьку. Я знаю,

братецъ, что вы нуждаетесь; можетъ быть, вамъ деньги нужны; не обидтесь, сколько могу! Я даже и за одолженіе не сочту. Что за счеты между родными!

Жадовъ.

Съ чего вы выдумали предлагать мнѣ деньги!

Бѣлогубовъ.

Братецъ, я теперь въ довольствѣ, мнѣ долгъ велить помогать. Я, братецъ, вижу вашу бѣдность.

Жадовъ.

Какой я вамъ братецъ! Оставьте меня.

Бѣлогубовъ.

Какъ угодно! Я отъ души предлагалъ. Я, братецъ, зла не помню, не въ васъ. Мнѣ только жаль смотрѣть на васъ съ женой съ вашей. (*Отходитъ къ Юсову.*)

Юсовъ (*бросая газету*).

Что нынче пишутъ! Ничего правоучительнаго нѣтъ! (*Паливаетъ Бѣлогубову.*) Ну, допивай. Пойдемте!

Бѣлогубовъ (*допиваетъ*).

Пойдемте! (*Василій и Григорій подаютъ шинели.*)

Василій (*подаетъ Бѣлогубову два свертка*).

Вотъ захватите-съ.

Бѣлогубовъ (*умильно*).

Для жены-съ. Люблю-съ. (*Уходятъ. Досужевъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Жадовъ и Досужевъ.

Досужевъ.

Не стая вороновъ слеталась!

Жадовъ.

Правда ваша.

Досужевъ.

Поѣдемте въ Марьину рощу!

Жадовъ.

Миѣ нельзя.

Досужевъ.

Отчего-же? Семья что ли? Дѣтей нянчить надо?

Жадовъ.

Дѣтей не нянчить, а жена дома дожидается.

Досужевъ.

Да вы давно съ ней не видались?

Жадовъ.

Какъ давно? Сегодня утромъ.

Досужевъ.

Ну, такъ это недавно. Я думалъ, дня три не видались. (*Жадовъ смотритъ на него.*) Что вы на меня смотрите! Я знаю, что вы думаете обо миѣ. Вы думаете, что я такой же, какъ вотъ эти франты, что ушли; такъ ошибаетесь. Ослы во львиной шкурѣ! Только шкура-то и страшна. Ну и пугаютъ народъ.

Жадовъ.

Признаться вамъ сказать, я никакъ не разберу, что вы за человекъ.

Досужевъ.

А вотъ, изволите ли видѣть, во первыхъ — я веселый человекъ, а во вторыхъ — замѣчательный юристъ. Вы учились, я это вижу, и я тоже учился. Поступилъ я на маленькое жалованье; взятокъ брать не могу — душа не переносить, а жить чѣмъ-нибудь надо. Вотъ я и взялся за умъ: принялся за адвокатство, сталъ кунцамъ слезныя прошенія писать. Ужъ коли не ѣхать, такъ давайте выпьемъ. Василій, водки! (*Василій уходитъ.*)

Жадовъ.

Я не пью.

Досужевъ.

Гдѣ вы родились? Ну, да это вздоръ! Со мной можно. Ну вотъ-съ, стала я слезными прошенія писать съ. Вѣдь вы не знаете, что это за народъ! Я вамъ сей часъ разкажу. (*Входитъ Василій.*) Палей двѣ. Получи за весь графинь. (*Отдаетъ деньги.*)

Жадовъ.

И съ меня за чай. (*Отдаетъ. Василій уходитъ.*)

Досужевъ.

Выньемъ!

Жадовъ.

Извольте; для васъ только, а то, право, не нью. (*Чокаются и пьютъ. Досужевъ наливаетъ еще.*)

Досужевъ.

Наниши бородѣ прошеніе просто, да возьми съ него не дорого, такъ онъ тебѣ осѣдлаетъ. Откуда фамильярность явится: «ну, ты писка! на тебѣ на водбу.» Почувствовать я къ нимъ злобу неукромимую! Выньемте! Нити вмерти, ѿ не нити вмерти; такъ вже лучше нити вмерти. (*Пьютъ.*) Стала я имъ писать по ихъ вкусу. Напримерь: надо представить вексель по взысканію — и всего-то десять строкъ писема, а ему пишешь листа четыре. Начинаю такъ: «будучи обремененъ въ многочисленномъ семействѣ количествомъ членовъ.» И все его орнаменты вставишь. Такъ нанннешь, что онъ плачатъ, а вся семья рыдастъ до истернки. Насмѣешься надъ нимъ, да возьмешь съ него кучу денегъ, вотъ онъ и уважаетъ тебя, и кланяется въ поясъ. Хоть веревки изъ него вей. Все ихъ толстыя тещи, все бабушки невѣсть тебѣ сватають богатыхъ. Человѣкъ-то ужъ очень хорошъ, но-душѣ имъ пришелся. Выньемте!

Жадовъ.

Будеть!

Досужевъ.

За мое здоровье!

Жадовъ.

Ужъ развѣ за ваше здоровье. (*Пьютъ.*)

Досужевъ.

Много надо силы душевной, чтобы съ нихъ взятковъ не брать. Надъ честнымъ чиновникомъ они сами же смѣяться будутъ; унижать готовы — это имъ не съ руки. Кремнемъ надо быть! И храбриться-то, право, не изъ чего! Тащи съ него шубу, да и все тутъ. Жаль, не могу. Я только беру съ нихъ деньги за ихъ невѣжество, да пропиваю. Эхъ! охота вамъ было жениться! Выьемте. Какъ васъ зовутъ?

Жадовъ.

Василій.

Досужевъ.

Теска. Выьемъ, Вася. (*Пьютъ.*) Я вижу, ты хорошій человекъ.

Жадовъ.

Какой я человекъ! Я ребенокъ, я объ жизни не имѣю никакого понятія. Все это пово для меня, что я отъ васъ слышу. Миѣ тяжело! Не знаю, вынесу-ли я! Кругомъ развратъ, силъ мало! Зачѣмъ же насъ учили!

Досужевъ.

Пей, легче будетъ.

Жадовъ.

Нѣтъ, нѣтъ! (*Опускаетъ голову на руки.*)

Досужевъ.

Такъ ты не поѣдешь со мной?

Жадовъ.

Не поѣду. Зачѣмъ вы меня понли! Что вы со мной сдѣлали!

Досужевъ.

Ну, прощай! Впередъ будемъ знакомы! Захмѣлѣлъ, братъ! (*Жметъ Жадову руку.*) Василій, манто! (*Надѣваетъ шинель.*) Ты меня строго не суди! Я человекъ потерянный. Постарайся быть лучше меня, коли можешь. (*Идетъ къ двери и возвращается.*) Да! вотъ тебѣ еще мой совѣтъ. Можетъ быть, съ моей легкой руки, запьешь, такъ вина не пей, а пей водку. Вино намъ не по карману, а волка, братъ, лучше всего: — и горе забудешь, и дешево! Adieu! (*Уходитъ.*)

Жадовъ.

Нѣтъ! пить не хорошо! Ничего не легче, — еще тяжелѣй, (*Задумывается. Василій, по приказанію изъ другой залы, заводитъ машину. Машина вращаетъ «Лучинушку.» Жадовъ поетъ.*) «Лучина, лучинушка, березовая!...»

Василій.

Пожалуйте-сь! Не хорошо-сь! Безобразно-сь! (*Жадовъ машинально надъвигаетъ шпатель и уходитъ.*)

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЛИЦА ВЪ ЧЕТВЕРТОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ВАСИЛІЙ НИКОЛАИЧЪ ЖАДОВЪ.

ПОЛИНА, жена его.

ЮЛИНЬКА, жена Бѣлогубова.

ФЕЛИСАТА ГЕРАСИМОВНА КУКУШКИНА.

Сцена представляетъ очень бѣдную комнату. Направо окно, у окна столъ, на лѣвой сторонѣ зеркало.

ЯВЛЕНІЕ I.

Полина (*одна, смотритъ въ окно*).

Какъ скучно, просто, смерть! (*Поетъ.*) «Матушка голубушка, солнышко мое! пожалѣй, родимая, дитятко свое.» (*Сидитъ.*) Какая вѣсня въ голову пришла! (*Опять задумывается.*) Провалился бы, кажется, отъ скуки. Загадать развѣ на картахъ? Чтожъ, за этимъ дѣло не станетъ. Это можно, можно. Чего другаго, а это у насъ есть. (*Достаетъ изъ стола карты.*) Какъ хочется поговорить съ кѣмъ нибудь. Кабы кто нибудь пришелъ, вотъ бы я была рада, сей часъ бы развеселилась. А то на что это похоже! сиди одна, все одна... Ужъ нечего сказать, люблю поговорить. Бывало, мы у маменьки, утро-то настанетъ, трещимъ, трещимъ, и не увидишь, какъ пройдетъ. А теперь и поговорить не съ кѣмъ. Развѣ къ сестрѣ сбѣгать? Да ужъ поздно. Эко я, дура, не догадалась пораньше. (*Поетъ.*) «Матушка голубушка»... Ахъ я и забыла погадать-то... Объ чемъ бы загадать-то. А вотъ загадаю я, будетъ ли у меня новая шляпка? (*Раскладываетъ карты.*) Будетъ, будетъ... будетъ, будетъ. (*Хлопаетъ въ ладоши, задумывается и потомъ поетъ.*) «Матушка голубушка, солнышко мое! пожалѣй, родимая, дитятко свое.» (*Входитъ Юлинька.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

Полина и Юлинька.

Полина.

Здравствуй, здравствуй! (*Целуются*). Какъ я тебѣ рада. Скидай шляпку!

Юлинька.

Нѣтъ, я къ тебѣ на минуту.

Полина.

Ахъ, какъ ты хорошо одѣта, сестрица!

Юлинька.

Да, я теперь себѣ покупаю все, что только есть лучшаго и новаго изъ-за границы.

Полина.

Счастлива ты, Юлинька.

Юлинька.

Да, я могу про себя сказать, что я счастлива. А ты, Полинъка, какъ ты живешь? Ужасно. Нынче совсѣмъ не такой тонъ. Нынче у всѣхъ принято жить въ роскоши.

Полина.

Что же мнѣ дѣлать? Развѣ я виновата?

Юлинька.

А мы вчера въ паркѣ были. Какъ весело было—чудо! Какой-то купецъ угощалъ насъ ужиномъ, шампанскимъ, фруктами разными.

Полина.

А я все дома сижу одна, со скуки погибаю.

Юлинька.

Да, Полина, я ужъ теперь совсѣмъ не та стала. Ты не можешь представить, какъ деньги и хорошая жизнь облагораживаютъ человека. Въ хозяйствѣ я теперь ничѣмъ не занимаюсь, считаю низкимъ. Я теперь все пренебрегаю, бромѣ туалета. А ты! ты! это ужасно, что же твой мужъ дѣлаетъ, скажи пожалуйста?

Поллиа.

Онъ меня даже и къ вамъ не пускаеть, все велитъ сидѣть дома, да работать.

Юлинька.

Какъ это глупо! Представляетъ изъ себя умнаго человѣка, а нынѣшняго тону не знаетъ. Онъ долженъ знать, что человѣкъ созданъ для общества.

Поллиа.

Какъ ты говоришь?

Юлинька.

Человѣкъ созданъ для общества. Ктожъ этого не знаетъ. Это нынче рѣшительно всѣмъ извѣстно.

Поллиа.

Хорошо, я это ему скажу.

Юлинька.

Ты бы съ нимъ ссориться попробовала?

Поллиа.

Пробовала, да что толку. Онъ всегда правъ выходить, а я виновата остаюсь.

Юлинька.

Да онъ любить тебя?

Поллиа.

Очень любить.

Юлинька.

А ты его?

Поллиа.

И я люблю.

Юлинька.

Ну, такъ ты сама виновата, душа моя. Лаской изъ мужчинъ ничего не сдѣлаешь. Ты къ нему ластись—вотъ онъ и сидитъ сложа руки, ни ообъ себѣ, ни ообъ тебѣ не думаетъ.

Поллиа.

Онъ много работаетъ.

Юлинька.

Да что проку въ его работѣ-то. Вотъ мой мужъ и немного работаетъ, а посмотри, какъ мы живемъ. Надобно правду сказать, Онисимъ Панфилычъ для дому отличный человѣкъ, настоящій хозяинъ; чего-чего у насъ нѣтъ, кабы ты посмотрѣла. И въ какое краткое время! Откуда онъ только беретъ! А твой! Что это? Вѣдь срамъ смотрѣть, какъ вы живете.

Поллиа.

Онъ все говоритъ: сиди, работай, не завидуи другимъ; будемъ и мы жить хорошо.

Юлинька.

Да когда же это будетъ? Состарѣешься, пока дождешься. На что тогда и удовольствіе! Всякое терпѣніе лопнетъ.

Поллиа.

Что же мнѣ дѣлать?

Юлинька.

Онъ просто тиранъ. Что съ нимъ много-то разговаривать! Скажи, что ты его не любишь—вотъ и все тутъ. Или вотъ что лучше: ты скажи ему, что тебѣ надоѣла такая жизнь, что ты не хочешь съ нимъ жить и переѣдешь къ маменькѣ, и чтобъ онъ не зналъ тебя. А я маменьку предупрежу объ этомъ.

Поллиа.

Хорошо, хорошо! Я это обдѣлаю въ лучшемъ видѣ.

Юлинька.

Да съумѣешь-ли ты?

Поллиа.

Еще бы. Я какую хочешь сцену сыграю, не хуже всякой актрисы. Во первыхъ насъ дома къ этому съ малолѣтства приучили, а теперь я все сижу одна, работать-то скучно; я все сама съ собою и разговариваю. Такъ научилась, что чудо. Только немного жаль его будетъ.

Ю л и н ь к а.

А ужъ ты не жалѣй! А я тебѣ, Полина, шляпку привезла. (*Вынимаетъ изъ картона.*)

П о л и н а.

Ахъ, какая прелесть! Спасибо, сестрица, душенька. (*Цѣлуетъ ее.*)

Ю л и н ь к а.

А то у тебѣ старая-то ужъ не хороша.

П о л и н а.

Ужасная мерзость! Скверно на улицу вытти. Вотъ я теперь мужа подражаю. Вотъ, скажу, милый мой, посторонніе купили, а ты не догадаешься.

Ю л и н ь к а.

Да ужъ дѣлать нечего, Полинъка, мы нова, сколько можемъ, будемъ тебя поддерживать. Только не слушай ты, пожалуйста, своего мужа. Ты ему растолкуй хорошенько, что ты его даромъ любить не будешь. Ты, глупенькая, пойми, за что ихъ даромъ любить-то, мужьевъ-то? Это довольно странно! Обезпечь меня, дескать, во всемя, чтобы я блистала въ обществѣ, тогда я тебя и стану любить. Онъ отъ капризу не хочетъ твоего счастья, а ты молчишь. Попроси только онъ у дяди, и ему дадутъ такое же доходное мѣсто, какъ у моего мужа.

П о л и н а.

Ужъ я теперь къ нему пристану.

Ю л и н ь к а.

Ты представь только себѣ: ты такая хорошенькая, одѣв-ка тебѣ со вкусомъ, да посади въ театръ... при огнѣ-то... всея мужчины такъ на тебя лорнеты и уставятъ.

П о л и н а.

Не говори, сестрица, заплачу.

Ю л и н ь к а.

Вотъ тебѣ денегъ (*достаетъ изъ корта-монне*), иногда что понадобится, такъ можешь и безъ мужа обойтись. У насъ теперь есть средства, такъ что мы рѣшились даже другимъ благодѣтельствовать.

П о л и н а.

Спасибо, сестрица! Только онъ, пожалуй, разсердится.

Ю л и н ь к а.

Велика важность! Что на него смотрѣть-то! Отъ родныхъ, не отъ чужихъ. Что жъ, по его милости, голодной сидѣть! Прощай, Полина.

П о л и н а.

Прощай, сестрица. (*Провожаетъ ее, Юлинька уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

П о л и н а.

Какая это, Юлинька, у насъ умная! А я-то дура, дура! (*Увидавъ картонъ.*) Новая шляпка! новая шляпка! (*Хлопаетъ въ ладоши.*) Я теперь цѣлую недѣлю буду весела, если только мужъ не разстроитъ. (*Поетъ.*) «Матушка, голубушка... и т. д. (*Кукушкина входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

П о л и н а и К у к у ш к и н а.

К у к у ш к и н а.

У тебя все пѣсенки на умѣ.

П о л и н а.

Здравствуйте, маменька! Отъ скуки.

К у к у ш к и н а.

Я совсѣмъ и ходить-то къ тебѣ не хотѣла.

П о л и н а.

Отчего же, маменька?

К у к у ш к и н а.

Мерзко мнѣ, сударыня, мерзко бывать у васъ. Да такъ ужъ мимо шла, такъ зашла къ тебѣ. Нищенство, бѣдность.... фу... я этого видѣть не могу. У меня чистота, у меня порядокъ, а здѣсь, что такое! Изба деревенская! Гадость!

Поллиа.

Чѣмъ же я-то виновата?

Кукушкина.

Бываютъ же такіе мерзавцы на свѣтѣ. А впрочемъ я его и не вишу: я на него никогда надежды не имѣла. Ты-то чтожъ молчишь, сударыня? Не я ли тебѣ твердила: не давай мужу потачки, точи его поминутно, и день и ночь: давай денегъ, да давай, гдѣ хочешь возьми, да подай. Миѣ, молъ, на то нужно, на другое нужно. Маменька, молъ, у меня тонкая дама, надо ее прилично принять. Скажетъ: иѣтъ у меня. А миѣ, молъ, какое дѣло? Хоть укради, да подай. Зачѣмъ брагъ? Умѣлъ, жениться, умѣи и жену содержать прилично. Да этакъ съ утра да до ночи долѣла бы ему въ голову-то, такъ авось бы въ чувство пришелъ. У меня бы на твоёмъ мѣстѣ другаго и разговору не было.

Поллиа.

Что жъ дѣлать-то, маменька, у меня въ характерѣ никакой строгости нѣтъ.

Кукушкина.

Иѣтъ, ужъ ты лучше скажи, что у тебя въ характерѣ глупости много, баловства. А ты знаешь ли, что ваше баловство портитъ мужичиѣ. У тебя все иѣжности на умѣ, все бы вѣшалась къ нему на шею. Обрадовалась, что за-мужъ вышла, дождалась. А иѣтъ, чтобы объ жизни подумать. Безстыдница! И въ кого это ты такая уродилась! У насъ въ роду всѣ рѣшительно холодны къ мужьямъ: больше все думаютъ объ нарядахъ, какъ одѣться прилично, блеснуть передъ другими. Отчего и не приласкать мужа, да надобно, чтобы онъ чувствовалъ, за что его ласкаютъ. Вотъ Юлишка, когда мужъ привезетъ ей что нибѣудъ изъ города, такъ и кинется ему на шею, такъ и замреть, насилу стащатъ. Оттого онъ чуть не каждый день ей и возить подарки. А не привезетъ, такъ она и губы надуетъ и не говоритъ съ нимъ два дни. Виши, пожалуй, къ нимъ на шею-то, они и рады, имъ только это и нужно. Стыдись!

Поллиа.

Я чувствую, что я глупа; онъ приласкаетъ меня, а я и рада.

К у к у ш к и н а.

А вот погоди, мы на него насядемъ обѣ, такъ авось подастся. Главное — не баловать и не слушать его глупостей: онъ свое, а ты свое; спорь до обмороку, а не уступай. Уступи имъ, такъ они готовы на насъ хоть воду возить. Да гордость-то, гордость-то ему сшибить надо. Ты знаешь ли, что у него на умѣ?

П о л и н а.

Гдѣ мнѣ знать.

К у к у ш к и н а.

Это, вот видишь ли, есть такая дурацкая философія, я недавно въ одномъ домѣ слышала, нынче она въ моду пошла. Они забрали себѣ въ голову, что умнѣй всѣхъ на свѣтѣ; а то все дураки да взяточники. Какая глупость-то непростительная! Мы, говорятъ, не хотимъ брать взятокъ, хотимъ жить однимъ жалованьемъ. Да послѣ этого житья не будетъ! За кого жь дочерей-то отдавать? Вѣдь этакъ, чего добраго, и родъ человѣческой прекратится. — Взятки! Что за слово взятки? Сами жь его выдумали, чтобы обижать хорошихъ людей. Не взятки, а благодарность! А отъ благодарности отказываться грѣхъ, обидѣть человѣка надо. Коли ты холостой человѣкъ, на тебя и суда нѣтъ, юродствуй, какъ знаешь. Пожалуй, хоть и жалованья не бери. А коли женился, такъ умнѣй жить съ женой, не обманывай родителей. За что они терзаютъ родительское сердце? Другой полоумный вдругъ беретъ воспитанную барышню, которая съ дѣтства понимаетъ жизнь и которую родители, не щадя ничего, воспитываютъ совсѣмъ не въ такихъ правилахъ, даже стараются, какъ можно, отдалять отъ такихъ глупыхъ разговоровъ, и вдругъ заираетъ ее въ конуру какую-то. Что-же, по ихнему, изъ воспитанныхъ барышень имъ хочется прачекъ передѣлать? Ужъ коли хотять жениться, такъ и женились бы на какихъ нибудь заблужденныхъ, которымъ все равно, что барыней, быть, что кухаркой; которая, изъ любви къ нимъ, рады будутъ себѣ и юпки стирать, и по грязи на рынокъ трепаться. А вѣдь есть такія, безъ понятія, женщины.

П о л и н а.

Вотъ онъ и изъ меня, должно быть, тоже хочетъ сдѣлать.

К у к у ш к и н а.

Что нужно для женщины... образованной, которая видитъ и понимаетъ всю жизнь, какъ свои пять пальцевъ? Они этого не пони-

мають. Для женщины нужно, чтобы она одѣта была всегда хорошо, чтобы прислуга была, а главное — нужно спокойствіе, чтобы она могла быть отдалена отъ всего, по своему благородству, ни въ какіе хозяйственныя дразги не входила. Юлинька у меня такъ и дѣлаетъ; она ото всего рѣшительно далека, кромѣ какъ занята собою. Она спитъ долго; мужъ по утру долженъ распорядиться на счетъ стола и рѣшительно всѣмъ; потомъ дѣвка панонтъ его чаемъ и онъ уѣзжаетъ въ присутствіе. Наконецъ она встаетъ; чай, кофе, все это для нея готово, она кушаетъ, разодѣлась отличнѣйшимъ манеромъ и сѣла съ книжкой у окна дожидаться мужа. Вечеромъ надѣваетъ лучшія платья и ѣдетъ въ театръ или въ гости. Вотъ жизнь! вотъ порядокъ! вотъ какъ дама должна вести себя! Что можетъ быть благороднѣе, что деликатнѣе, что нѣжнѣе? Хвалю.

Полниа.

Ахъ, вотъ блаженство-то! Хотъ бы недѣльку такъ пожить.

Кукучкина.

Да, съ своимъ мужемъ ты дождешься, какже!

Полниа.

Ужъ вы его, маменька, хорошенько! А то мнѣ, право, завидно. Юлинька какъ ни пріѣдетъ, все въ новомъ платьѣ, а я все въ одномъ да въ одномъ. Вотъ онъ идетъ. *(Идетъ къ дверямъ. Жадовъ входитъ съ портфелемъ. Цѣлуются.)*

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ-же и Жадовъ.

Жадовъ.

Здравствуйте, Фелисата Гераимовна! *(Садится.)* Ахъ какъ усталъ! *(Полниа садится подлѣ матери.)* Заработался совсѣмъ, отдыху себѣ не знаю. Утромъ въ присутствіе, днемъ на урокахъ, ночью за дѣлами сижу: беру выписки составлять, — порядочно платягъ. А ты, Полниа, вѣчно безъ работы, вѣчно, сложа руки, сидишь! Никогда тебя за дѣломъ не застанешь.

Кукучкина.

Онѣ у меня не такъ воспитаны, къ работѣ не приучены.

Жадовъ.

Очень душно. Послѣ трудно привыкать, когда съ молодѣтства не приучены. А надобно бѣдетъ.

Кукучкина.

Не за чѣмъ ей и привыкать. Я ихъ не въ горничныя готовила, а за-мужъ за благородныхъ людей.

Жадовъ.

Мы съ вами различныхъ мнѣній, Фелюса Гераسیمовна. Я хочу, чтобы Полина слушалась меня.

Кукучкина.

То есть, вы хотите сдѣлать изъ нея работницу; такъ ужъ такую бы себѣ подъ пару и искали. А ужъ насъ извините, мы люди совѣмъ не такихъ понятій въ жизни, въ насъ благородство врожденное.

Жадовъ.

Какое благородство, это фанфаронство пустое! А намъ, право, не до того.

Кукучкина.

Васъ послушать, такъ уши вянутъ. А вотъ что нужно сказать: кабы я знала, что она, несчастная, бѣдетъ такую нищенскую жизнь вести, ужъ ни за что бы не отдала за васъ.

Жадовъ.

Вы ей, пожалуйста, не втолковывайте, что она несчастная женщина; я прошу васъ. А то она, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, подумаетъ, что несчастная.

Кукучкина.

А то счастлива? Разумѣется, въ самомъ горькомъ положеніи женщина. Другая бы на ея мѣстѣ, и ужъ и не знаю, что сдѣлала. *(Полина плачетъ.)*

Жадовъ.

Полина, перестань дурачиться, пожалѣй меня!

Полина.

У тебя все дурачиться. Видно ты не любишь, когда тебѣ правду то говорить.

Жадовъ.

Какую правду?

Полина.

Ужь, разумѣется, правду; маменька не станетъ лгать.

Жадовъ.

Мы съ тобой уже объ этомъ поговоримъ.

Полина.

Не объ чемъ говорить-то. *(Отворачивается.)*

Кукушкина.

Разумѣется.

Жадовъ *(вздыхаетъ)*.

Вотъ несчастіе! *(Кукушкина и Полина не обращаютъ на него вниманія и разговариваютъ шепотомъ. Жадовъ достаетъ изъ портфеля бумаги, раскладываетъ на столъ и въ продолженіе слѣдующаго разговора оглядывается на нихъ.)*

Кукушкина *(громко)*.

Вообрази, Полина, я была у Бѣлогубова, онъ купилъ женѣ бархатное платье.

Полина *(сквозь слезы)*.

Бархатное! Какого цвѣта?

Кукушкина.

Влищевое.

Полина *(плачетъ)*.

Ахъ, Боже мой! Я думаю, какъ къ ней идти.

Кукушкина

Чудо! Только представь, какой проказникъ Бѣлогубовъ! Насмѣшилъ, право, насмѣшилъ. Вотъ, маменька, я говорю, вамъ жалуюсь на жену; я ей купилъ бархатное платье, она меня такъ цѣловала, укусила даже очень больно. Вотъ жизнь! Вотъ любовь! Не то, что у другихъ.

Жадовъ.

Это невыносимо! *(Встаетъ.)*

КУКУШКИНА (*встаетъ*).

Позвольте спросить, милостивый государь, за что она страдает? Дайте мнѣ отчетъ.

ЖАДОВЪ.

Она ужъ вышла изъ-подъ вашей опеки и поступила подъ мою, и потому оставьте мнѣ распорядиться ея жизнью. Повѣрьте, что будетъ лучше.

КУКУШКИНА.

Но я мать, милостивый государь.

ЖАДОВЪ.

А я мужъ.

КУКУШКИНА.

Вотъ мы видимъ, каковъ вы мужъ! Никогда любовь мужа не можетъ сравниться съ родительскою.

ЖАДОВЪ.

Каковы родители!

КУКУШКИНА.

Каковы бы ни были, все таки не вамъ чета. Мы вотъ, милостивый государь, какіе родители! Мы съ мужемъ по грошамъ набирали деньги, чтобы воспитать дочерей, чтобы отдать ихъ въ пансіонъ. Для чего это, какъ вы думаете? Для того, чтобы они имѣли хорошія манеры, не видали кругомъ себя бѣдности, не видали низкихъ предметовъ, чтобы не отяготить дитя и съ дѣтства приучить ихъ къ хорошей жизни, благородству въ словахъ и поступкахъ.

ЖАДОВЪ.

Благодарю васъ. Я вотъ почти ужъ годъ стараюсь выбить изъ нея ваше воспитаніе, да никакъ не могу. Кажется, половину бы жизни отдалъ, чтобы только она его забыла.

КУКУШКИНА.

Да развѣ я ее для такой жизни готовила? Я бы лучше руку дала на отсѣченіе, чѣмъ видѣть въ такомъ положеніи дочь: въ бѣдности, въ страданіи, въ убожествѣ.

ЖАДОВЪ.

Оставьте ваши сожалѣнья, я васъ прошу.

КУКУШКИНА.

Развѣ онѣ у меня такъ жили? У меня порядокъ, у меня чистота. Средства мои самыя ничтожныя, а все таки онѣ жили, какъ герцогини, въ самомъ невѣрномъ состояніи; гдѣ ходъ въ кухню, не знали; не знали, изъ чего щи варятся; только и занимались, какъ слѣдуетъ барышнямъ, разговоромъ объ чувствахъ и предметахъ самыхъ облагороженныхъ.

ЖАДОВЪ (*указывая на жену*).

Да, такого глубокаго разврата, какъ въ вашемъ семействѣ, я не видывалъ.

КУКУШКИНА.

Развѣ такіе люди, какъ вы, могутъ оцѣнить благородное воспитаніе! Моя вина, я поторопилась! Выдѣ она за человѣка съ нѣжными чувствами и съ образованіемъ, тотъ не зналъ бы, какъ благодарить меня за мое воспитаніе. И она была бы счастлива, потому что порядочные люди не заставляютъ женъ работать, для этого у нихъ есть прислуга, а жена только для...

ЖАДОВЪ (*быстро*).

Для чего?

КУКУШКИНА.

Какъ для чего? Кто жъ этого не знаетъ? Ну, известно.... для того, чтобы одѣвать, какъ нельзя лучше, любоваться на нее, вывозить въ люди, доставлять все наслажденія, исполнять каждую ея прихоть, какъ законъ.... боготворить.

ЖАДОВЪ.

Стыдитесь! Вы пожилая женщина, дожили до старости, выросили дочерей и воспитывали ихъ, а не знаете, для чего человѣку дана жена. Не стыдно-ли вамъ! Жена не игрушка, а помощница мужу. Вы дурная мать!

КУКУШКИНА.

Да, я знаю, что вы очень рады себѣ изъ жены кухарку сдѣлать. Безчувственный вы человѣкъ!

ЖАДОВЪ.

Полноте вздоръ болтать!

Полина.

Маменька, оставьте его.

Кукушкина.

Нѣтъ, не оставлю. Съ чего ты выдумала, чтобы я его оставила?

Жадовъ.

Перестаньте. Я васъ слушать не стану и женѣ не позволю. У васъ, на старости лѣтъ, все вздоръ въ головѣ.

Кукушкина.

Каковъ разговоръ, каковъ разговоръ, а?

Жадовъ.

Между мною и вами другаго разговора быть не можетъ. Оставьте насъ въ покоѣ, я прошу васъ. Я люблю Полину и обязанъ беречь ее. Ваши разговоры вредны для Полины и безразличны.

Кукушкина.

Да вы не очень горячитесь, милостивый государь!

Жадовъ.

Вы ровно ничего не понимаете.

Кукушкина (*съ озлобленіемъ*).

Не понимаю? Нѣтъ, я очень хорошо понимаю. Видала я примѣры-то, какъ женщины-то гибнутъ отъ бѣдности. Бѣдность-то до всего доводитъ. Другая бьется, бьется, ну и собьется съ пути. Даже и винить нельзя.

Жадовъ.

Что! Какъ вы можете говорить при дочери такія вещи! Увольте насъ отъ своего посѣщенія... сей часъ же, сей часъ же.

Кукушкина.

Коли дома холодно, да голодно, да мужъ лѣнчитъ, по неволѣ будешь искать средствъ....

Жадовъ.

Оставьте насъ, я васъ честию прошу. Вы меня выведете изъ терпѣнія.

КУКУШКИНА.

Ужъ конечно уйду, и нога моя никогда не будетъ у васъ. (*Полина.*) Каковъ мужъ-то у тебя! Вотъ горе-то! Вотъ несчастье-то!

ПОЛИНА.

Прощайте, маменька! (*Плачетъ.*)

КУКУШКИНА.

Плачь, плачь, несчастная жертва, оплакивай свою судьбу! Плачь до могилы! Да ты ужъ лучше умри, несчастная, чтобы не разрывалось мое сердце. Легче мнѣ будетъ. (*Жадову.*) Торжествуйте! Вы свое дѣло сдѣлали: обманули, привинулись влюбленнымъ, обольстили словами и потомъ погубили. Вся ваша цѣль была въ этомъ, и теперь васъ понимаю. (*Уходитъ, Полина ее провожаетъ.*)

ЖАДОВЪ.

Надобно будетъ съ Полиной постороже поговорить. А то, чего добраго, ее вовсе съ толку сообьютъ. (*Полина возвращается.*)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Жадовъ и Полина (*садится у окна, надумшись.*).

Жадовъ (*разложивъ бумаги, садится къ столу.*).

Фелисата Герасимовна, вѣроятно, больше къ намъ не придетъ, чему я очень радъ. Я бы желалъ, Полина, чтобы и ты къ ней не ходила, а также и къ Бѣлогубовымъ.

ПОЛИНА.

Не прикажете ли для васъ всю родню бросить?

ЖАДОВЪ.

Не для меня, а для себя. У нихъ у всѣхъ такія дикія понятія! Я тебя учу добру, а они развращаютъ.

ПОЛИНА.

Поздно меня учить, я ужъ учена.

Жадовъ.

Для меня было бы ужасно уѣдниться въ томъ, что ты говоришь. Нѣтъ, я надѣюсь, что ты меня поймешь наконецъ. Теперь много работы у меня; а вотъ будетъ поменьше, мы съ тобой займемся. Утромъ будешь работать, а по вечерамъ будемъ читать. Тебѣ многое надо прочесть, ты вѣдь ничего не читала.

Полина.

Какже, стану я сидѣть съ тобой! Куда какъ весело! Человѣкъ созданъ для общества.

Жадовъ.

Что?

Полина.

Человѣкъ созданъ для общества.

Жадовъ.

Откуда это у тебя?

Полина.

Ты меня, въ самомъ дѣлѣ, за дуру считаешь. Кто жъ этого не знаетъ! Всякій знаетъ. Что ты меня съ улицы что ли взялъ?

Жадовъ.

Да для общества-то нужно приготовить себя, образовать.

Полина.

Ничего этого не нужно, все вздоръ, нужно только одѣваться по модѣ.

Жадовъ.

Ну, а мы и этого не можемъ, стало быть и толковать нечего. Займись-ка лучше работой какой-нибудь, и я примусь за дѣло. (*Беретъ перо.*)

Полина.

Работой займись! Съ чего это ты выдумалъ? Ужъ будетъ тебѣ надо мной командовать-то... помыкать-то всячески, да насмѣхаться-то!

Жадовъ (*оборачиваясь*).

Что это, Полина?

П о л и н а.

А тоже, что я хочу жить, какъ люди живутъ, а не какъ нище. Надоѣло ужъ. И такъ я съ тобой загубила свою молодость.

Ж а д о в ъ.

Вотъ новости! Я этого не слыхалъ еще.

П о л и н а.

Не слыхалъ, такъ послушай. Ты думаешь, что я молчала-то почти годъ, такъ и все буду молчать? Нѣтъ, извини! Ну, да что толковать! Я хочу жить, какъ Юлинька живетъ, какъ все благородныя дамы живутъ. Вотъ тебѣ и сказъ!

Ж а д о в ъ.

Вотъ что! Только позволь тебя спросить: на какія же средства намъ такъ жить?

П о л и н а.

А мнѣ что за дѣло! Кто любить, тотъ найдетъ средства.

Ж а д о в ъ.

Да ты пожалѣй меня; я и такъ работаю, какъ волъ.

П о л и н а.

Работаешь ты, или не работаешь — мнѣ вовсе никакого дѣла нѣтъ. Не на мытарство, не на тиранство, я за тебя замужъ шла.

Ж а д о в ъ.

Вы меня нынче совсѣмъ измучили. Замолчи, ради Бога.

П о л и н а.

Какже, дожидайся, буду я молчать! По твоей милости все смѣются надо мною. Что я стыда потерпѣлась! Сестрица ужъ жалась. Нынче прѣехала: «ты, говорить, насъ страмишь, всю нашу фамилію: въ чемъ ты ходишь!» И это не стыдно тебѣ? а еще увѣрялъ, что любишь. — На свои деньги сестрица купила, да привезла шляпку мнѣ.

Ж а д о в ъ (*встаетъ*).

Шляпку?

Полна.

Да, вотъ она. Посмотри, на. Что, хороша?

Жадовъ (*строго*).

Отнеси сей часъ назадъ.

Полна.

Назадъ?

Жадовъ.

Да, сей часъ, сей часъ снеси! И не смѣй отъ нихъ ничего брать.

Полна.

Ну, ужъ этому не бывать; ужъ будьте покойны.

Жадовъ.

Такъ я ее выкину за окно.

Полна.

А! такъ ты вотъ какъ стала! Хорошо, мой другъ, я снесу.

Жадовъ.

И снеси.

Полна (*со слезами*).

Снесу, снесу. (*Надѣваетъ шляпку, мантилью, беретъ зонтикъ.*) Прощайте!

Жадовъ.

Прощай!

Полна.

Простимся хорошенько; ужъ вы меня больше не увидите.

Жадовъ.

Это что за вздоръ еще?

Полна.

Я къ маменькѣ пойду, тамъ и останусь; ты ужъ и не ходи къ намъ.

Жадовъ.

Что за глупость ты говоришь, Полна!

Полина.

Нѣтъ, я ужь давно обдумала! (*Чертитъ зонтикомъ по полу.*)
Что моя за жизнь? Одно мученье, и никакой радости!

Жадовъ.

Не грѣхъ тебѣ говорить? Неужели ты со мной и не видала никакой радости?

Полина.

Какія радости! Кабы ты богатъ былъ — другое дѣло, а то бѣдность-то терпѣть. Что за радость! Вотъ намедни пьяный пришелъ: еще, пожалуй, бить меня будешь.

Жадовъ.

Ахъ, Боже мой! Что ты говоришь? Одинъ разъ пришелъ на-веселѣ.... Да кто же изъ молодыхъ людей не бываетъ пьянъ?

Полина.

Знаемъ мы, бѣдность-то до чего доводить. Миѣ маменька сказывала. Ты, пожалуй, зашьешь, да и я-то съ тобой погибну.

Жадовъ.

Все вздоръ какой тебѣ въ голову лѣзеть.

Полина.

Чего миѣ ждать хорошаго-то? Я ужь и на картахъ гадала про судьбу свою, и у ворожей спрашивала: выходить—самая несчастная.

Жадовъ (*хватаетъ себя за голову*).

На картахъ гадаютъ! къ ворожеямъ ходить!

Полина.

По твоему, чай, карты вздоръ! Нѣтъ ужь извини, ни въ жизнь не повѣрю! Карты никогда не лгутъ. Вотъ ужь всегда-то правду говорятъ. Что даже на умѣ у человѣка, и то по картамъ сей часъ видно. Ты, вѣдь, ничему не вѣришь, у тебѣ все вздоръ: оттого намъ и счастья нѣтъ.

Жадовъ (*нѣжно*).

Полина! (*Подходитъ къ ней.*)

Полина (*отходя*).

Сдѣлайте милость, оставьте.

Жадовъ.

Нѣтъ, ты меня не любишь.

Полина.

За что тебя любить-то? Очень нужно даромъ-то любить!

Жадовъ (*горячо*).

Какъ даромъ? какъ даромъ? За любовь я тебѣ плачу любовью. Да, вѣдь, ты жена моя! Развѣ ты забыла это? Ты обязана со мной дѣлить и горе, и радость... Еслибъ я былъ даже послѣдній нищій.

Полина (*садится на стулъ и, закинувъ голову, хохочетъ*).

Ха, ха, ха, ха!

Жадовъ.

Это ужъ гадко наконецъ! это безирравственно!

Полина (*быстро встаетъ*).

Я не понимаю, что вамъ за охота жить съ безирравственной женой. Прощайте!

Жадовъ.

Богъ съ тобой, прощай! Коли ты можешь бросить равнодушно мужа, такъ прощай! (*Садится къ столу и подтираетъ голову руками.*)

Полина.

А что жъ такое! Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человекъ гдѣ лучше.

Жадовъ.

Ну прощай, прощай!

Полина (*передъ зеркаломъ*).

Вотъ шляпка, такъ шляпка, не то, что моя. (*Поетъ.*) «Матушка, голубушка, солнышко мое...» Въ этой и по улицѣ-то пройдешь, все таки кто нибудь взглянетъ, скажетъ: ахъ, какая хорошенькая! Прощайте! (*Присѣдаетъ и уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Жадовъ (*одинъ*).

Что у меня за характеръ! Куда онъ годится? Съ женой—и то ужиться не могъ! Что же мнѣ дѣлать теперь? Господи, Боже мой! Я съ ума сойду. Безъ нея мнѣ не за чѣмъ на свѣтѣ жить. Какъ это случилось, я, право, не понимаю. Какъ же это я могъ ее отпустить отъ себя! Что она будетъ дѣлать у матери! Тамъ она погибнетъ совсѣмъ. Марья! Марья! (*Марья за сценой: «что угодно?»*) Догони, поди барыню, скажи, что мнѣ нужно съ нею поговорить. Да поскорѣй, поскорѣй! Что это, въ самомъ дѣлѣ, Марья, какая ты не поворотливая! Да бѣги же, бѣги скорѣй! (*Марья за сценой: «сей часъ!»*) А ну, какъ она не захочетъ вернуться! Да и прекрасно сдѣлаетъ! Она имѣетъ полное право. Чѣмъ она виновата, что я не могу ее содержать прилично? Ей только восемнадцать лѣтъ, ей жить хочется, хочется удовольствій. А я держу ее въ одной комнатѣ, цѣлый день дома не бываю. Хороша любовь! Ну вотъ и живи одинъ! Прекрасно! очень хорошо!... Опять сирота! чего жъ лучше! Поутру пойду въ присутствіе, послѣ присутствія домой не за чѣмъ ходить,— посижу въ трактирѣ до вечера: а вечеромъ домой, одинъ, на холодную постель... залиюсь слезами! И такъ каждый день. Очень хорошо! (*Плачетъ.*) Ну что жъ! не умѣлъ съ женой жить, такъ живи одинъ. Итъ, надо рѣшиться на что нибудь. Я долженъ или разстаться съ ней, или... жить... жить... какъ люди живутъ. Объ этомъ надо подумать. — (*Задумывается.*) Разстаться? Да въ силахъ ли я съ ней разстаться? Ахъ, какая мука! какая мука! Итъ ужъ лучше... что съ мельницами-то сражаться! Что я говорю! — Какія мысли лѣзутъ мнѣ въ голову. (*Входитъ Полна.*)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Жадовъ и Полна.

Полна (*садится, не раздвигаясь*).

Что вамъ угодно?!

Жадовъ (*подбѣгаетъ къ ней*).

Пришла, пришла! Опять пришла. Не стыдно ли тебѣ! Ты меня такъ разстроила, такъ разстроила, Полна, что я и съ мыслями не соберусь. Я совсѣмъ растерялся. (*Цѣлуетъ руки.*) Полна, другъ мой!

Полина.

Да ты съ нѣжностями-то не подъѣзжай ко мнѣ.

Жадовъ.

Ты вѣдь пошутила, Полина, а? Ты меня не оставишь?

Полина.

Куда какъ интересно жить-то съ тобой, горе-то мыкать.

Жадовъ.

Ты меня убиваешь, Полина! Ужъ коли не любишь, такъ хоть пожалѣй меня. Ты знаешь, какъ я тебя люблю.

Полина.

Да, оно и видно! такъ и любить.

Жадовъ.

Какъ же еще любить? Какъ? Скажи, я все исполню, что ты мнѣ прикажешь.

Полина.

Поди сей часъ къ дядѣ, помирись съ нимъ и попроси такое же мѣсто, какъ у Бѣлогубова, да и денегъ попроси кетати: послѣ отдадимъ, какъ разбогатѣемъ.

Жадовъ.

Ни за что на свѣтѣ, ни за что на свѣтѣ! И не говори ты мнѣ этого.

Полина.

Зачѣмъ же ты меня воротилъ? Смѣяться что-ли надо мной хочешь? Такъ ужъ будетъ, я теперь стала умнѣй. Прощай! (*Встаетъ.*)

Жадовъ.

Постой! погоди, Полина! дай мнѣ съ тобой поговорить.

Полина (*передъ зеркаломъ*).

Объ чемъ говорить! Ужъ все переговорили.

Жадовъ (*съ умоляющимъ видомъ*).

Нѣтъ, нѣтъ, Полина, не все еще. Много, много мнѣ нужно еще сказать тебѣ. Ты многого не знаешь. Кабы можно было мнѣ вдругъ

передать тебѣ свою душу, передать то, о чемъ думалъ и мечталъ я, какъ бы я былъ счастливъ! Давай, поговоримъ Полина, поговоримъ. Ты только, ради Бога, слушай, одной милости прошу у тебя.

П о л и н а.

Говори.

Ж а д о в ъ (*горячо*).

Слушай, слушай! (*Беретъ ее за руку.*) Всегда, Полина, во все времена, были люди, они и теперь есть, которые идутъ наперекоръ устарѣвшимъ общественнымъ привычкамъ и условіямъ. Не по капризу, не по своей волѣ, нѣтъ; а потому, что правила, которыя они знаютъ, лучше, честнѣе тѣхъ правилъ, которыми руководствуется общество. И не сами они выдумали эти правила: они ихъ слышали съ пастырскихъ и профессорскихъ кафедръ, они ихъ вычитали въ лучшихъ литературныхъ произведеніяхъ нашихъ и иностранныхъ. Они воспитались въ нихъ и хотятъ ихъ провести въ жизни. Что это не легко, я согласенъ. Общественные пороки брѣшки, невѣжественное большинство сильно. Борьба трудна и часто нагубна; но тѣмъ больше славы для избранныхъ: на нихъ благословеніе потомства; безъ нихъ ложь, зло, насиліе выросли бы до того, что закрыли бы отъ людей свѣтъ солнечный...

П о л и н а (*смотритъ на него съ изумленіемъ*).

Ты сумасшедшій, право, сумасшедшій! И ты хочешь, чтобъ я тебя слушала; у меня и такъ ума-то не много, и послѣдній съ тобой потеряешь.

Ж а д о в ъ.

Да ты послушай меня, Полина!

П о л и н а.

Нѣтъ, ужъ я лучше буду слушать умныхъ людей.

Ж а д о в ъ.

Кого же ты будешь слушать? Кто эти умные люди?

П о л и н а.

Кто? Сестрица, Бѣлогубовъ.

Жадовъ.

И ты сравнила меня съ Бѣлогубовымъ!

Полна.

Скажите пожалуйста! Ты что такой за важный человекъ? Известно, Бѣлогубовъ лучше тебя. У начальства въ уваженіи, жену любить, отличный хозяинъ, свои лошади.... А ты что? только что хвастать... (*передражливая его*) и умный, и благородный, все дураки, все взяточники.

Жадовъ.

Что за тонъ у тебя! Что за манеры! Какая мерзость!

Полна.

Ты опять ругаться! Прощай! (*Хочетъ идти.*)

Жадовъ (*держитъ ее*).

Постой, погоди немножко.

Полна.

Пусти.

Жадовъ.

Нѣтъ, стой, стой! Полночь, другъ мой, погоди. (*Хватаетъ ее за платье.*)

Полна (*слѣется*).

Ну, что ты меня держишь руками-то! какой ты чудакъ! Захочу уйти, такъ не удержишь.

Жадовъ.

Чтожь мнѣ съ тобой дѣлать? Чтожь мнѣ съ тобой дѣлать, съ моей милой Полной?

Полна.

Пойди къ дядѣ, да помирись.

Жадовъ.

Постой, стой, дай подумать.

Полна.

Подумай.

Жадовъ.

Вѣдь я тебя люблю, а для тебя готовъ на все на свѣтѣ... Но что ты мнѣ предлагаешь!... Ужасно!.. Нѣтъ, надо подумать. Да, да, да, да... подумать надо... надо подумать. Ну, а если я не пойду къ ладѣ, ты уйдешь отъ меня?

Полина.

Уйду,

Жадовъ.

Совсѣмъ уйдешь?

Полина.

Совсѣмъ. Не десять тебѣ разъ говорить-то, надоѣло ужъ. Прощай!

Жадовъ.

Постой, постой! *(Садится къ столу, подпираетъ голову руками и задумывается.)*

Полина.

Долголи мнѣ ждать-то!

Жадовъ *(почти со слезами)*.

А вѣдь знаешь что, Полина? Вѣдь хорошо, когда хорошенькая жена, да хорошо одѣта?

Полина *(съ чувством)*.

Очень хорошо!

Жадовъ.

Ну да, да... *(кричитъ)* да, да *(топаетъ ногами)*. И хорошо съ ней выѣхать въ хорошемя экипажѣ?

Полина.

Ахъ, какъ хорошо!

Жадовъ,

Вѣдь молодую, хорошенькую жену надо любить, надо ее лелеять... *(кричитъ)* да, да, да, надо ее наряжать... *(успокоившись)* Ну чтожъ ничего... ничего... Это легко сдѣлать! *(Съ отчаяніемъ.)* Прощайте.

юношескія мечты мои! Прощайте, великіе уроки! Прощай, моя честная будущность! Вѣдь буду и я старикъ, будутъ у меня и сѣдые волосы, будутъ и дѣти...

П о л и н а.

Что ты? что ты?

Ж а д о в ъ.

Нѣтъ, нѣтъ! дѣтей будемъ въ строгихъ правилахъ воспитывать. Пусть идутъ за вѣкомъ. Нечего имъ на отцовъ смотрѣть.

П о л и н а.

Да перестань!

Ж а д о в ъ.

Дай мнѣ поплакать-то, вѣдь ужъ это я плачу въ послѣдній разъ въ жизни. (*Рыдаетъ.*)

П о л и н а.

Что это съ тобою сдѣлалось?

Ж а д о в ъ.

Ничего... ничего... легко... легко... все легко на свѣтѣ. Только надобно, чтобъ не напоминало ничто! Это просто сдѣлать? Это я сдѣлаю.. буду сторониться, прятаться отъ своихъ прежнихъ товарищей... не буду ходить туда, гдѣ говорятъ про честность, про святость долга... иду недѣлю работать, а въ пятницу на субботу собирать разныхъ Бѣлогубовыхъ и пьянствовать на наворованныя деньги. какъ разбойники... да, да... А тамъ и привыкнешь.

П о л и н а (*почти плача*).

Ты что-то нехорошее говоришь.

Ж а д о в ъ.

Пѣть пѣсни... Ты знаешь эту пѣсню? (*Поетъ.*)

Бери, большой тутъ нѣтъ науки.
Бери, что можно только взять..
На чтожъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать, брать, брать....

Хороша эта пѣсенка?

Поллиа.

Что съ тобой такое, я ужъ и не пойму.

Жадовъ.

Пойдемъ къ дядюшкѣ просить доходнаго мѣста! (*Надѣваетъ небрежно шляпу и беретъ жену за руку. Уходятъ.*)

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

ЛИЦА ВЪ ПЯТОМЪ ДѢЙСТВІИ.

АРИСТАРХЪ ВЛАДИМИРЫЧЪ ВЫШНЕВСКІЙ.
АННА ПАВЛОВНА ВЫШНЕВСКАЯ.
АКИШЪ АКИШЫЧЪ ЮСОВЪ.
ВАСИЛІЙ НИКОЛАИЧЪ ЖАДОВЪ.
ПОЛИНА.
АНТОНЪ.
МАЛЬЧИКЪ.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вышневская и Антонъ (*подастъ письмо на поднось и уходитъ*).

Вышневская (*читаетъ*).

«Милостивая Государыня, Анна Павловна! Извините меня, если мое письмо вамъ не понравится; ваши поступки со мной оправдываютъ и мои. Я слышалъ, что вы смѣтаетесь надо мной и показываете постороннимъ мои письма, писанныя съ увлеченіемъ и въ порывѣ страсти. Вы не можете не знать моего положенія въ обществѣ и сколько компрометируетъ меня такое ваше поведеніе. Я не мальчикъ. И по какому праву вы такъ поступаете со мной? Мое некачество совершенно оправдывалось вашимъ поведеніемъ, которое, вы сами должны признаться, не было безукоризненно. И хотя мнѣ, какъ мужчине, позволительны нѣкоторыя вольности, но смѣшнымъ я быть не хочу. А вы меня сдѣлали предметомъ разговора въ цѣломъ городѣ. Вы знаете мои отношенія къ Любимову, я уже говорилъ вамъ,

что между бумагами, которыя остались послѣ него, я нашелъ нѣсколько вашихъ писемъ. Я предлагалъ вамъ ихъ получить отъ меня. Стоило только вамъ побороуь вашу гордость и согласиться съ общественнымъ мнѣніемъ, что я одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ и болѣе другихъ пользуюсь успѣхами между дамами. Вамъ угодно было обращаться со мной презрительно; въ такомъ случаѣ вы должны меня извинить: я рѣшился передать эти письма вашему мужу». Вотъ это благородно! Фу, какая мерзость! Ну да все равно, надобно же было кончить когда нибудь. Я не изъ тѣхъ женщинъ, чтобы согласилась поправлять холоднымъ развратомъ проступокъ, сдѣланный по увлеченію. Хороши у насъ мужчины! Человѣкъ, которому 40 лѣтъ, у котораго жена красавица, начинаетъ ухаживать за мной, говорить и дѣлать глупости. Что можетъ оправдать его? Страсть? Какая страсть! Онъ ужь, я думаю, въ восемнадцать лѣтъ потерялъ способность влюбиться. Нѣтъ, очень просто: до него дошли разныя сслетни про меня, и онъ считаетъ меня доступной женщиной. И вотъ онъ безъ всякой церемоніи начинаетъ писать ко мнѣ страстные письма, наполненныя самыми пошлыми нѣжностями, очевидно весьма хладнокровно придуманными. Онъ объѣздитъ десять гостиныхъ, гдѣ будетъ рассказывать про меня самыя ужасныя вещи, и потомъ пріѣзжаетъ утѣшать меня. Говорить, что онъ презираетъ общественное мнѣніе, что страсть въ его глазахъ оправдываетъ все. Клянется въ любви, говорить пошлыя фразы, желая придать своему лицу страстное выраженіе, дѣлаетъ какія-то странныя, кислыя улыбки. Даже не даетъ себѣ труда хорошенько притвориться влюбленнымъ. За чѣмъ трудиться, — сойдесть и такъ, только бы форма была соблюдена. Если посмѣешься надъ такимъ человѣкомъ или окажешь ему презрѣніе, котораго онъ заслуживаетъ, — онъ считаетъ себя въ правѣ метить. Для него смѣшное страшнѣе самаго грязнаго порока. Связью съ женщиной онъ станетъ хвастаться самъ, — это дѣлаетъ ему честь; а письма его показать — бѣда, — это его компрометируетъ. Онъ самъ чувствуетъ, что они смѣшны и глупы. За кого же они считаютъ тѣхъ женщинъ, къ которымъ нишуть такія письма? Безсовѣтный народъ! И вотъ онъ теперь въ порывѣ благороднаго негодованія дѣлаетъ подлость противъ меня и, вѣроятно, считаетъ себя правымъ. Да не одинъ онъ, все таковы.... Ну, да тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ я объяснюсь съ мужемъ. Мнѣ даже хочется этого объясненія. Онъ увидитъ, что если я виновата передъ нимъ, то онъ еще болѣе виноватъ передо мной. Онъ убилъ

всю мою жизнь. Онъ своимъ эгоизмомъ засушилъ мое сердце, отнялъ у меня возможность семейнаго счастья, онъ заставилъ меня плакать о томъ, что воротить нельзя — объ моей молодости. Я провела ее съ нимъ пошло, безчувственно, тогда какъ душа просила жизни, любви. Въ пустомъ, мелочномъ кругѣ его знакомыхъ, въ которой онъ ввелъ меня, во мнѣ заглохли все лучшія душевныя качества, оледенѣли все благородныя порывы. И въ добавокъ, я испытываю угрызеніе совѣсти за проступокъ, котораго избѣжать было не въ моей власти. (*Юсовъ входитъ, замѣтно разстроенный.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЫШНЕВСКАЯ и Юсовъ.

Юсовъ (*кланяясь*).

Еще не прѣзжали-съ?

ВЫШНЕВСКАЯ.

Нѣтъ еще. Садитесь. (*Юсовъ садится.*) Вы чѣмъ-то встревожены?

Юсовъ.

Нѣтъ словъ съ.... уста нѣмѣютъ.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Да что такое?

Юсовъ (*качаетъ головой*).

Человѣкъ все равно.... корабль по морю.... вдругъ кораблекрушеніе, и нѣтъ спасающаго!....

ВЫШНЕВСКАЯ.

Я васъ не понимаю.

Юсовъ.

Я на счетъ бренности.... что прочно въ жизни сей? Съ чѣмъ придемъ? съ чѣмъ предстанемъ?... Одиѣ дѣла.... можно сказать, какъ ноша за спиной.... въ обличеніе.... и помышленія даже.... (*махнувъ рукой*) все записаны.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Что умеръ что ли кто нибудь?

Юсовъ.

Нѣтъ-съ, переворотъ въ жизни. (*Нюхаетъ табакъ.*) Въ богатствѣ и въ знатности затмѣніе обвѣзеть.... чувствъ нашихъ.... забываемъ нищю братію.... гордость, плотоугодіе.... За то и наказаніе бываетъ по дѣламъ нашимъ.

Вышневецкая.

Я это давно знаю; не понимаю только, къ чему вы передо мной теряете даромъ свое краснорѣчіе.

Юсовъ.

Близко сердцу моему.... Положимъ, хоть и тутъ не подлежу большой отвѣтственности.... но все таки надъ такой особой! Что прочно.... когда и санъ не защищаетъ.

Вышневецкая.

Надъ какой особой?

Юсовъ.

Опала на насъ-съ.

Вышневецкая.

Да говорите!

Юсовъ.

Открылись, якобы, упущенія, недочеты суммъ и разныя злоупотребленія.

Вышневецкая.

Что-же?

Юсовъ.

Такъ насъ подъ судъ-съ.... То есть я-то собственно не подлежу большой отвѣтственности, а Аристархъ Владимірычъ должны будутъ....

Вышневецкая.

Что должны?

Юсовъ.

Отвѣтствовать всемъ своимъ имуществомъ и подвергнуться суду за противозаконные, якобы, поступки.

ВЫШНЕВСКАЯ (*поднявъ глаза*).

Начинается расплата!

Юсовъ.

Конечно, смертный.... Станутъ придираяться, такъ, пожалуй, найдутъ что нибудь; я такъ полагаю, что, по нынѣшнимъ строгостямъ, отвѣтывать.... Долженъ буду ѳдѣтствовать безъ куска хлѣба.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Вамъ, кажется, далеко до этого.

Юсовъ.

Да вѣдь дѣти-сь. (*Молчаніе*.) Я все думалъ дорогой, съ прискорбіемъ думалъ: за что такое понущеніе на насъ? За гордость.... Гордость ослѣпляетъ человѣка, застилаетъ глаза.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Пошоте, какая тутъ гордость! просто за взятки.

Юсовъ.

Взятки? Взятки что-сь, маловажная вещь... многіе подвержены. Смиренія нѣтъ, вотъ главное.... Судьба все ровно, что фортуна.... какъ изображается на картинѣ.... колесо, и на немъ люди.... поднимается къ верху и опять опускается внизъ, возвышается и потомъ смиряется, превозносится собой и опять ничто.... такъ все кругообразно. Устраивай свое благосостояніе, трудись, приобрѣтай имущество.... вознось въ мечтахъ.... и вдругъ нагъ!... Надпись подписана подь этой фортуной.... (*Съ чувствомъ*.)

Чуденъ въ свѣтъ человѣкъ!
Суетится цѣлый вѣкъ,
Счастія сыскать желаетъ,
А того не воображаетъ,
Что судьба имъ управляетъ.

Вотъ что раскусить надо! Вотъ что долженъ человѣкъ помнить! Мы родимся, ничего не имѣемъ, такъ и въ могилу. Для чего же трудимся? Вотъ философія! Что нашъ умъ? Что онъ можетъ постигнуть? (*Входитъ Вышневскій и молча проходитъ въ кабинетъ. Юсовъ встаетъ.*)

ВЫШНЕВСКАЯ.

Какъ онъ измѣнился!

Ю С О В Ъ.

За докторомъ бы послать. Съ ними давеча въ присутствіи дурно сдѣлалось. Такой ударъ.... человѣку благороднымъ чувствъ.... какъ его перенести!

ВЫШНЕВСКАЯ (*звонитъ; входитъ мальчикъ*).

Сходи за докторомъ, попроси поскорѣй пріѣхать. (*Вышневецкій выходитъ и садится въ кресла.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Вышневецкій.

ВЫШНЕВСКАЯ (*подходя къ нему*).

Я слышала отъ Акима Акимыча, съ вами несчастье. Не падайте духомъ. (*Молчаніе.*) Вы ужасно перемѣнились. Вы дурно себя чувствуете? Я послала за докторомъ.

ВЫШНЕВСКИЙ.

Какое лицемеріе! Какая гнусная ложь! Какая подлость!

ВЫШНЕВСКАЯ (*гордо*).

Ни какой лжи! Я васъ жалѣю, какъ стала бы жалѣть всякаго въ несчастіи — ни больше, ни меньше. (*Отходитъ и садится.*)

ВЫШНЕВСКИЙ.

Неужно мнѣ вашихъ сожалѣній. Не жалѣйте меня! я обезчещенъ, разоренъ! За что?

ВЫШНЕВСКАЯ.

Спросите у вашей совѣсти.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Не говорите о совѣсти! Вы не имѣете права говорить о ней.... Юсовъ! За что я погибъ?

Юсовъ.

Превратность.... судьба-съ.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Вздоръ, какая судьба! Сильные враги — вотъ причина! Вотъ что меня сгубило! Проклятіе вамъ! Позавидовали моему благополучію. Какъ не позавидовать! Человѣкъ въ нѣсколько лѣтъ возвышается, богатѣетъ, смѣло создаетъ свое благоденствіе, строитъ дома и дачи, покупаетъ деревню за деревней, вырастаетъ выше ихъ цѣлой головой. Какъ не позавидовать! Человѣкъ идетъ къ богатству и почестямъ какъ по лѣстницѣ. Чтобы перегнать, или хоть догнать его, нуженъ умъ, геній. Ума взять негдѣ, ну такъ подставить ему ногу. Я задыхаюсь отъ бѣшенства.

Юсовъ.

Зависть человѣка можетъ на все подвигнуть....

ВЫШНЕВСКІЙ.

Не паденіе меня бѣситъ, нѣтъ — а торжество, которое я имъ доставлю своимъ паденіемъ. Что теперь разговоръ! что радости! О, чортъ возьми, я не переживу! (*Звонитъ. Входитъ Антонъ.*) Воды.... (*Антонъ подаетъ и уходитъ.*) Теперь съ вами мнѣ нужно поговорить.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Что вамъ угодно?

ВЫШНЕВСКІЙ.

Мнѣ угодно вамъ сказать, что вы развратная женщина.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Аристархъ Владимірычъ, здѣсь посторонніе люди.

Юсовъ.

Прикажете уйти?

ВЫШНЕВСКІЙ.

Останься! Я скажу тоже самое при всей дворнѣ.

ВЫШНЕВСКАЯ.

За что вы оскорбляете меня? Вамъ не на кого излить свою без-
сильную злобу. Не грѣхъ ли вамъ!

ВЫШНЕВСКІЙ.

Вотъ вамъ доказательство моихъ словъ. (*Бросаетъ конвертъ съ
письмами. Юсовъ поднимаетъ и подаетъ Вышневецкой.*)

ВЫШНЕВСКАЯ.

Благодарю васъ. (*Судорожно разматриваетъ ихъ и прячетъ
въ карманъ.*)

ВЫШНЕВСКІЙ.

Юсовъ, что дѣлаютъ съ женщиной, которая, не смотря на всѣ
благодѣянія мужа, забываетъ свой долгъ?

Ю С О В Ъ.

Гм.... Гмм....

ВЫШНЕВСКІЙ.

Я тебѣ скажу. Выгоняютъ съ позоромъ! Да, Юсовъ, я не-
счастенъ, вполнѣ несчастенъ, я одинокъ. Не бросай хоть ты меня.
Человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ высоко поставленъ, когда онъ въ
горѣ, все таки ищетъ утѣшенія въ семействѣ. (*Съ злобою.*) А я на-
хожу въ своемъ семействѣ....

ВЫШНЕВСКАЯ.

Не говорите про семейство! У васъ его никогда не было. Вы
даже не знаете, что такое семейство! Позвольте же теперь, Ар-
стархъ Владимірычъ, высказать вамъ все, что я перенесла, живя съ
вами.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Для васъ нѣтъ оправданій.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Я и не хочу оправдываться, — мнѣ не въ чемъ оправдываться. За минутное увлеченіе я перенесла много горя, много униженія, но, повѣрьте, безъ ропота на судьбу и безъ проклятій, какъ вы. Я хочу вамъ сказать только, что если я виновата, то передъ собою одной, а не передъ вами. Вы не должны меня упрекать. Еслибъ вы имѣли сердце, вы бы чувствовали, что вы меня погубили.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Ха, ха! Вишите кого другаго въ вашемъ поведеніи, а не меня.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Нѣтъ, васъ. Развѣ вы жену брали себѣ? Вспомните, какъ вы за меня сватались! Когда вы были женихомъ, я не слыхала отъ васъ ни одного слова о семейной жизни; вы вели себя, какъ старый волокита, обольщающій молодыхъ дѣвушекъ подарками, смотрѣли на меня какъ сатиръ. Вы видѣли мое отвращеніе къ вамъ и, не смотря на это, вы все таки купили меня за деньги у моихъ родственниковъ, какъ покупаютъ невольницъ въ Турціи. Чего же вы отъ меня хотите?

* ВЫШНЕВСКІЙ.

Вы моя жена, не забывайте! и я въ правѣ всегда требовать отъ васъ исполненія вашего долга.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Да, вы свою покупку, не скажу оскланили, нѣтъ, — а закрыли, замаскировали бракомъ. Иначе нельзя было: мои родные не согласились бы, а для васъ все равно. И потомъ, когда ужъ вы были моимъ мужемъ, вы не смотрѣли на меня, какъ на жену: вы покупали за деньги мои лапки. Если вы замѣчали во мнѣ отвращеніе къ вамъ, вы спѣшили ко мнѣ съ какимъ нибудь дорогимъ подаркомъ и тогда ужъ подходили смѣло, съ полнымъ правомъ. Что же мнѣ было дѣлать... вы все таки мой мужъ: я покорялась. О! перестанешь уважать себя. Каково испытывать чувство презрѣнія къ самой себѣ! Вотъ до чего вы довели меня! Но что со мной было потомъ, когда я узнала, что даже деньги, которыя вы мнѣ дарите, — не ваши; что онѣ приобрѣтены не честно...

ВЫШНЕВСКІЙ (*привстаетъ*).

Замолчите!

ВЫШНЕВСКАЯ.

Извольте, я замолчу объ этомъ, вы уже довольно наказаны: но я буду продолжать о себѣ.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Говорите, что хотите, мнѣ все равно; вы не измѣните моего мнѣнія о васъ.

ВЫШНЕВСКАЯ.

Можетъ быть вы о себѣ измѣните мнѣніе послѣ моихъ словъ. Вы помните, какъ я дичилась общества, и боялась его. И не даромъ. Но вы требовали, — и должна была уступить вамъ. И вотъ, совѣтъ неприготовленную, безъ совѣта, безъ руководителя, вы ввели меня въ свой кругъ, въ которомъ некушеніе и перокъ на каждомъ шагу. Некому было ни предупредить, ни поддержать меня! Впрочемъ, я сама узнала всю мелочность, весь развратъ тѣхъ людей, которые составляютъ наше знакомство. Я берегла себя. Въ то время, я встрѣтила въ обществѣ Любимова, вы его знали. Помните его открытое лицо, его свѣтлые глаза, какъ умень и какъ чистъ былъ онъ самъ! Какъ горячо онъ спорилъ съ вами, какъ смѣло говорилъ про всякую ложь и неправду! Онъ говорилъ то, что я уже чувствовала, хотя и не ясно. Я ждала отъ васъ возраженій. Возраженій отъ васъ небыло: вы только клеветали на него, за глаза выдумывали гнусныя сплетни, старались уронить его въ общественномъ мнѣніи, и больше ничего. Какъ я желала тогда заступиться за него; но я не имѣла для этого ни возможности, ни достаточно ума. Мнѣ оставалось только.... полюбить его.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Такъ вы и сдѣлали?

ВЫШНЕВСКАЯ.

Такъ я и сдѣлала. Я видѣла потомъ, какъ вы губили его, какъ мало по малу достигали своей цѣли. То есть не вы одни, а все, кому это нужно было. Вы сначала вооружили противъ него общество, говорили, что его знакомство опасно для молодыхъ людей, потомъ твердили постоянно, что онъ вольнодумецъ и вредный человекъ и возстановили противъ него его начальство; онъ принужденъ былъ оставить службу, родныхъ, знакомство, уѣхать отсюда.... (*Закрываетъ глаза платкомъ.*) Я все это видѣла, все выстрадала на себѣ.

Я видѣла торжество злобы, а вы все еще считаете меня той дѣвочкой, которую вы купили и которая должна быть благодарна и любить васъ за ваши подарки. Изъ моихъ чистыхъ отношеній къ нему сдѣлали гнусную сплетню; дамы стали явно клеветать на меня, а тайно завидовать; молодые и старые волокиты стали безъ церемоніи преслѣдовать меня. Вотъ до чего вы довели меня, женщину, достойную, можетъ быть, лучшей участи, женщину способную понимать истинное значеніе жизни и ненавидѣть зло! Вотъ все, что я хотѣла сказать вамъ,—больше вы не услышите отъ меня упрека никогда.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Напрасно. Я теперь бѣдный человѣкъ, а бѣдные люди позволяютъ своимъ женамъ ругаться. Это у нихъ можно. Если бы я былъ тотъ Вышневецкій, какимъ былъ до нынѣшняго дня, я бы васъ прогналъ безъ разговору; но мы теперь, благодаря врагамъ моимъ, должны спуститься изъ круга порядочныхъ людей. Въ низшемъ кругу мужа бранятся съ своими женами и иногда дерутся—и это не дѣлаетъ никакого скандала. *(Входитъ Жадовъ съ женой.)*

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТѢ-ЖЕ, Жадовъ и Полина.

ВЫШНЕВСКІЙ.

Ты за чѣмъ?

Жадовъ.

Дядюшка, извините....

Полина.

Здравствуйте, дяденька! Здравствуйте, тетенька! *(Шепчетъ Вышневецкой).* Пришелъ мѣста просить. *(Садится подлѣ Вышневецкой).*

ВЫШНЕВСКАЯ.

Какъ! Неужели? *(Смотритъ съ любопытствомъ на Жадова.)*

ВЫШНЕВСКІЙ.

Ты пришелъ посмѣяться надъ дядей!

Жадовъ.

Дядюшка, я, быть можетъ, оскорбилъ васъ. Извините меня... увлеченіе молодости, незнаніе жизни... я не долженъ былъ... вы мой родственникъ.

Вышневецкій.

Ну!

Жадовъ.

Я испыталъ, что значить жить безъ поддержки ... безъ протекціи... я женатъ.

Вышневецкій.

Ну, чтожь тебѣ?

Жадовъ.

Я живу очень бѣдно... Для меня бы стало; но для жены, которую я очень люблю... Позвольте мнѣ опять служить подъ вашимъ начальствомъ... дядюшка, обезпечте меня! Дайте мнѣ мѣсто, гдѣ бы я... могъ... (*тихо*) приобрести что нибудь.

Полина (*Вышневецкой*).

Подходитеже.

Вышневецкій (*хохочетъ*).

Ха, ха, ха... Юсовъ! Вотъ они герои-то! Молодой человекъ, который кричалъ на всѣхъ перекресткахъ про взяточниковъ, говорилъ о какомъ-то новомъ поколѣніи, идетъ къ намъ же просить доходнаго мѣста, чтобы брать взятки. Хорошо новое поколѣніе! ха, ха, ха!

Жадовъ (*встаетъ*).

Охъ! (*Хватается за грудь*.)

Юсовъ.

Молодь была! Развѣ дѣло говорилъ! Одни слова... Такъ они словами и останутся. Жизнь-то дастъ себя знать. (*Нюхаетъ табакъ*.) Бросишь философію-то. Только то нехорошо, что прежде надобно было умныхъ людей послушать, а не грубить.

Вышневецкій (*Юсову*).

Нѣтъ, Юсовъ, помнишь какой тонъ былъ! Какая увѣренность въ самомъ себѣ! Какое негодованіе къ пороку! (*Жадову, больше и бо-*

лѣе разорячаясь.) Не ты ли говорилъ, что растеть какое-то новое поколѣніе образованныхъ, честныхъ людей, мучениковъ правды, которые обличать насъ, закидаютъ насъ грязью? Не ты ли? Признаюсь тебѣ, я вѣрилъ. Я васъ глубоко ненавиждь.... я васъ боялся. Да, не шутя. И чтожь оказывается! Вы честны до тѣхъ поръ, пока не выдохлись уроки, которые вамъ долѣбли въ голову; честны только до первой встрѣчи съ нуждой! Ну, обрадовалъ ты меня, нечего сказать!... Нѣтъ, вы не стоите ненависти — я васъ презираю!

Жадовъ.

Презирайте, презирайте меня. Я самъ себя презираю.

Вышневецкій.

Вотъ люди, которые взяли себѣ привилегію на честность! Мы съ тобой осрамлены! Насъ отдали подъ судъ....

Жадовъ.

Что я слышу!

Юсовъ.

Люди — всегда люди.

Жадовъ.

Дядюшка, я не говорилъ, что наше поколѣніе честнѣй другихъ. Всегда были и будутъ честные люди, честные граждане, честные чиновники; всегда были и будутъ слабые люди. Вотъ вамъ доказательство — я самъ. Я говорилъ только, что въ наше время.... (*начинаетъ тихо и постепенно одушевляться*) общество мало-по-малу бросаетъ прежнее равнодушіе къ пороку, слышатся энергическіе возгласы противъ общественнаго зла.... Я говорилъ, что у насъ пробуждается сознание своихъ недостатковъ; а въ сознании есть надежда на лучшее будущее. Я говорилъ, что начинается создаваться общественное мнѣніе.... что въ юношахъ воспитывается чувство справедливости, чувство долга, и оно растеть, растеть, и принесетъ плоды. Не увидите вы, такъ мы увидимъ и возблагодаримъ Бога. Мосіи слабости вамъ нечего радоваться. Я не герой, я обыкновенный, слабый человѣкъ; у меня мало воли, какъ почти у всѣхъ насъ. Нужда, обстоятельства, необразованность родныхъ, окружающій развратъ могутъ загнать меня, какъ загоняють почтовую лошадь. Но довольно

одного урока, хоть такого, какъ теперь.... благодарю васъ за него; довольно одной встрѣчи съ порядочнымъ человѣкомъ, чтобы воскресить меня, чтобы поддержать во мнѣ твердость. Я могу поколебаться, но преступленія не сдѣлаю; я могу спотыкнуться, но не унасть. Мое сердце ужь размягчено образованіемъ, оно не загрубѣетъ въ порокѣ. (*Молчаніе.*) Я не знаю, куда дѣться отъ стыда.... Да, мнѣ стыдно, стыдно, что я у васъ.

Вышневецкій (*поднимался*).

Такъ поди вонъ!

Жадовъ (*кротко*).

Пойду. Полина, теперь ты можешь идти къ маменькѣ; я тебя держать не стану. Ужь теперь я не измѣню себѣ. Если судьба приведетъ къ тебѣ одинъ черный хлѣбъ,—буду къ тебѣ одинъ черный хлѣбъ. Никакія блага не соблазнятъ меня, нѣтъ! Я хочу сохранить за собою дорогое право глядѣть всякому въ глаза прямо, безъ стыда, безъ тайныхъ угрызений, читать и смотрѣть сатиры и комедіи на взяточниковъ и хохотать отъ чистаго сердца, откровеннымъ смѣхомъ. Если вся жизнь моя будетъ состоять изъ трудовъ и лишеній, я не буду роптать.... Одного утѣшенія буду просить я у Бога, одной награды буду ждать. Чего, думаете вы? (*Короткое молчаніе.*) Я буду ждать того времени, когда взяточникъ будетъ бояться суда общественного больше, чѣмъ уголовного.

Вышневецкій (*встаетъ*).

Я тебя задушю своими руками! (*Шатается.*) Юсовъ, мнѣ дурно. Проводи меня въ кабинетъ. (*Уходитъ съ Юсовымъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Вышневецкая, Жадовъ, Полина, и потомъ Юсовъ.

Полина (*подходитъ къ Жадову*).

Ты думалъ, что я въ самомъ дѣлѣ хочу тебя оставить? Это я нарочно. Меня научили.

Вышневецкая.

Помиритесь, дѣти мои. (*Жадовъ и Полина цѣлуются.*)

Юсовъ (въ дверяхъ).

Доктора! Доктора!

Вышневецкая (приподнимаясь въ креслахъ).

Что, что?

Юсовъ.

Съ Аристархомъ Владимірычемъ ударъ!

Вышневецкая (слабо вскрикнувъ).

Ахъ! (Опускается въ кресла; Полина, со страху, прижимается къ Жадову; Жадовъ опирается рукой на столъ и опускаетъ голову. Юсовъ стоитъ у двери, совершенно растерявшись. Картина.)

1855 г.

Конецъ.

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОНЪ — ДО ОБЪДА.

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОНЪ — ДО ОБЪДА. (*)

КАРТИНЫ ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

ЛИЦА.

ПАВЛА ПЕТРОВНА БАЛЬЗАМИНОВА, вдова.
МИХАЙЛО ДМИТРИЧЪ БАЛЬЗАМИНОВЪ, ея сынъ, чиновникъ, 25 лѣтъ.
КЛЕОПАТРА ИВАНОВНА НИЧКИНА, вдова купчиха, 35 лѣтъ.
КАПОЧКА (Каштолина), ея дочь, 17 лѣтъ.
УСТИНЬКА, подруга Капочки, купеческая дочь, 20 лѣтъ.
АКУЛИНА ГАВРИЛОВНА КРАСАВИНА, сваха.
НИЛЪ БОРИСЫЧЪ НЕУЪДЕНОВЪ, купецъ, братъ Ничкиной, 40 лѣтъ.
ЮША (Ефимъ), сынъ его, 13 лѣтъ.
МАТРЕНА, кухарка у Бальзаминовыхъ.
МАЛАНЬЯ, горничная у Ничкиной.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Бѣдная комната; направо дверь, у двери старинные часы, прямо печь изразцовая, съ одной стороны ея шкапъ, съ другой дверь въ кухню; направо комодъ, на немъ туалетное зеркало; на первомъ планѣ окно, у окна столъ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Бальзаминова (одна, сидитъ съ чулкомъ въ рукахъ).

Миша! Миша! Что ты тамъ въ кухнѣ дѣлаешь? (Бальзаминовъ, изъ кухни: «Не мѣшайте, маменька! Матрена меня завиваетъ!») Все завивается! Все завивается! Красотой-то своей ужъ очень занятъ. Эхъ, молодо, зелено! Все счастье себѣ хочетъ составить,

(*) По народному повѣрью, сонъ, видѣнный подлѣ праздника, сбывается только до обѣда.

прельстить когонибудь. А я такъ думаю, не прельститъ онъ никого; разумомъ-то онъ у меня больно плохъ. Другой и собою-то, изъ лица-то не казистъ, такъ словами обойдетъ; а мой-то умныхъ словъ совѣмъ не знаетъ. Да, да! Ужъ и жаль его. Знай-ка онъ умныя-то слова, по нашей бы сторонѣ много могъ выиграть: сторона глухая, народъ темный. А то словъ-то умныхъ не знаетъ. Да и набратъся-то негдѣ. Ужъ хоть бы изъ стиховъ что ли выисывалъ. (*Подумавъ.*) И диковина это, что случилось! Въ кого это онъ родился такъ бѣлокуръ? Опять бѣда: нынче бѣлокурые-то не въ модѣ. Ну и пось.... не то, чтобы онъ курносый вовсе, а такъ мало какъ-то, чего-то не хватаетъ. А понравится хочется, особенно кабы богатой невѣстѣ. Ужъ такъ, бѣдный, право, старается,—изъ кожи лѣзетъ. Ктожъ себѣ врагъ! Сторона-то у насъ такая, богатыхъ невѣстъ очень много, а глупы вѣдь. Можетъ, Мишѣ и посчастливится по ихъ глупости. Умникомъ-то его очень Богъ обидѣлъ. (*Бальзаминовъ кричитъ изъ кухни: «Маменька, я хочу аля-полька завиться!».*) Глушенькій, глушенькій! Зачѣмъ ты завиваешься-то? Волосы только ерошишь да жжешь, всѣ врозь смотреть. Такъ-то лучше къ тебѣ идти, натуральнѣе! Ахъ ты, Миша, Миша! Миѣ-то ты милъ, я-то тебя ни на кого не промѣняю; какъ-то другимъ-то понравишься, особенно богатымъ-то? Что-то ужъ и не вѣрится! На мой-то бы глаза лучше и нѣтъ тебя, а другіе-то нынче разборчивы. Поговорятъ съ тобой, ну и увидятъ, что ты умомъ-то недостаточенъ. А ктожъ этому виновать? (*Вздыхаетъ.*) Глушенькой ты мой! А вѣдь можетъ быть и счастливъ будетъ. Говорятъ, такимъ-то Богъ счастье даетъ. (*Вязетъ чулокъ. Бальзаминовъ въ халатъ вбѣгаетъ изъ кухни.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Бальзаминовъ, Бальзаминова и Матрена.

Бальзаминовъ (*держась за голову*).

Ухо, ухо! Батюшки, ухо!

Матрена (*въ двери, со щипцами*).

Я вѣдь не полихмахтеръ, съ меня что взять-то!

Бальзаминовъ.

Да вѣдь я тебя просилъ волосы завивать-то, а не уши.

МАТРЕНА.

А зачѣмъ велики отростить! Ишь шелъ бы къ пошмахтеру: а съ меня что взять-то! (*Уходитъ.*)

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Батюшки, чтожъ мнѣ дѣлать-то! (*Подходитъ къ зеркалу.*) Ай, ай, ай! Почернѣло все!.. Ужъ больно-то, нужны бѣ ить, какъ бы только его волосами закрыть, чтобы не видно было.

БАЛЬЗАМИНОВА.

За дѣло!

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Какое, задѣла! Такъ горячими-то щипцами все ухо и ухватила... Ой, ой, ой! Маменька! Даже до лихорадки... Ой, батюшки!

БАЛЬЗАМИНОВА.

Я говорю, Миша, за дѣло тебѣ. Зачѣмъ завиваться! Что хорошаго! Точно какъ цирюльникъ: да и грѣхъ. Ужъ какъ ни завивайся, лучше не будешь.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Какъ вы, маменька, мнѣ счастья не желаете, я не понимаю. Какъ мы живемъ? Просто бѣдствуемъ.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Такъ чтожъ! Зачѣмъ-же волосы-то портить?..

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Да вѣдь нынче праздникъ.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Такъ чтожъ, что праздникъ?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Какъ, что? Здѣсь сторона купеческая: можетъ такой случай выйти... Вдругъ...

БАЛЬЗАМИНОВА.

Все у тебя глуности на умѣ.

Бальзаминовъ.

Какія же глупости?

Бальзаминова.

Разумѣется, глупости. Развѣ хорошо? Растреплешь себѣ волосы, да и пойдешь мимо богатыхъ купцовъ подъ окнами ходить. Какъ ни-будь и бѣды наживешь. Другой ревнивый мужъ или отецъ вышлетъ дворника съ метлой.

Бальзаминовъ.

Ну, чтожъ такое? Ну, вышлетъ; можно и убѣжать.

Бальзаминова.

Не зачѣмъ шататься-то.

Бальзаминовъ.

Какъ не зачѣмъ? Развѣ лучше въ бѣдности-то жить! Ну я годъ прохожу, ну два, ну три, ну онять, — вѣдь также у меня время-то идетъ, — за то вдругъ ..

Бальзаминова.

Лучше бы ты служилъ хорошенько.

Бальзаминовъ.

Что служить-то! Много-ли я выслужу? А тутъ вдругъ зацѣпишь миллионъ.

Бальзаминова.

Ужъ и миллионъ?

Бальзаминовъ.

А чтожъ такое! Нешто не бываетъ. Вы сами-жъ сказывали, что я въ сорочкѣ родился. (*Molmanie.*) Ахъ, маменька, не повѣрите, какъ мнѣ хочется быть богатымъ, такъ и сплю и вижу. Кажется... эхъ... разорвался бы! Ужъ такъ хочется, такъ хочется!

Бальзаминова

Дурное ли дѣло!

Бальзаминовъ.

Вѣдь другой и богатъ, да что проку-то: деньгами не умѣеть распорядиться: даже досадно смотрѣть.

БАЛЬЗАМИНОВА.

А ты умѣешь?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Да, конечно, умѣю. У меня, маменька, вкусу очень много. Я знаю, что мнѣ къ лицу. (*Подбѣгаетъ къ окну.*) Маменька, маменька, поглядите!

БАЛЬЗАМИНОВА.

Нужно очень!

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Какая ѣдетъ-то! Вся бархатная! (*Садится у окна, повѣся голову.*) Вотъ кабы такая влюбилась въ меня, да вышла за меня замужъ, чтобы я сдѣлалъ!

БАЛЬЗАМИНОВА.

А что?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

А вотъ: во первыхъ сшилъ бы себѣ голубой плащъ на черной бархатной подкладкѣ. Надо только вообразить, маменька, какъ мнѣ голубой цвѣтъ къ лицу! Купилъ бы себѣ сѣрую лошадь и бѣговья дрожки и ѣздилъ бы по Зацѣнѣ, маменька, и самъ правилъ....

БАЛЬЗАМИНОВА.

Все-то вздоръ у тебя.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Да, я вамъ и забылъ сказать, какой я сонъ видѣлъ! Вотъ разгадайте-ка.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Ну, говори, какой?

БАЛЬЗАМИНОВЪ (*беретъ стулъ и садится подлѣ матери*).

Вотъ, вдругъ я вижу, будто я ѣду въ хорошей коляскѣ и одѣтъ, будто, я очень хорошо, со вкусомъ: жилетка, будто, на мнѣ, маменька, черная, съ мелкими золотыми полосками; лошади, будто, сѣрые, а ѣду я подлѣ рѣки....

Бальзаминова.

Лошадь — ложь; рѣка — рѣчи, разговоръ.

Бальзаминовъ

Слушайте, маменька, что дальше было. Вотъ, вижу я, будто, кучеръ меня уронилъ. во всемъ-то въ новомъ платьѣ, и прямо въ грязь.

Бальзаминова.

Грязь — это богатство.

Бальзаминовъ.

Да какая грязь-то, маменька! Брррр.... И, будто, я въ этомъ.... весь перепачкался. Такъ я и обмеръ! Во всемъ-то въ новомъ, вообразите!

Бальзаминова.

Это.... золото. Это тебѣ къ большому богатству.

Бальзаминовъ.

Кабы сбьлюсь! Хоть бы вотъ на смѣхъ одинъ сонъ сбьлся! Ужъ сколько я такихъ сновъ видѣлъ: и денегъ-то у меня много, и одѣтъ-то я очень хорошо, — проснешься, хватъ, анъ нѣтъ ничего. Одинъ разъ генераломъ себя видѣлъ. Какъ обрадовался! Нѣтъ! Перестану вѣрить снамъ.

Бальзаминова.

Какъ можно не вѣрить.

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Одинъ обманъ....

Бальзаминова.

А вотъ подождемъ. Праздничный сонъ — до обѣда сбывается: коли до обѣда не сбудется, такъ ничего не будетъ, — надобно его совсѣмъ изъ головы выкинуть.

Бальзаминовъ.

Я, маменька, одѣнусь, да поѣду погуляю. (*Уходитъ.*)

Бальзаминова.

А сонъ-то въ самомъ дѣлѣ хорошъ. Чего не бываетъ на свѣтѣ! Можетъ быть и ему счастье выйдетъ.

МАТРЕНА (*въ дверяхъ*).

Какая-то старуха, русачка, васъ спрашиваетъ.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Ну, позови! (*Матрена уходитъ.*) Что ей отъ меня нужно? Право не придумаю. Ужъ не сваха ли? (*Красавина входитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

Красавина и Бальзаминова.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Садитесь, матушка! (*Красавина садится.*) Что вамъ угодно?

КРАСАВИНА.

Аль не узнали?

БАЛЬЗАМИНОВА.

Не признаю, матушка.

КРАСАВИНА

Ужъ, кажется, нашу сестру изъ тысячи выберешь. Видна сова по полету. Гдѣ сынъ-то?

БАЛЬЗАМИНОВА.

Отъбывается.

КРАСАВИНА.

Ну ужъ кавалеръ, нечего сказать! Съ-полету бьетъ! Крикнулъ это, гаркнулъ: сивка, бурка, вѣщая каурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой! Въ одно ухо влѣзь, въ другое вылѣзь, сталъ молодецъ молодцомъ. Сидитъ королевшина въ своемъ новомъ теремѣ на двѣнадцати вѣщахъ. Подскочилъ на всѣ двѣнадцать вѣщцовъ, поцѣловалъ королевшину во сахарны уста, а та ему именной печатью въ лобъ и запечатала для памяти.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Теперь, матушка, понимаю. Миша, Миша! (*Бальзаминовъ входитъ во фракъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТѢ-ЖЕ И БАЛЬЗАМИНОВЪ.

КРАСАВИНА.

Красота моя неописанная! Младой вьюношь, чѣмъ дарить будешь?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Кого?

КРАСАВИНА.

Меня.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

За что?

КРАСАВИНА.

Много будешь знать, скоро состарѣешься. Ты подарокъ-то готовь.

БАЛЬЗАМИНОВЪ (*сконфузившись*).

Чѣмъ тебя дарить-то? (*Шаритъ въ карманахъ.*) Право.... эхъ.... ничего-то у меня нѣтъ.

КРАСАВИНА.

На нѣтъ—суда нѣтъ. Теперь нѣтъ, послѣ будетъ. Смотри же, уговорь лучше денегъ. Миѣ многого не надо, ты самъ человѣкъ бѣдный, только вдругъ счастье-то тебѣ такое вышло. Ты миѣ подари кусокъ матеріи на платье, да платокъ пукетовый, французскій.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Да ужъ хорошо, ужъ что толковать!

КРАСАВИНА.

Что разгорачился больно! Надо толкомъ поговорить. Ты свое возьмешь и миѣ надо свое взять. Такъ смотри же, французскій. А то ты подаринь, пожалуй, платокъ-то по нѣтовой землѣ пустыми цвѣтами.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Да ужъ все, ужъ все, только говори.

КРАСАВИНА.

Аль сказать?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Говори, говори. Маменька, вотъ совѣтъ!

БАЛЬЗАМИНОВА.

Да, Миша.

КРАСАВИНА.

Развѣ видѣлъ что?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Видѣлъ, видѣлъ.

КРАСАВИНА.

Ну, вотъ тебѣ и вышло.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Да что вышло-то?

КРАСАВИНА.

Ишь ты какой проворный! Такъ тебѣ вдругъ и сказать! Вы хоть бы меня поподчивали чѣмъ нивудь. Ужъ, одно слово, обрадую.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Маменька, что жъ вы сидите въ самомъ дѣлѣ! Всего-то одинъ сынъ у васъ, и то не хлопчете объ его счастье!

БАЛЬЗАМИНОВА.

Что ты, съ-ума что ли сошелъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Да какже, маменька! Сами теперь видите, какая линия мнѣ выходить. Вдругъ человѣкомъ могу сдѣлаться... По нелюбѣ съ-ума сойденъ.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Чая не хотите ли?

КРАСАВИНА.

Пила, матушка, раза четыре ужъ нынче пила. Форму-то эту соблюдаешь, а проку-то отъ него не много.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Такъ не прикажете ли водочки?

КРАСАВИНА.

Праздничный день — можно. Я отъ добра не отказываюсь; во мнѣ нѣтъ этого.

БАЛЬЗАМИНОВА (*достаётъ изъ шкапа водку*).

Матрена! Сбѣгай въ лавочку, возьми колбасы. (*Матрена, изъ кухни: «что бѣгать-то, коли дома есть.»*) Такъ подавай поскорѣе. (*Матрена, изъ кухни: «подамъ. Надъ нами не каплетъ.»*)

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Вѣдь, вотъ, удавить Матрену вѣдь мало. (*Бальзаминава идетъ въ кухню и приноситъ на двухъ тарелкахъ хлѣбъ и колбасу, и ставитъ на столъ.*)

БАЛЬЗАМИНОВА.

Кушайте.

КРАСАВИНА.

Я ни отъ чего не отказываюсь. Все добро, все на пользу. Ничѣмъ не брезгаю. Во одномъ домѣ хотѣли надо мной насмѣшку сдѣлать, поднесли, вмѣсто водки, рюмку ладиколону.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Скажите! Какая насмѣшка!

КРАСАВИНА.

Ничего. Я вышла, да еще поблагодарила. Отъ него вѣдь вреда нѣтъ, отъ ладиколону-то. Съ праздникомъ! (*Пьетъ и закусываетъ.*)

БАЛЬЗАМИНОВА.

Кушайте на здоровье! Какъ васъ звать?

КРАСАВИНА.

Акулина Гавриловна. Между народомъ-то Говорилихой прозвали, такъ Говорилихой и кличуть.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Чѣмъ же, Акулина Гавриловна, обрадуете?

КРАСАВИНА.

Будто не знаешь! Ты вѣдь заполнилъ-то, такъ долженъ знать.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Право, не знаю.

КРАСАВИНА.

Каковъ молодець! Охъ глаза твои плутовскіе, больно завистливы! Высоко глаза-то закидываешь! А дѣвка-то теперь сохнетъ, по стѣнамъ мечется. Видитъ бѣду неминуемую, за Говорилихой сейчасъ: «выручай, Говорилиха!» — А Говорилихѣ то и на руку. Посольскую должность мнѣ не въ первый разъ править. Ноги съ подходомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Да отъ кого.

КРАСАВИНА.

Отъ кого! Тебѣ все сважи. Самъ догадайся. Гдѣ съ утра до ночи основу-то спуешь, а въ не знаешь? Онъ-то ходитъ подъ окнами манируетъ, а она ему изъ втораго этажа пленируетъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Такъ неужто Пичкина?

КРАСАВИНА (*ударивъ рукой по столу*).

Въ самую центру!

БАЛЬЗАМИНОВЪ (*ухвативъ себя за голову, вскакиваетъ*).

О-охъ, маменька! (*Стоитъ въ оцѣпенѣніи*.)

БАЛЬЗАМИНОВА.

Что съ нимъ?

КРАСАВИНА.

Отъ любви. Еще хуже бываетъ. Любовь — вѣдь она жестокая для сердець. Нѣтъ ея ужаснѣй. За невѣрность кровь проливаютъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Ахъ! (*Садится на стулъ*.)

БАЛЬЗАМИНОВА.

Съ чѣмъ же они, матушка, васъ къ намъ прислали, съ какимъ предложеніемъ?

КРАСАВИНА.

На счетъ знакомства. Надо прежде познакомиться.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Разумѣется.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Познакомиться! Боже мой!

КРАСАВИНА.

А вотъ пошлите молодца-то уже, послѣ вечерень, будто попроситься въ садъ погулять, да вечеромъ и приходите, — они васъ деликатнымъ манеромъ пригласятъ чай кушать.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Ну и прекрасно, мы такъ и сдѣлаемъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Маменька, я съума сойду! Миѣ ужъ что-то казаться начинается.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Глупенькій, глупенькій!

КРАСАВИНА.

Любовь дѣйствуетъ. Такъ что жъ миѣ своимъ-то сказать?

БАЛЬЗАМИНОВА.

Миша, что сказать?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Скажи, что я умираю отъ любви; что, можетъ быть, умру къ вечеру.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Ну, что за глупости ты говоришь.

КРАСАВИНА.

Зачѣмъ умирать! Надо жить, а мы на васъ будемъ радоваться.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, пускай сберутъ все розы и лилей и насыплютъ на гробъ мой.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Эхъ, Миша, уже не говорилъ бы ты лучше, не стыдилъ бы ты меня. Такъ мы придемъ. А позвольте спросить.... конечно, еще все это, какъ Богъ дастъ, а все-таки интересно знать, какъ на счетъ приданого?

КРАСАВИНА.

Золотая невѣста! У нея своихъ денегъ, — послѣ отца досталась, — триста тысячъ серебра.

БАЛЬЗАМИНОВЪ (*вскочивъ*).

Охо, хо, хо! (*Ходитъ по комнатѣ.*)

КРАСАВИНА.

Ишь его схватываетъ!

БАЛЬЗАМИНОВА.

Что это ты, Миша, не умѣешь вести себя! Ужъ извините его, — отъ радости.

КРАСАВИНА.

Обрадуешься! Деньги-то деньгами, да и собою-то ужъ очень красивица: тѣломъ сахаръ, изъ себя солидна, во всей полнотѣ, какъ одѣвается, двѣ дѣвки насилу застегнуть. Даже нѣсколько совѣтится. Чего же, я говорю, совѣтится, коли Богъ дасть. Аккуратъ пельсикъ. Ну, прощайте! Вечеркомъ увидимся.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Прощайте! На дорожку-то. (*Нагибаетъ.*)

КРАСАВИНА.

Что вынить; объ одной-то хромать будешь. (*Пьетъ и закусываетъ.*) Прощай, побѣдитель!

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Прощай! (*Кидается къ ней на шею.*)

КРАСАВИНА.

Радъ, радъ, ужъ вижу, что радъ; только смотри, подь силу-ль дерево-то рубишь? Ну, прощай, развозжай, разниа ужъ уѣхалъ. (*Уходитъ; Бальзаминова провожаетъ ее до кухни и возвращается.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Бальзаминовъ, Бальзаминова и потомъ Матрена.

Бальзаминовъ.

Гдѣ мой крадашъ, гдѣ мой крадашъ?

Бальзаминова.

На что тебѣ крадашъ?

Бальзаминовъ.

Надо, маменька. Матрена! Матрена! (*Матрена входитъ.*) Гдѣ мой крадашъ?

Матрена.

А я почему знаю. Какой же ты писарь послѣ этого, когда крадашъ потерялъ.

Бальзаминовъ.

Писарь! писарь!

Матрена.

Вѣдь крадашъ у тебя все равно, что у солдата ружье. Такъ нешто солдаты ружья теряютъ?

Бальзаминовъ.

Какой я писарь! Я скоро баринъ буду.

Матрена.

Ты баринъ? Не похоже.

Бальзаминовъ.

А вотъ увидишь, какъ триста тысячъ получу.

Матрена.

Триста тысячъ! Не вѣрю. У кого жъ это такія деньги обѣщаны, чтобъ за тебя триста тысячъ дали. Да ты ихъ счесть то не умѣешь.

Бальзаминовъ.

Ну да что съ тобой разговаривать! Ты ничего не понимаешь.

МАТРЕНА.

Гдѣ понимать! А еще женихъ, жениться хочетъ, а самъ крадашъ потерялъ. Безстыдникъ!

БАЗАМИНОВЪ (*шаритъ въ боковомъ карманѣ*).

Вотъ онъ, нашелъ.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Ну, чтожъ будетъ?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

А вотъ сейчасъ. (*Беретъ съ комода бумажку и садится у стола.*) Я теперь получаю жалованья сто двадцать руб. въ годъ, мы ихъ и проживаемъ; а какъ будетъ триста тысячъ (*пишетъ триста т.*), такъ если по тысячѣ въ годъ... все-таки мнѣ на триста лѣтъ хватить.

МАТРЕНА (*всплеснувъ руками*).

Батюшки!

БАЛЬЗАМИНОВА.

Неужели-жъ ты триста лѣтъ хочешь прожить!...

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Ну, позвольте! Если по двѣ въ годъ (*пишетъ*), все на полтора раста лѣтъ хватить.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Ты рехнулся совсѣмъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Чтожъ, маменька, при хорошей-то жизни, можетъ быть, и проживешь.

МАТРЕНА.

Какъ не прожить!

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Ахъ, я о процентахъ то и забылъ. Сколько, маменька, процентовъ съ трехъ-сотъ тысячъ?

БАЛЬЗАМИНОВА.

Да, чай, тысячь двѣнадцать.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Кажется, маменька, съ чѣмъ-то двѣнадцать тысячь.

МАТРЕНА.

Съ денежкой.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Съ какой денежкой! Что ты врешь!

МАТРЕНА.

Что считать-то, чего нѣтъ. Смотрѣть-то скучно. Ты вотъ, сочти лучше: девять вѣнниковъ, по денежкѣ вѣникъ, много ли денегъ? И того не счесть. (*Уходитъ.*)

БАЛЬЗАМИНОВЪ (*встаетъ*).

Пойду погулять, пусть немного вѣтромъ обдуетъ; а то много мыслей въ головѣ объ жизни.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Ты бы пока слова-то подбиралъ, какія уже говорить съ невестой.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

А вотъ я, во время прогулки, и буду слова подбирать.

БАЛЬЗАМИНОВА.

А я платье приготовлю, надо ужъ одѣться хорошенько. (*Уходятъ.*)

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Въ домъ кучихи Ничкиной: богатая купеческая гостиная, хорошо меблированная; рояль.

ЯВЛЕНИЕ I.

Ничкина, въ широкой блузѣ, Капочка, тоже, и Маланья входятъ.

Ничкина.

Какъ жарко! А пообедаешь, такъ еще пуще разморить.. такъ разморить... разморить такой нападетъ, не глядѣла-бѣ ни на что! (*Садится на диванъ.*)

Капочка.

Давай, Милаша, споемъ.

Ничкина.

Ну васъ, и такъ жарко.

Капочка.

Мы, маменька, по тихоньку. (*Садится за рояль. Капочка и Милаша запѣваютъ: «Вотъ на пути село большое». Немного погодя, Ничкина пристаетъ къ нимъ.*)

Ничкина (*переставъ пѣть*).

Бросьте, а то и меня взманили. Устала.

Капочка.

Что это, маменька, какъ вы капризны! Вдругъ на меняшла фантазія пѣть, а вы не даете.

Ничкина.

Да, жарко, Капочка.

Капочка.

Въ другой разъ сами будете просить, а у меня фантазія не будетъ. Кто-жъ виноватъ, что вамъ жарко. Это даже довольно странно съ вашей стороны!

Ничкина.

Ну ужъ ты!

Капочка.

Чѣмъ же мнѣ развлекаться прикажете? Кавалеровъ у насъ не бываетъ. Только и дѣлаемъ, что по цѣлымъ днямъ съ Малашей въ окно глядимъ. Вы, пожалуй, и этого не позволите.

Ничкина.

Дѣлай, что хочешь, только не тревожь ты меня. (*Устинька входитъ въ шляпку.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Устинька (*).

Устинька.

Здравствуйте, Клеопатра Ивановна!

Ничкина.

Здравствуй, Устинька! Что, жарко на дворѣ?

Устинька.

Жарко.

Ничкина.

Что это за наказанье!

Устинька.

Здравствуй, Капочка! (*Снимаетъ шляпку.*) Сейчасъ видѣла твой предметъ, ходитъ по набережной въ забвеніи чувствъ.

Капочка.

Ахъ! Одно сердце страдаетъ, а другое не знаетъ.

(*) Устинька немного картавитъ.

УСТИНЬКА.

Что же, Клеопатра Ивановна, вы посылали къ нему Гавриловну?

НИЧКИНА.

Да... вот... баловница я. И ненадо-бъ мнѣ васъ слушать-то, а я послала нынче. Кто меня похвалить за это! Всякій умный человекъ заругаетъ. Да вот пристала, ну я, по слабости, и послушалась. Кто его знаетъ, какой онъ тамъ! Придетъ въ домъ... какъ женихъ... страхъ.

УСТИНЬКА.

Надъ сердцемъ нельзя шутить.

МАЛАНЬЯ.

Въ сердцѣ-то замираніе бываетъ, сударыня.

НИЧКИНА.

Какое сердце! Такъ, съ жиру... Знаемъ мы это сердце-то... сама была въ дѣвкахъ... Другая-бъ строгая мать-то пришла-бъ хвостъ то тебѣ, да сама бъ нашла жениха-то хорошаго, а не сволочь какую нибудь.

УСТИНЬКА.

Нынче ужъ тиранство-то не въ модѣ.

НИЧКИНА.

Какое тиранство! Не то что тиранство, у меня и разсудку-то не хватаетъ... да и жарко-то... Батюшки!.. говорить-то, и то тяжело... такъ ужъ и махнула рукой, — что хочеть, то и дѣлаетъ.

УСТИНЬКА.

Самыя нынѣшнія понятія.

КАПОЧКА.

А въ чахотку-то, маменька, развѣ не приходятъ отъ родителей?

УСТИНЬКА.

Развѣ есть законы для чувствъ?

КАПОЧКА.

Развѣ не обѣгаютъ изъ дому-то въ слуховое окно?

Устивька.

Шли въ форточку.

Маланья

А то и въ подворотню, барышня.

Ничкина.

Такъ-то такъ... да ужъ и воли-то вамъ большой дать нельзя.... съ вами стыда-то и не оберешься... на все Замоскворѣчье...

Устивька.

Однако, какой сюжетъ вы объ насъ имѣете! Мы, кажется, себя ничѣмъ не доказали съ такой стороны.

Капочка.

Ужъ маменька скажетъ словечко — одолжить. Вотъ этакъ при людяхъ отпечатаешь, вѣдь осрамить, куда дѣться отъ стыда! Подумають, что мы и въ самомъ дѣлѣ такія.

Ничкина.

Развѣ вѣтъ баловницъ-то? Не правду что ль я говорю?

Устивька.

Хотя и есть, но все-таки это до насъ не относится.

Капочка.

Все больше отъ родителей, потому что запирають.

Ничкина.

Нельзя и не запирать-то.... васъ....

Устивька.

Напрасно такъ полагаете. Одно суевѣріе.

Капочка.

Никакого толку-то вѣтъ отъ запиранья.

Ничкина.

Все-таки сишь спокойнѣе.... не думается.... не то, что на свободѣ. (*Капочка, Устивька и Маланья хохочутъ.*) Чему вы смѣетесь-то? Извѣстно, присмотрѣ лучше.... Безъ присмотру нельзя. (*Капочка Устивька и Маланья хохочутъ.*) Чему вы?

Капочка.

Своему смѣху.

Ничкина.

Что, вы меня на смѣхъ, что ли, подымаете? Не глупѣй я васъ....
Батюшки, жарко! (*Маланья.*) Ты чему, дура?

Маланья.

Я на барышень глядя.

Устинька.

Да какже не смѣяться? Развѣ можно за дѣвушкой усмотрѣть!
Что вы говорите-то!

Капочка.

Хоть тысяча глазъ гляди, всё равно.

Ничкина.

Есть чѣмъ хвалиться! Куда какъ хорошо!

Устинька.

Мы и не хвалимся, и совсѣмъ это не про себя говоримъ; напрасно вы такъ понимаете объ насъ. Мы вообще говоримъ про дѣвушекъ, что довольно смѣшно ихъ заирать, потому что можно найти тысячу средствъ... и кто жъ ихъ не знаетъ. А объ насъ и разговору нѣтъ. Кто можетъ подумать даже! Мы съ Капочкой очень себя знаемъ и совсѣмъ не тѣхъ правилъ. Кажется, держимъ себя довольно гордо и деликатно.

Ничкина.

Случаю-то вамъ нѣтъ....

Устинька.

Ахъ, Боже мой! Развѣ можно такъ обижать дѣвушекъ!

Капочка.

Да вѣдь маменька судить по старому, какъ въ ея время было.

Ничкина.

Да развѣ давно это время было-то!

Устпнька.

Пыче ужь дѣвушки стали гораздо благороднѣе во всѣхъ направленіяхъ.

Капочка.

Ужь я не знаю, что вы говорите, маменька. Неужели я, при всей моей кротости въ жизни, не могла угодить вамъ?

Ничкина.

Ахъ, отстаньте отъ меня, и безъ васъ тошно! Куда дѣться-то отъ жару? Батюшки!

Маланья.

Шли бы, сударыня, на погребицу.

Ничкина.

И то на погребицу. (*Входитъ Красавина.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Красавина.

Красавина.

Здравствуйте! Все справила и отвѣтъ принесла. Что, Калюпатра Ивановна, аль неможется?

Ничкина.

Ничего... Садись... только подальше, а то жарко...

Капочка.

Какой же отвѣтъ?

Красавина.

Загорѣлось! И подождешь, не велика важность. (*Ничкиной.*) Коли жарко, ты бы пивца велѣла подать съ леднику: говорятъ, прохлаждаетъ.

Ничкина.

Все, говорятъ, прохлаждаетъ... ничего не прохлаждаетъ.

Красавина.

А то чайку...

Ничкина.

Ничего не прохлаждаетъ... Поди, Маланья, поставь самоваръ.
(*Маланья уходитъ.*)

Устинька.

Но, однако, скажите, вы должны же дать отвѣтъ объ томъ, зачѣмъ васъ посылали.

Красавина.

А мой отвѣтъ будетъ короткій. По щучьему велѣнью, по моему прошенью, извольте снаряжаться, — къ вечеру гости будутъ.

Ничкина.

Ты чего лишняго не сболтнула ли?

Красавина.

Ничего я лишняго не сказала, — сказала только: пожалуйста въ нашъ садъ вечеромъ погулять, вишенья, орѣшенья щипать. Онъ такъ обрадовался, ровно лунатикъ какой сдѣлался.

Каночка.

Ахъ, я боюсь.

Устинька.

Чего же ты боишься, душа моя? Довольно непонятно для меня.

Каночка.

Я всегда боюсь мужчинъ, особенно въ кого влюблена

Красавина

Что его бояться-то, не укусить.

Каночка.

Ужъ лучше бъ они прямо говорили; а то заведутъ такіе разговоры, изъ-далека, не знаешь что отвѣчать.

Красавина.

Какъ можно прямо-то! Нехорошо! Стыдно! Извѣстно, для прилику нужно сначала объ чемъ нибудь объ другомъ поговорить.

Капочка.

Отчего же не сказать прямо, когда что чувствуешь. Ахъ, Устинька, я ужасть какъ боюсь. Ну, сконфузишься? Я никакъ не могу воздержать своихъ чувствъ.... Вдругъ могу сдѣлать что шбудь... могу все чувства потерять....

Устинька

Не бойся, я буду съ тобой. Я ужъ тебя не выдамъ. (*Говорятъ шопотомъ.*)

Ничкина.

Новаго нѣтъ ли чего?

Красавина.

Что бы тебѣ новое-то сказать? Да вотъ, говорятъ, что царь Фарзонъ сталъ по ночамъ изъ моря выходить и съ войскомъ; покажется и опять уйдетъ. Говорятъ, это передъ послѣднимъ концомъ

Ничкина.

Какъ страшно!

Красавина.

Да говорятъ, бѣлый эрапъ на насъ подымается, двѣсти миллионтовъ войска ведетъ.

Ничкина.

Откуда же онъ, бѣлый эрапъ?

Красавина.

Изъ Бѣлой Араніи.

Ничкина.

Какъ будетъ на свѣтъ-то жить! такія страсти! времена-то такія тяжелыя!

Красавина.

Да говорятъ еще, какая-то комета ли, планида ли идетъ; такъ ученые въ митроскопъ смотрѣли на небо и разсчитали по цифрамъ, въ который день и въ которомъ часу она на землю сядетъ.

Ничкина.

Развѣ можно знать Божью планиду! У всякаго человѣка есть своя планида. Батюшки, какъ жарко! Раздѣлась бы, да нельзя — празл-

ничный день, въ окошки народъ смотритъ; въ садъ пойдешь — сосѣди въ заборъ глядятъ.

КРАСАВИНА.

А ставни закрыть. (*Маланья входитъ.*)

МАЛАНЬЯ.

Братецъ прѣхалъ.

НИЧКИНА.

Батюшки! Въ такой жарь...

КАПОЧКА.

Какъ бы, маменька, онъ у насъ дѣла не разстроилъ! Дяденька такой необразованный!

УСТИНЬКА.

Ужъ какія могутъ быть понятія, изъ степи прѣхалъ!

НИЧКИНА.

Не изъ степи, а изъ Коломны.

УСТИНЬКА.

Все равно, одно образованіе, одинъ вкусъ.

КАПОЧКА.

Маменька, вы ему командовать-то не давайте.

НИЧКИНА.

Развѣ съ нимъ согласишь!

КАПОЧКА.

Вотъ наказанье-то!

УСТИНЬКА.

Пѣтъ, вообрази, что можетъ Бальзаминовъ подумать о васъ, видя такое невѣжество!

НИЧКИНА (*Маланья*).

Поди, проводи его прямо въ столовую. Да обѣдать подать, — чай, съ дороги-то ѣсть захочетъ. Пойти принять его. (*Ничкина, Маланья и Красавина уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Каночка и Устинька.

Каночка.

Вотъ принесло во время! Теперь все въ домѣ на русскій манеръ пойдетъ. Ахъ, я чувствую свою судьбу; разстронть онъ маменьку. Ну, какъ онъ да научить маменьку отдать меня за кунца съ бородой! Тогда я умру отъ любви.

Устинька.

Зачѣмъ такія жестокія слова говоришь!

Каночка.

Нѣтъ, Устинька, ты не знаешь моего сердца! Мое сердце самое горячее къ любви.

Устинька.

Каночка, скажи, душка, какъ ты влюбилась? Я ужасть какъ люблю открытія въ любви своихъ подругъ.

Каночка.

Ахъ! одна минута—и на вѣкъ все кончено! Шла я вечеромъ откуда-то съ Маланьей, вдругъ намъ на встрѣчу молодой человекъ, въ голубомъ галстукѣ; посмотрѣлъ на меня съ такой душой въ глазахъ, даже уму непостижимо! А потомъ взялъ опустилъ глаза довольно гордо. Я вдругъ почувствовала, но никакого виду не подала. Онъ пошелъ за нами до дому и раза три прошелъ мимо оконъ. Голубой цвѣтъ такъ идетъ къ нему, что я ужъ и не знаю, что со мной было!

Устинька.

Знаковъ онъ тебѣ никакихъ не показываетъ, когда ходитъ мимо?

Каночка.

Нѣтъ. Только всегда такъ жалко смотреть, какъ самый постоянный.

Устинька.

И часто ходитъ?

Каночка.

Ахъ, Устинька, каждый день. Ахъ!... Развѣ ужъ очень грязно....

УСТИНЬКА.

Это значить, онъ просто сгараеть.... И должно быть самый, самый пламенный къ любви.

КАНОЧКА.

Ахъ! Я не знаю, что со мной будетъ, когда я его увижу! Для моихъ чувствъ нѣтъ границъ.

УСТИНЬКА.

Однако, все-таки нужно себя удерживать немного.

КАНОЧКА.

Ахъ! сверхъ силъ моихъ. (*Неуѣденовъ, Юша и Ничкина входятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Капочка, Устинька, Ничкина, Неуѣденовъ и Юша.

КАНОЧКА.

Здравствуйте, дяденька! (*Подходитъ и цѣлуетъ дядю. Устинька кланяется.*)

ЮША.

Здравствуйте-съ. (*Подходитъ къ Капочкѣ, кланяется, цѣлуются три раза, опять кланяется и встряхиваетъ головой; также и съ Устинькой. Потомъ садится въ углу на самый послѣдній стулъ и сидитъ потупя глаза.*)

НЕУѢДЕНОВЪ.

Какъ живешь, Капочка? (*Садится.*)

КАНОЧКА.

Слава Богу, дяденька. Покорно васъ благодарю.

НЕУѢДЕНОВЪ.

Весело-ли?

КАНОЧКА.

Ничего, весело-съ.

НЕУѢДЕНОВЪ.

Женихи есть ли? Чай такъ у воротъ на разные голоса и воютъ.

УСТИНЬКА.

Какой разговоръ!

НЕУЪДЕНОВЪ.

А что жъ разговоръ! Чѣмъ, барышня, не хорошъ?

УСТИНЬКА

Не прилично при барышняхъ такъ говорить; нынче не приято.

НЕУЪДЕНОВЪ.

Да-съ! Я вѣдь съ племянницей разговариваю, а до другихъ, прочихъ мнѣ дѣла нѣтъ. (*Ничкина*.) Чья такая?

НИЧКИНА.

Подруга Капочки.

НЕУЪДЕНОВЪ.

Изъ благородныхъ что-ль?

НИЧКИНА.

Нѣтъ, изъ купеческихъ.

НЕУЪДЕНОВЪ.

Ну такъ не велика птица.... А вѣдь и то, сестра, жарко.

НИЧКИНА.

И то, братецъ, жарко.

НЕУЪДЕНОВЪ.

Юфимъ! (*Юша подходитъ*.) На-ка, возьми мой кафтанъ-то. (*Снимаетъ кафтанъ*.) Снеси его къ намъ въ комнату. (*Юша беретъ и уходитъ*.)

УСТИНЬКА.

Какое необразованіе!

НЕУЪДЕНОВЪ

Ничего-съ! Не взыщутъ!

НИЧКИНА.

Вы, братецъ, соснуть не хотите-ли?

НЕУЪДЕНОВЪ.

Нѣтъ. Я-бъ теперь орѣшковъ пощелкалъ. А потомъ можно и соснуть.

НИЧКИНА.

Маланья! (*Входитъ Маланья и Юша.*) Принеси, поди, братцу орѣховъ.

НЕУЪДЕНОВЪ.

Юфимъ! Поди пони на дворѣ камень; по глаже выбери, да по-тяжелее. (*Юша уходитъ.*)

КАПОЧКА.

Зачѣмъ вамъ, дяденька, камень?

НЕУЪДЕНОВЪ.

Что ты испугалась? Небось! я орѣхи....

УСТИНЬКА.

Боже мой! (*Входитъ Маланья съ орѣхами.*)

НИЧКИНА.

Пожалуйте, братецъ. (*Маланья подноситъ ему орѣхи на тарелкѣ.*)

НЕУЪДЕНОВЪ.

Поставь на окно. (*Подходитъ къ окну, открываетъ и садится противъ него. Маланья ставитъ орѣхи на окно. Юша входитъ съ камнемъ.*) Подай сюда! (*Юша подаетъ.*) Здѣсь то лучше продуваетъ. (*Кладетъ на окно по орѣху и по два, и разбиваетъ ихъ камнемъ.*)

КАПОЧКА.

Дяденька, что это вы съ камнемъ-то у окна сидите! Вы этакъ испугаете у меня жениха, когда онъ пойдетъ.

НЕУЪДЕНОВЪ (*продолжая колотить орѣхи*).

Какого жениха?

НИЧКИНА.

Да.... вотъ.... такая жара, а мы сватовство затѣяли.... какая теперь свадьба.... въ такой жаръ....

НЕУБДЕНОВЪ.

А вотъ, дай срокъ. я посмотрю, что за женихъ.

КАНОЧКА (*беретъ дядю за плечи*).

Дяденька, право испугаете!

НЕУБДЕНОВЪ.

Поди прочь! (*Продолжаетъ стучать. Каночка подходитъ къ Устинькѣ, обнимается съ ней и смотритъ съ презрѣньемъ на дядю.*)

КАНОЧКА.

Какой страхъ!

УСТИНЬКА.

Какое невѣжество!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Садъ; направо сарай съ голубятней и камитка; прямо заборъ и за нимъ деревья другаго сада; направо бесѣдка, за бесѣдкою деревья; по серединѣ сцены, въ кустахъ, столъ и скамейки; подлѣ сарая кустъ и скамейка.

ЯВЛЕНИЕ I.

Капочка, Устилька и Юша *(входятъ)*.

КАПОЧКА.

Охъ! Охъ! Я умру!

УСТИЛЬКА.

Что ты такъ вздыхаешь! Смотри, что нибудь лопнетъ.

КАПОЧКА.

Охъ! Онъ сейчасъ придетъ.

УСТИЛЬКА.

Разумѣется, придетъ. Его маменька пошла къ твоей, а онъ сюда придетъ.

КАПОЧКА.

Охъ!

ЮША.

Что, это голубятня у васъ?

КАПОЧКА.

Охъ! голубятня.

ЮША.

Такъ первымъ долгомъ слазить надоть, проминовать нельзя. *(Уходитъ.)*

У С Т И Н Ь К А.

Ну и прекрасно; а то онъ только мѣшаетъ. (*Бальзаминовъ входитъ въ камитку.*)

К А П О Ч К А.

Ахъ, идетъ! (*Гуляютъ обнявшись по авансцену, какъ будто не замѣчая его.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

ТѢ-ЖЕ И БАЛЬЗАМИНОВЪ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ (*нѣсколько времени ходитъ молча, потомъ встрѣчается будто печально съ Капочкой и Устинькой*).

Здравствуйте-съ. (*Кланяется. Капочка и Устинька кланяются и идутъ дальше. Бальзаминовъ за ними.*) Какой пріятный запахъ у васъ въ саду.

У С Т И Н Ь К А.

Да-съ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Продаете яблоки, или сами кушаете?

К А П О Ч К А.

Сами-съ. (*Юша показывается на голубятни.*)

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Я когда нибудь ночью приду къ вамъ въ садъ яблоки воровать

К А П О Ч К А.

Ахъ!

У С Т И Н Ь К А.

У нихъ собаки злыя.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Какъ прикажете понимать ваши слова?

У С Т И Н Ь К А.

Слова эти совсѣмъ не до васъ касаются, а до воровъ; вы и такъ всегда можете здѣсь гулять, вамъ всегда будутъ рады.

Капочка.

Да-съ.

Бальзаминовъ.

Покорнѣйше васъ благодарю за ваше приглашеніе.

Устинька.

Здѣсь въ окрестности ужасъ какъ мало хорошихъ кавалеровъ для знакомства съ барышнями.

Капочка.

И всего только двое: Толкачевъ да Киричевъ.

Устинька.

Какіе же это кавалеры? Развѣ хорошая дѣвушка можетъ имѣть съ ними знакомство или любовь. Себя страмить! Одинъ—антриганъ, все говорить изъ-подъ политики и въ насмѣшку; другой — антересанъ, знакомиться съ дамами изъ антересу. Вы лучше всѣхъ.

Капочка.

Да-съ.

Устинька.

Вотъ вамъ отъ насъ привелегія!

Бальзаминовъ.

Я даже не знаю, какъ васъ благодарить за всѣ ваши снисхожденія! (*Капочка садится на скамейку съ правой стороны, Устинька стоитъ подле нея. Бальзаминовъ по-одаль.*)

Капочка (*Устинькѣ, тихо*).

Что онъ говоритъ? Ужъ лучше бѣ прямо.

Устинька (*тихо*).

А вотъ погоди, я ему сейчасъ скажу.

Капочка (*тихо*).

Ахъ, не говори.

Устинька.

Нельзя-же! (*Подходитъ къ Бальзаминову и отводитъ его въ сторону.*) Капочка просила васъ сказать, чтобы вы были съ ней

поемѣте, а то она сама очень робка. Вы ничего, не конфузьтесь, у насъ просто. А я пойду постерегу: какъ войдетъ кто, я дамъ вамъ знать. Что же вы стоите! Ступайте къ ней скорѣй.

БАЛЬЗАМИНОВЪ (*откашливается*).

Гм.... Гм.... Сейчасъ. (*Стоитъ.*)

УСТИНЬКА.

Сейчасъ, а сами ни съ мѣста. (*Толкаетъ его.*) Ступайте скорѣй, а то помѣшаютъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Гм.... гм.... (*Громко.*) Гм... Сейчасъ.

УСТИНЬКА.

Это даже неучтиво съ вашей стороны, заставлятъ себя дожидаться.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Сейчасъ-съ! (*Медленно идетъ къ Капочкѣ. Устинька становится у калитки.*)

КАПОЧКА (*Бальзаминову*).

Садитесь! (*Бальзаминовъ садится довольно далеко отъ Капочки, смотритъ въ землю и изрѣдка откашливается. Капочка смотритъ на заборъ. Юша наблюдаетъ за ними съ голубятни. Довольно долгое молчаніе.*)

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Что вамъ лучше нравится, зима или лѣто?

КАПОЧКА.

Лѣто лучше-съ. Лѣтомъ можно гулять.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

А зимой кататься.

КАПОЧКА.

Лѣтомъ всякіе цвѣты расцвѣтаютъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

А зимой очень весело на святкахъ и на масленицѣ.

Капочка.

А лѣтомъ весело въ семикъ-съ.

Бальзаминовъ.

Вы на масляницѣ съ котораго дня начинаете кушать блины?

Капочка.

Со вторника-съ... А лѣтомъ всякія ягоды поспѣваютъ. (*Молчаніе. Бальзаминовъ тянется къ Капочкѣ, она къ нему, цѣлуются и потупляютъ глаза въ землю.*)

Юша (*на голубятни*).

Разъ!

Устинька (*грозитъ ему*).

Молчи! (*Молчаніе.*)

Капочка.

Какія ягоды вы больше любите?

Бальзаминовъ.

А вы какія?

Капочка.

Клубнику со сливками.

Бальзаминовъ.

А я крыжовникъ.

Капочка.

Вы шутите! Какъ можно крыжовникъ... онъ колется.

Бальзаминовъ.

Я этого не боюсь-съ. А вы развѣ бонтесь-съ?

Капочка.

Ахъ! Что вы говорите? Я васъ не понимаю. (*Капочка начинаетъ склоняться въ сторону Бальзаминова, Бальзаминовъ въ ея сторону; цѣлуются и опять опускаютъ глаза на землю.*)

Юша (*съ голубятни*).

Два!

Устинька (*Юшѣ*).

Молчи, говорю я тебѣ.

КАНОЧКА.

А вообще что вы больше всего любите?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Васъ-съ. А вы?

КАНОЧКА.

Можете сами догадаться. *(Цѣлуются.)*

ЮША.

Три! *(Блѣжитъ съ голубятни.)*

УСТИНЬКА *(подходитъ къ Бальзаминову).*

Подите за бесѣдку. Когда можно будетъ, я васъ позову. *(Бальзаминовъ уходитъ за бесѣдку.)*

КАНОЧКА.

Ахъ, какой милый!

УСТИНЬКА.

Юша все съ голубятни видѣлъ.

КАНОЧКА.

Ахъ, онъ дяденькѣ скажетъ!

УСТИНЬКА.

Погоди, мы его уговоримъ. *(Юша входитъ.)*

КАНОЧКА.

Ты, Юша, смотри, никому не сказывай что видѣлъ.

УСТИНЬКА.

Это нужды нѣтъ — цѣловаться, только сказывать не надо. Я, пожалуй, и тебя поцѣлую, *(Цѣлуетъ Юшу.)*

КАНОЧКА.

И я. *(Цѣлуетъ.)*

УСТИНЬКА.

И еще поцѣлуемъ. *(Цѣлуетъ его съ жаромъ.)*

Юша.

Да, нецудо! *(Отстаниваетъ ихъ руками.)* Что присташи! Закричу! Аи! Ну васъ! Аи! Пустите, я опять на голубитню пойду. Карауль!

Устинька.

Итъ, ужъ я тебя не пуцую на голубитню. Пойдемъ со мной въ бесѣдку.

Юша.

Я, пожалуй, пойду, только не приставай, а то закричу. *(Устинька беретъ его за руку и ведетъ въ бесѣдку.)*

Устинька *(подходя къ бесѣдкѣ).*

Выходите! Теперь можно. *(Бальзаминовъ выходитъ изъ-за бесѣдки.)*

Каночка.

Ахъ, не подходите ко мнѣ близко!

Бальзаминовъ.

За что такія немилости-сь?

Каночка.

Мужчинамъ довѣрять никакъ нельзя.

Бальзаминовъ.

Но я могу себя ограничить-сь.

Каночка.

Все такъ говорятъ; но на дѣлѣ выходятъ совсѣмъ противное. Я мужчинъ не вишо, для нихъ все легко и доступно; но наша сестра всегда должна опасаться по своей горячности къ любви. Ахъ! я васъ боюсь! Лучше оставьте меня.

Бальзаминовъ.

Какія жестокости для моего сердца!

Каночка.

Оставьте, оставьте меня!

Бальзаминовъ.

Умерла моя надежда и скончалася любовь!

Капочка.

Ахъ, для чего только мы рождены съ такою слабостью! Мужчины все можетъ надъ нами... ахъ!

Бальзаминовъ.

Какже я могу безъ вашего расположенія-съ? (*Садится возлѣ Капочки.*)

Капочка.

Ахъ! Что вы со мной сдѣлали!

Бальзаминовъ.

Извините, я былъ виѣ себя-съ.

Капочка.

Что можетъ противиться любви. (*Приклоняется къ Бальзаминову. Цѣлуются.*) На вѣки! (*Устинька и Юша выходятъ изъ бесѣдки.*)

Устинька.

Идутъ, идутъ. (*Капочка подходитъ къ Устинькѣ. Въ калитку входятъ: Ничкина, Бальзаминова и Маланья, съ чайнымъ приборомъ, который ставитъ на столѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Бальзаминовъ, Капочка, Устинька, Юша, Ничкина, Бальзаминова и Маланья.

Ничкина (*Маланья*).

А самоваръ принесешь, когда братецъ встанетъ. (*Маланья уходитъ. Бальзаминовой.*) Сядемте... жарко. (*Садятся у стола. Бальзаминову.*) Садитесь съ нами... побесѣдуемте! Бальзаминовъ садится. Барышни тоже садятся возлѣ стола. Капочкѣ.) Ишь, какъ тебя стянули... въ такой жаръ.

Устинька.

Оставьте, конфузите.

Ничкина.

Вы читаете газеты?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Читаю-съ.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Онъ мнѣ всякія новости рассказываетъ.

НИЧКИНА.

А мы не читаемъ... ничего не знаемъ... что тамъ дѣлается. Вотъ я у васъ хотѣла спросить, не читали ли вы чего про Наполеона? Говорять, опять на Москву идти хочетъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Гдѣ же ему теперь-съ! Онъ еще вновѣ, не успѣлъ еще у себя устроиться. Пишутъ, что все дворцы да комнаты отдѣлываетъ.

НИЧКИНА.

А какъ отдѣлаетъ, такъ, чай, пойдетъ на Москву-то съ двенадцать языковъ?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Не знаю-съ. Въ газетахъ какъ-то глухо про это пишутъ-съ.

НИЧКИНА.

Да вотъ еще, скажите вы мнѣ: говорятъ, царь Фараонъ сталъ по ночамъ съ войскомъ изъ моря выходить.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Очень можетъ быть-съ.

НИЧКИНА.

А гдѣ это море?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Должно быть, не далеко отъ Палестины.

НИЧКИНА.

А большая палестина?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Большая-съ.

НИЧКИНА.

Далеко отъ Царьграда?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Не очень далеко-съ.

НИЧКИНА.

Должно быть, шестьдесятъ верстъ... Ото всёхъ отъ такихъ мѣсть
шестьдесятъ верстъ, говорятъ... только Кіевъ дальше.

ЮША.

Царьградъ, тетенька, это нуль земли?

НИЧКИНА.

Да, миленькій. (*Пристально оглядываетъ Бальзамина.*)

БАЛЬЗАМИНОВЪ (*жметя*).

Что вы такъ на меня смотрите?

НИЧКИНА.

Узко какъ платье-то на васъ сшито.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Это по модѣ-съ.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Онъ у меня всегда по модѣ одѣвается.

НИЧКИНА.

Какая ужъ мода въ такую жару?... Чай, вамъ жарко... ну, а по
улицѣ-то ходить въ такомъ платьѣ, 'просто, угорѣть можно.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Ничего-съ. Покорно васъ благодарю за вниманіе! (*Молчаніе.*)

НИЧКИНА.

Двужильныя лошади, говорятъ, бѣгаютъ... и не устаютъ никогда
и не надорвутся.

УСТИНЬКА.

Что за разговоръ объ лошадяхъ!

НИЧКИНА.

Такъ объ чемъ же говорить-то?... ну, скажи, коли ты умна.

УСТИНЬКА.

Есть разные разговоры. А то вы разговариваете, а мы должны молчать. Куда какъ приятно! Вотъ два самые благородные разговора, — одинъ: что лучше — мужчина или женщина?

НИЧКИНА.

Ну, ужъ наша сравненіе! Ужъ что женщина! Куда она годится! Курица не птица, женщина не человекъ!

УСТИНЬКА.

Ахъ, ибтъ, зачѣмъ же! Пускай мужчины защищаютъ свое званіе, а женщины свое; вотъ и пойдетъ разговоръ. А другой разговоръ еще антиреспіѣй. Что тяжеле: ждать и не дожидаться, или имѣть и потерять?

БАЛЬЗАМИНОВА.

Это самый приятный для общества разговоръ.

НИЧКИНА.

Ужъ этого я ни въ жизнь не пойму.

КАПОЧКА.

Что вы, маменька! не страмите себя. (*Входитъ Неуденовъ и Маланья съ самоваромъ; ставитъ его на столъ и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ-ЖЕ и Неуденовъ (*).

НЕУДЕНОВЪ.

Соснулъ малымъ дѣломъ.

НИЧКИНА.

Братецъ, садитесь! Вотъ наши новые знакомые!

НЕУДЕНОВЪ (*кланяется Бальзаминовой*).

Здравствуйте! (*Бальзаминова кланяется.*) Здравствуйте, милостивый государь! (*Протягиваетъ Бальзаминову руку, тотъ робко подаетъ свою.*) Служить изволите? (*Садится.*)

(*) Сидятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: справа, ближе зрителямъ, на стулѣ, Неуденовъ; съ правой стороны стола Ничкина и Бальзаминова; за столомъ Юша; слѣва, у стола, Капочка и Устинька; слѣва, ближе зрителямъ, на стулѣ, Бальзаминова.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Служу-съ.

НЕУЪДЕНОВЪ.

Хорошее дѣло-съ. Всякому свое-съ: купецъ торгуй, чиновникъ служи, шатунь шатайся.

ПИЧКИНА.

Неудобно ли, господа, чайку? (*Маланья подаетъ на поднось.*)

НЕУЪДЕНОВЪ.

Я съ вами буду, сударь, про наше дѣло купеческое говорить. Вотъ у меня сестра, — она женщина богатая, а вѣдь глупая, — съ деньгами-то не знаетъ, что дѣлать. А въ нашемъ, въ купеческомъ дѣлѣ—деньги важная вещь.

УСТИНЬКА.

Неужели только однимъ купцамъ деньги нужны?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Деньги всякому пріятно имѣть-съ.

НЕУЪДЕНОВЪ.

Никому, сударь, и не запрещается. Кому пріятно имѣть, тотъ наживи.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Трудно наживать-то по нынѣшнимъ временамъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Особенно если человѣкъ со вкусомъ-съ, просто, долженъ страдать. Хочется жить прилично, а способовъ никакихъ нѣтъ-съ. Вотъ хоть бы я...

НЕУЪДЕНОВЪ.

Зачѣмъ же жить-то прилично такому человѣку, который не имѣетъ способовъ деньги достать.

БАЛЬЗАМИНОВА.

А коли человѣкъ не имѣетъ способностей ни къ службѣ, ни къ чему, коли Богъ не далъ, чѣмъ же онъ виноватъ?

Б а л ь з а м и н о в ь .

Да-съ. А въ мечтахъ все представляется богатство, и даже во снѣ снится; притомъ же, вкусу много.

Н е у ъ д е н о в ь .

А по моему — такому человѣку, который не умѣетъ достать ничего, не то, что въ богатствѣ жить, а и вовсе жить не зачѣмъ.

Б а л ь з а м и н о в а .

Куда жъ ихъ дѣвать-то?

Н е у ъ д е н о в ь .

Въ черную работу, землю копать. Это дѣло всякій умѣетъ. Сколько выработалъ, столько и денегъ бери.

Б а л ь з а м и н о в а .

Этакъ будетъ на свѣтѣ жить нельзя.

У с т и н ь к а .

Не у всѣхъ такія понятія.

Н е у ъ д е н о в ь .

Какой, сударь, чинъ носите на себѣ?

Б а л ь з а м и н о в ь .

Первый-съ.

Н е у ъ д е н о в ь .

Ну, вамъ до генерала еще далеко. А много ли жалованья по своимъ трудамъ получаете?

Б а л ь з а м и н о в ь .

Сто двадцать рублей-съ.

Н е у ъ д е н о в ь .

Это по нашему значить: въ одномъ карманѣ смеркается, а въ другомъ заря занимается; по татарски — ёкъ, а по русски — нѣтъ ничего.

Н и ч к и н а .

Маланья, прими чашки, я налью еще. (Маланья принимаетъ пустыя чашки. Пичкина наливаетъ. Маланья разноситъ и отходитъ съ подносомъ къ сторонѣ.)

ИЕУЪДЕНОВЪ.

Такъ вотъ, сударь, я ужь вамъ говорилъ, что сестра у меня дура набитая.

Иичкина.

Ну, ужь... ты, братецъ.. ну, право! Съ тобою не сговоришь... право, ну!

ИЕУЪДЕНОВЪ.

Что ты нукаешь-то? — не запрягла еще. Такъ докладывалъ я вамъ, что сестра у меня глупа-съ. Больше всего я боюсь, что она и заты-то такого же дурака найдетъ, какъ сама. У бабъ волосъ долготъ, да умъ коротокъ. Тогда ужь все дѣлю брось.

Бальзаминова.

У нихъ такое состояніе, что вѣкъ и съ зытемъ не прожить; а бѣднаго человѣка могутъ осчастливить.

ИЕУЪДЕНОВЪ.

Да вѣдь деньги-то ей мужъ изживалъ не для того, чтобъ она ихъ мотала, да проживала съ разными прожектерами. На деньги-то надо дѣлю дѣлать. Купеческій капиталъ, сударыня, важное дѣлю. Хорошій то кунецъ, съ большимъ капиталомъ, и себѣ пользу дѣласть, да и обществу вдвое.

Устинька.

Не все изживать, надо когда шобудь и проживать для своего удовольствія.

ИЕУЪДЕНОВЪ.

А развѣ мы не проживаемъ! Да проживать-то надобно съ толкомъ. Я, сударь мой, вотъ за сестру теперь очень опасаясь. Подвернется ей фертикъ во фраккѣ съ пуговками, или какой съ эполетками, а она, съ дуру-то, и обрадуется, какъ ни вѣсть какому счастью. Дочь-то отдасть — нужды нѣтъ, а вотъ денегъ-то жалко.

Иичкина.

Да, братецъ, точно жалко.

Каночка.

Вы, кажется, маменька меня уморить хотите?

УСТИНЬКА.

Сказали, да и на понятный.

НЕУЪДЕНОВЪ.

Да вѣдь, Каночка, у нихъ совѣсти очень мало. Другой сунется въ службу, въ какую бы то ни на-есть, послужить безъ году недѣлю, повиляетъ хвостомъ, видить: не тяга — умника-то не хватаетъ, учились-то плохо, двухъ перечестъ не умѣеть, лѣнь-то прежде его родилась, а побарствовать-то хочется: вотъ онъ и поидеть обродить по улицамъ, да по гуляньямъ, — не объявится ли какая дура съ деньгами. Такъ нешто честно это?

Ничкина (*тихо*).

Перестаньте, братецъ... поймаютъ.

НЕУЪДЕНОВЪ.

Ничего, я обнижкомъ. А по моему такъ и грѣхъ такимъ людямъ денегъ-то дать. Наши деньги-то на раснутство пойдутъ, да на важность глупую. Носъ-то подыметъ, станетъ издѣваться, да величаться надъ своимъ братомъ, который грѣши-то трудомъ достаетъ, въ потъ лица. Коли счесть, сколько наша братія, по своей глупости, денегъ роздали за дочерьми разнымъ аферистамъ, — такъ, право, сердце повернется. Что добра-то бы можно на эти деньги сдѣлать! Боже мой! Эти деньги, я такъ считаю, у общества украдены. Какъ вы объ этомъ думаете, сударь мой?

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Не все же въ такихъ направленіяхъ, какъ вы говорите.

НЕУЪДЕНОВЪ.

Нѣтъ, сударь, ужъ кто взялся за такую спекуляцію, я тому грѣша не повѣрю. Хорошіе люди во всякомъ званіи есть. И разбирать нечего, обѣденъ кто, или богатъ,—я этого сестрѣ не совѣтую. Смотри на человѣка, умѣеть ли онъ дѣло дѣлать. Коли умѣеть, такъ давай ему денегъ сколько хочешь, все на пользу. А вотъ шелконеры-то, извините вы меня, больно намъ не къ масти. Другому и вся цѣна-то двѣ копейки ассигнаціями, а онъ успѣеть охотить дуру какую, такъ еще форсъ показывается. Миѣ, говорить, вотъ столько-то денегъ давай, приданое давай самое лучшее.

ЮшкА.

Соболій сплонтъ атласный,
Воротникъ суконный красный!

УстИнькА и КаночкА (*Юшка*).

Молчи!

Неуѣденовъ (*Юшка*).

Юшка, молчи! Наши-то бабы съ-дурю батистовыхъ рубашекъ ему нашьютъ, того-сего, съ ногъ до головы одѣнуть; а онъ-то послѣ ломается передъ публикой, и ничего ему, — не совѣстно! Вездѣ деньги бросаетъ, чтобъ его добрымъ баринномъ звали.

КаночкА.

Вы, дяденька, оттого такъ разсуждаете, что вы совсѣмъ необразованы.

Неуѣденовъ.

Именно, мой другъ, необразованы. Не одна ты это говоришь. Вотъ и тѣ голые-то, которыхъ мы обучаемъ да одѣваемъ, да на безпугную ихъ жизнь деньги даемъ, тоже насъ необразованными зовутъ. Имъ бы только отъ насъ деньги-то взять, а родни-то хоть вѣкъ не видать.

БальзаминовА (*встаетъ*).

Послѣ такихъ словъ, намъ съ тобою, Миша, кажется, здѣсь нечего дѣлать.

Неуѣденовъ.

Да, похоже на то. На воръ-то, видно, шанка горитъ.

Бальзаминовъ.

Я этихъ словъ, маменька, на свой счетъ не принимаю.

Неуѣденовъ.

Нѣтъ, я на вашъ счетъ. Вотъ маменька-то ваша поумиѣе, — сейчасъ поняла.

Бальзаминовъ.

Я за большимъ, пожалуй, не погонюсь, миѣ хоть бы что и побудь дали.

Неуѣденовъ.

Вѣдь у тебя ни гроша нѣтъ, такъ тебѣ все барышъ, что ни дай.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Въ такомъ случаѣ, прощайте-съ. (*Кланяется вслѣдъ.*) Я не ожидаю-съ.

БАЛЬЗАМИНОВА.

Благодаримъ за угощенье.

НИЧКИНА.

Не на чемъ-съ.

НЕУЪДЕНОВЪ.

Ходите по чаще, безъ васъ веселѣй. (*Бальзаминовъ и Бальзаминова подходятъ къ калиткѣ. Юша за ними.*)

БАЛЬЗАМИНОВА.

Я говорила тебѣ, Миша, что праздничный сонъ — до обѣда.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Кабы я его въ будни видѣлъ, советъ бы другое дѣло было. (*Уходятъ.*)

ЮША (*въ калитку*).

Заходите! Намъ безъ дураковъ скучно.

НЕУЪДЕНОВЪ.

Юшка, молчи!

КАПОЧКА.

Охъ, я умру.

УСТИНЬКА (*тихо*).

Сдѣлайся какъ безъ чувствъ.

КАПОЧКА.

Ахъ! (*Падаетъ на скамейку.*)

НИЧКИНА.

Батюшки! Что это съ ней?

НЕУЪДЕНОВЪ.

Ничего, пройдетъ. Маланья, поди-ка вели принести ушатъ воды.

КАПОЧКА (*встаетъ*).

Нѣтъ ужъ извините, я этого не позволю.

Н Е У Ъ Д Е Н О В Ъ .

Ожила! Эхъ, сестра! Какъ тебѣ не ругать-то! Какую, было, штуку выкинула! Такой товаръ (*показывая на Капочку*), да еще съ деньгами, за строкулиста, было, отдала. А я тебѣ ужъ и жениха приготовилъ. Молодаго русачка, здороваго, свѣжаго, умвцу. А ужъ какой дѣлецъ-то! Да и съ капиталомъ.

Н и ч к и н а .

Посватайте, братецъ.

Н Е У Ъ Д Е Н О В Ъ .

Посватать, Капочка?

К а п о ч к а .

Онъ съ бородой?

Н Е У Ъ Д Е Н О В Ъ .

Съ маленькой.

К а п о ч к а .

Да вѣдь она выростеть.

Н а у ъ д е н о в њ .

Эка глухая! Пока она выростеть, такъ ужъ ты привыкнешь...
А какой красавецъ-то! Посватать, что-ли?

К а п о ч к а (*потупившись*).

Посватайте.

Н Е У Ъ Д Е Н О В Ъ .

Такъ-то лучше. Вотъ и по рукамъ.

18 января 1857 г.

Конецъ.

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ!

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ!

КАРТИНЫ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ЛИЦА.

ПРЕЖНЕВЪ, совершенно дряхлый старикъ, почти безъ всякаго движенія, въ большихъ чинахъ. Его возятъ на креслѣ.

ПРЕЖНЕВА, СОФЬЯ ИВАНОВНА, жена его, 45 лѣтъ.

ПОЛЬ, молодой человекъ, ея сынъ.

УСТИНЬЯ ФИЛИМОНОВНА ПЕРЕШИВКИНА, пожилая жевница, прежде бывшая нянька Поля, теперь въ родѣ приживалки или экономки по разнымъ знакомымъ домамъ.

Большая зала, оклеенная богатыми, но потемнѣвшими и по мѣстамъ оставшими отъ стѣнъ обоями. Паркетный полъ по угламъ значительно опустился. Пальво, окна въ садъ и дверь на деревянный съ колоннами балконъ; прямо дверь выходная, направо во внутренніе комнаты. По узкимъ простѣнкамъ мраморные столики на бронзовыхъ ножкахъ, надъ ними узкія, длинныя, съ надставками зеркала, въ золоченыхъ рамахъ. Мебель старая, тяжелая, съ потертой позолотой. На столахъ бронза стараго фасона. Съ потолка виситъ люстра изъ мелкихъ стеколъ, въ видѣ миндалинъ. Двѣ или три ширмочки изъ плюща. На всемъ видны и совершенный упадокъ и остатки прежней роскоши.

1.

Прежневъ подлѣ окна сидитъ въ вольтеровскомъ, на колесахъ, креслѣ. Одытъ въ льховой халатъ, ноги покрыты бѣлымъ шерстянымъ пологомъ. На противоположной сторонѣ, Прежнева, въ изящномъ утреннемъ платьѣ, полулежитъ на диванѣ съ книжою въ рукахъ.

ПРЕЖНЕВА (*опустивъ книгу*).

Это жестоко! это ужасно! я бы никогда такъ не поступила! Nous autres femmes... мы... о! мы вѣримъ, мы слѣпо вѣримъ, мы никогда не анализируемъ. Итъ, я не стану дальше читать этотъ романъ. Молодой человѣкъ, хорошаго происхожденія, красивъ, уменъ, служить въ военной службѣ, выражаетъ ей свою любовь такимъ прекраснымъ языкомъ... и она... она имѣла силы отказать ему! Итъ, она не женщина! Женщина твореніе слабое, увлекающееся! Мы живемъ только сердцемъ. И какъ легко насъ обмануть! Мы для любимаго человѣка готовы всею пожертвовать. Если мужчины насъ и обманываютъ, что, къ несчастію, случается очень часто, то ужъ въ этомъ виноваты не мы, а они. Они по большей части хитры и коварны... мы, женщины, такъ добры и довѣрчивы, такъ готовы всему вѣрить, кто только послѣ горькихъ (*задумывается*), да, горькихъ опытовъ убѣждаемся въ безирравственности обожаемыхъ лицъ. (*Молчаніе.*) Но итъ! мы и послѣ обмана, и даже нѣсколькихъ обмановъ, готовы опять увлечься, готовы повѣрить въ возможность чистой и безкорыстной любви. Да! такова наша судьба! Тѣмъ болѣе, если все это случится въ такой прекрасной обстановкѣ, какъ въ этомъ романѣ. Весна, цвѣты, прекрасный паркъ, журчанье водъ. Онъ пришелъ въ охотничьемъ костюмѣ, съ ружьемъ, собака легла у его ногъ. Ахъ! но мужчины... они часто во зло употребляютъ прекрасныя качества нашего нѣжнаго сердца, они не хотятъ знать, сколько страдаемъ отъ нихъ мы, бѣдныя женщины! (*Молчаніе.*) Конечно есть и между насъ такія, которыхъ весь интересъ въ жизни составляютъ низкіе матеріальные расчеты, хозяйственныя хлопоты. Но эта проза, проза! что бы мнѣ ни говорили, а это проза. Есть даже такія, которыя разсуждаютъ о разныхъ ученыхъ предметахъ не хуже мужчинъ, но я не признаю ихъ женщинами. Онѣ могутъ быть умны, учены, но вмѣсто сердца у нихъ ледъ. (*Молчаніе.*) Когда мнѣ приходятъ такія мысли въ голову, я всегда вспоминаю объ моемъ Полѣ. Ахъ! сколько онъ долженъ имѣть успѣховъ между женщинами! Я напередъ рада за него. Какъ пріятно это для матерп! Ахъ, дѣти! дѣти! (*Нюхаетъ спиртъ и потомъ звонитъ. Входитъ лакей.*)

.ЛАКЕЙ.

Чего изволите-съ?

ПРЕЖНЕВА

Что, барниъ не приходилъ еще?

ЛАКЕЙ.

Никакъ нѣтъ-съ.

ПРЕЖНЕВА.

Когда онъ придетъ, пошли его ко мнѣ.

ЛАКЕЙ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ.*)

ПРЕЖНЕВА.

Онъ такой чувствительный, нервный мальчикъ! Весь въ меня. Его бы надобно беречь, лелѣять, а я не могу: я не имѣю средствъ. Послѣ такого прекраснаго воспитанія онъ, по несчастію, долженъ служить. Тамъ эти столоначальники... всѣ они въ такихъ страшныхъ фракахъ... а онъ такой нервный, такой нервный!... я вѣрю, что его всѣ притѣсняютъ, потому что ему всѣ завидуютъ. (*Входитъ Польш.*)

II.

ПРЕЖНЕВА и Польш *безукоризненно одѣтый въ лиліемъ костюмъ, съ утомленнымъ видомъ, нѣсколько ломаясь.*

Польш.

Bon jour, maman!

ПРЕЖНЕВА (*цѣлуетъ его въ лобъ*).

Bon jour, Paul! Откуда ты?

Польш (*садится съ другой стороны на диванъ*).

Откуда!... Изъ того прекраснаго мѣста, куда вамъ угодно было опредѣлить меня.

ПРЕЖНЕВА.

Чтожь дѣлать, Польш!

Польш.

И шель пѣшкомъ въ такой ужасный жаръ.

ПРЕЖНЕВА.

У насъ, въ этой залѣ, такъ хорошо, такъ прохладно!

Поль.

Да; но за то каково здѣсь зимой! Всѣ углы сгнили, полъ провалился.

Презнева.

Да, мой другъ, теперь наши дѣла въ очень дурномъ положеніи.

Поль.

Ваши дѣла! Какія у васъ дѣла? Отець, воишь, едва дышитъ, вы тоже ужъ отжили свой вѣкъ. Каково мое положеніе!

Презнева.

Я тебѣ вѣрю, мой другъ. Я воображаю, какъ тебѣ тяжело!

Поль.

Еще бы легко! Вы послушайте меня. По рожденію, по воспитанію, по знакомству, ну наконецъ по всему, поглядите вы на меня съ ногъ до головы, я принадлежу къ лучшему обществу....

Презнева.

О, да.

Поль.

И чего же мнѣ недостаетъ? Вѣдь это срамъ, позоръ! Мнѣ недостаетъ состоянія. Да и кому нужно знать, что у меня нѣтъ состоянія? Я все-таки долженъ жить такъ, какъ они, и вести себя такъ, какъ они. Чтожъ, въ мѣщане что ли мнѣ принесться? Сапоги шить? Нѣтъ состоянія... это смѣшно даже.

Презнева.

Было, Поль, было.

Поль.

Я знаю, что было, да теперь гдѣ? я знаю больше... я знаю, что вы его промотали.

Презнева.

Ахъ, Поль, не вини меня: ты знаешь, что всѣ мы, женщины, такъ доверчивы, такъ слабы! Когда былъ еще здоровъ твой отецъ, насъ всѣ считали очень богатыми людьми, у насъ было отличное имѣніе въ Сибирекой губерніи. Онъ какъ то умѣлъ управлять всѣмъ этимъ. Потомъ, когда его разбилъ параличь, я жила совсѣмъ не роскошно, а только прилично.

Поль.

А monsieur Пеше что вамъ стоить? Сознайтесь, маман!

Презневва.

Ахъ, мой другъ, онъ такъ нуженъ былъ для твоего воспитанія. Потомъ, я два раза была за границей: а впрочемъ большихъ расходовъ никакихъ не дѣлала. И вдругъ мнѣ говорятъ, что я все прожила, что у насъ ничего нѣтъ. Это ужасно! Вѣроятно всему виною тамъ эти управляющіе да бурмистры.

Поль.

Канальи!

Презневва.

Что дѣлать, мой другъ! Люди такъ злы, коварны, а мы съ тобою такъ доверчивы.

Поль.

Это вы, маман, доверчивы: а попадись они мнѣ, я бы имъ задасть. Фить, фить.... (*Дѣлаетъ жестъ рукой.*) Вѣдь съ этимъ народомъ нельзя иначе. Это имъ хорошо.... почаще.... Просто, зло беретъ. Изъ-за этихъ негодяевъ я теперь долженъ чѣмъ свѣтъ идти пѣшкомъ въ какой-то судъ, о которомъ я бы и не слышалъ никогда: потомъ ѣхать пѣшкомъ домой или трястись на Вашькѣ. Не могу же я такъ жить, какъ живутъ эти писцы, съ которыми, впрочемъ, я сижу рядомъ. Они тамъ на крыльцѣ ѣдятъ у разнощиковъ пироги съ лукомъ. Они все могутъ, они такъ созданы: а я не могу. Ну, вотъ я теперь и задолжалъ всѣмъ: и извозчику, и портному, и Шевалье. Наши всѣ ходятъ къ Шевалье, и правовѣды... Не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, пироги съ лукомъ ѣсть, а тамъ еще нужно экзаменъ держать въ какомъ-то Уѣздномъ училищѣ. Ужасно! А будь у меня состояніе, я бы ничего этого и не зналъ: ни судовъ, ни Уѣздныхъ училищъ, ни писарей съ пирогами. На что мнѣ все это?...

Презневва.

Да, да, я понимаю.... съ твоимъ пѣжнымъ сердцемъ.... ты такой нервный!...

Поль.

Я просто не знаю, что мнѣ дѣлать! Выдь случай, такъ въ карты бы обигралъ кого нибудь, не посоветился.

ПРЕЖНЕВА.

Да, въ твоёмъ положеніи... конечно...

ПРЕЖНЕВЪ (*просытаясь*).

Павелъ, ты давно былъ въ театрѣ?

Поль.

Недавно.

ПРЕЖНЕВЪ.

Кто нынче маркизовъ играетъ?

Поль.

Давно ужъ никто не играетъ.

ПРЕЖНЕВЪ.

Я прежде хорошо маркизовъ игралъ. (*Презнева звонитъ. Входитъ лакей.*)

ПРЕЖНЕВА.

Вывези барина на балконъ; да возьми старыя газеты, почитай ему! (*Лакей беретъ газеты и увозитъ Презнева на балконъ.*)

Поль.

Вотъ еще, мой любезный дядюшка, тамъ онъ гдѣ-то предѣдителемъ былъ, такъ и разсуждаетъ съ высока. Ты, говорить, многого хочешь. Скажите, пожалуйста, чего я хочу? Что это — прихоти, роскошь? Я хочу только необходимаго, безъ чего нельзя обойтись человѣку нашего круга. Кажется, ясно. Такъ нѣтъ, дядюшка любезный говорить: ты этого не долженъ желать, потому что ты не имѣешь средствъ. Да развѣ я виноватъ, что не имѣю средствъ. Гдѣ же тутъ логика?

ПРЕЖНЕВА.

Какая логика, все вздоръ.

Поль.

Ты, говорить, работай. Нѣтъ ужъ, слуга покорный! Что я лошадь, что-ли?

ПРЕЖНЕВА.

Дядя твой человѣкъ грубый.

Поль.

Нѣтъ, татаи, это драма.

ПРЕЖНЕВА.

Драма, mon cher!

Поль.

И еще какая драма! Что тамъ рѣжутся, отправляются, все это вздоръ.

ПРЕЖНЕВА.

Знаешь что, Поль? — я думаю, тебѣ бы жениться.

Поль.

Чтожь, я не прочь жениться, да на комъ?

ПРЕЖНЕВА.

Да, это вопросъ! Я знаю тебя, Поль. Зачѣмъ ты такъ перекрасно воспитанъ? Зачѣмъ у тебя такая иѣжная душа? Ты черезъ это будешь несчастливъ въ своей жизни. Тебѣ иѣтъ пары! Много, слишкомъ много, нужно имѣть дѣвучиѣ достоинствъ, чтобы понравиться тебѣ и сдѣлать твое счастье.

Поль.

Вы, можетъ быть, думаете, маман, что меня прельщаетъ семейное счастье. Я ужъ не ребенокъ, мнѣ двадцать-одинъ годъ. Что за пастораль! (*Хохочетъ.*) Мнѣ просто нужны деньги.

ПРЕЖНЕВА.

Но все-таки, мой другъ, я знаю твой характеръ, я знаю, что ты не захочешь жениться на комънибудь.

Поль.

На комъ хотите. Мнѣ нужны деньги, чтобъ быть порядочнымъ человекомъ, чтобъ играть роль въ обществѣ, однимъ словомъ, чтобъ дѣлать то, къ чему я способенъ. Я наживать не могу, я могу только проживать прилично и съ достоинствомъ. У меня для этого есть все способности, есть тактъ, есть вкусъ, я могу быть передовымъ человекомъ въ обществѣ.

ПРЕЖНЕВА.

Однако, мой другъ. .. (*Входитъ лакей.*)

ЛАКЕЙ.

Перешивкина пришла.

ПРЕЖНЕВА.

Вѣчно не во-время прійдетъ.

ПОЛЬ.

Поговоримъ послѣ, еще будетъ время.

ПРЕЖНЕВА.

Пусть войдетъ. (*Лакей уходитъ.*)

Ш.

ТѢ-ЖЕ И ПЕРЕШИВКИНА.

ПРЕЖНЕВА.

Что ты, Устинья Филимоновна?

ПЕРЕШИВКИНА (*цѣлуетъ Пржезневу въ
и плечо и становится сзади*).

Провѣдать, матушка, пришла, все ли вы здоровы? Я благодѣтелей не забываю.

ПОЛЬ.

А, ботвинья лимоновна, откуда тебя принесло?

ПЕРЕШИВКИНА.

Какая я ботвинья лимоновна? Вы все, баринъ, шутите.

ПОЛЬ.

Она, кажется, воображаетъ, что съ ней можно говорить серьезно.

ПЕРЕШИВКИНА.

У меня, матушка, знакомый человѣкъ дюми-терьмо дѣлаетъ.... (*Поль хохочетъ.*) Ничего, смѣйся, батюшка, смѣйся надо мной, старухой.... Такъ, вотъ, негодно ли купить, онъ мнѣ дешево отдаетъ. Широкий такой, добротный. Прикажете принести? Въ городъ за эту цѣну не купите.

ПРЕЖНЕВА.

Принеси, я посмотрю.

ПОЛЬ.

А много ли ты тутъ, старая корга, наживешь?

ПЕРЕШИВКИНА.

Ужь и старая корга?

Поль.

Чтожь, ты, можетъ быть, еще замужь собираешься?

ПЕРЕШИВКИНА.

Не годится вамъ, баринъ, меня, старуху, бранить, я васъ на рукавъ пачила.

Поль.

Кажется, она обижаться вздумала. Вотъ одолжить.

ПРЕЖНЕВА.

Оставь ее, мой другъ!

ПЕРЕШИВКИНА.

Ничего, матушка, ничего, пусть шутить. Онъ ужь такой шутникъ! Еще маленькйи мнѣ какъ-то ченчикъ сзади зажегъ.

Поль.

А, поминишь!

ПЕРЕШИВКИНА.

Какъ не поминишь! Все волосы сжегъ, да и лицу досталось. А вы, баринъ, не смѣйтесь надо мной: я еще, можетъ, пригожусь вамъ.

Поль.

На чтожь ты мнѣ пригодншься? Въ огородъ вмѣсто чучела поставить?

ПЕРЕШИВКИНА.

А, можетъ быть, на что другое пригожусь. Павелъ Петровичъ. Какъ знать? Что, матушка барыня, не обидитесь вы на мои глупыя слова? Можетъ я какое слово и къ мѣсту скажу.

ПРЕЖНЕВА.

Что такое? Говори!

ПЕРЕШИВКИНА.

Есть у меня одна дама, знакомая, Серафимой Карновой зовутъ. Я завсегда къ нимъ въ домъ вхожу. Она, вотъ видите ли, матушка, купеческаго роду, только была за господномъ Асламевичемъ, важный человекъ, въ чинахъ. Онъ, матушка, одинъ разъ генераломъ былъ.

Поль (*хохочет*).

Какъ это такъ?

ПЕРЕШИВКИНА.

А вотъ какъ: гдѣ оиъ служилъ-то, такъ ихній генераль въ отпуску бѣлъ, въ это-то самое время оиъ и бѣлъ генераломъ цѣлый мѣсяць.

Поль.

А, вотъ какъ. Ну, ври, ври!

ПЕРЕШИВКИНА.

Это истинно я вамъ говорю. И всего одинъ годочикъ жила она съ нимъ, а теперь, вотъ, другой годъ вдовѣтъ.... Да вы не разсердитесь, матушка барыня...

ПРЕЖНЕВА.

Ну, продолжай!

ПЕРЕШИВКИНА.

Красавица собой, и добрая, а ужъ скромная какая! на рѣдкость. И расчетливая, ужъ на наряды или тамъ на какія бездѣлицы денегъ не промотаетъ.

Поль.

То есть, просто скуна.

ПЕРЕШИВКИНА.

Не то, что скуна, а расчетлива, хозяйка хорошая. Тенерича приданое, которое за ней дадено, значить, все при ней состоитъ. Однихъ денегъ полтора ста тысячъ.

Поль.

Полтора ста тысячъ!

ПЕРЕШИВКИНА.

Сама, сама видѣла, все эти билеты у нея въ шкатулкѣ видѣла: при мнѣ считала. Только вы лучше велите мнѣ, дурѣ, замолчать. Вѣдь языкъ безъ костей, пожалуй мели, что хочешь. Хоть она для меня женщина и добрая, а вы все-таки мнѣ дороже ея. Богъ съ ней. За что же я васъ буду напрасно въ гнѣвъ вводить!

ПРЕЖНЕВА И ПОЛЬ.

Ничего, говори, говори!

ПЕРЕШИВКИНА.

Если приказываете, такъ буду говорить. Вотъ, матушка барыня, такъ сказать по нашему, по женски: дѣло молодое, другой годъ вдовѣть.... ну, вотъ, она.... И не то, чтобы лгу: я на себя и грѣха этого не возьму. Я всегда вашимъ добромъ довольна. Могу ли я это забыть! Конечно, мы люди маленькіе, а добра не забываемъ, и завсегда, чѣмъ могу, услужить....

Поль (*махнувъ рукой*).

Ну!

ПРЕЖНЕВА.

Да ты продолжай!

ПЕРЕШИВКИНА.

Слушаю, матушка. Вотъ она у васъ тутъ по сосѣдству живетъ. Налѣво бѣлый каменный домъ; Павелъ Петровичъ часто мимо ходитъ.

ПРЕЖНЕВА.

Ну, такъ чтожь?

ПЕРЕШИВКИНА (*на ухо*).

Влюбилась.

ПРЕЖНЕВА.

Что?

ПЕРЕШИВКИНА (*проше*).

Влюбилась. Ей-Богу!... Да.

ПРЕЖНЕВА (*смиется*).

Да чтожь тутъ удивительнаго? Ты глупа, душа моя! Еще бы въ него-то не влюбиться! Вотъ рѣдкость!

ПЕРЕШИВКИНА.

Ну само собой, барыня; да вѣдь съ деньгами.

Поль (*поетъ*).

La donna e mobile.....

ПЕРЕШИВКИНА.

Я, говорить, влюблена, Устинья Филимоновна. Въ кого, говорю, матушка, въ кого? А вотъ посмотри, сейчасъ пройдетъ. Я гляжу въ окно-то, а Павелъ Петровичъ и идетъ; а она миѣ и говоритъ: вотъ онъ. Я такъ и ахнула!

Поля (*поетъ*).

La donna e mobile.....

ПЕРЕШИВКИНА.

Конечно, надо Павлу Петровичу самому посмотреть: понравится ли еще. Ну да коли сомнѣніе имѣете, можно и въ Онекускомъ справиться, билеты-то всѣ именныя. Отчего жъ не справиться? Любовь любовью, а деньги деньгами. Вѣдь это дѣло вѣчное.

Поля (*подходитъ къ матери*).

Мама, я иду гулять.

ПРЕЖНЕВА.

Прощай, мой другъ! (*Цѣлуетъ его въ лобъ.*)

Поля (*тихо*).

Хлопочте. (*Уходитъ.*)

ПРЕЖНЕВА.

Вотъ видишь ли, милая Устинья Филимоновна, не велика радость для моего Поля, что какая-то мадамъ Асламевичъ въ него влюбилась.... Однако, если онъ ее увидитъ, можетъ быть, она ему и понравится.... Я, конечно, съ своей стороны не буду пренятствовать ему, хоть она и изъ купческаго званія.... Миѣ только быль бы онъ счастливъ... (*Встаетъ.*) Пойдемъ, я везу тебя чаемъ на-понтъ.... Только ты ужъ веди себя поумнѣе.

ПЕРЕШИВКИНА.

Матушка, я по гробъ жизни.... (*Уходитъ.*)

—

КАРТИНА ВТОРАЯ

Л И Ц А.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ ТОЛСТОГОРАЗДОВЪ, вунецъ, сѣдой, низенькій, толстый.

УЛИТА НИКИТИШНА, жена его, пожилая женщина, безъ особыхъ примѣтъ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА, дочь Толстогораздова, вдова, высокаго росту, худощава, необыкновенной красоты. Походка и движенія вѣстунки: часто задумывается, вздыхаетъ и поднимаетъ глаза къ небу, когда говорить о любви; тоже дѣлаетъ, когда про себя считаетъ деньги, а иногда и просто, безъ всякой причины.

МАТРЕНА, горничная, дальняя родственница Толстогораздовыхъ. Молодая дѣвка, полная, тѣло мраморной бѣлизны, щеки румяныя, глаза и брови черныя. Ходитъ въ шуфъ, рубашка съ кисейными рукавами, въ кофѣ ленты.

1-й **КУЧЕРЪ**, Толстогораздова.

2-й **КУЧЕРЪ**, Серафимы Карповны.

*Дворъ. Направо галлерей дома, на заднемъ планѣ садъ; на-
тѣво надворное строеніе; двѣ двери: одна на погребъ, другая
на стѣнникъ.*

I.

На дворъ.

1-й Кучеръ сидитъ на приступкѣ у погребницы. Матрена входитъ.

1-й Кучеръ (*поетъ тонкимъ голосомъ*).

Прежде жилъ я, мальчикъ, веселился;

Но вымълъ свой капиталъ.

Капиталу, мальчикъ, я рѣшился,

Во неволю жить попалъ.

МАТРЕНА.

Хозяева проснулись. Ты бы, Иванычъ, самоваръ-то втащишь.

1-й Кучеръ.

А ты что за барыня? Проминись! Ишь жиру-то нагуляла; не-
уколупнешь нигдѣ, точно на наковальиѣ молотками сколочена. (*Поетъ.*)

И какова, братцы, неволя?

Да кто знаетъ про нее?

МАТРЕНА.

Позавидовалъ ты моему жиру. У самого рыло-то ужъ лопнуть
хочетъ. Неси, что ли, говорить тебѣ.

1-й КУЧЕРЬ.

Приходи завтра! (*Поетъ.*)

Какова, братцы, неволя?
Да кто знаетъ про нее?

МАТРЕНА.

Дай срокъ, я вотъ Улитѣ Никитишиѣ скажу, что ты ничего не
дѣлаешь, никогда тебя ничего не допросишься.

1-й КУЧЕРЬ.

Я кучерь, понимаешь ты это? Я свое дѣло правлю. А ты что?
Тинунь-дзорянка! Тонко ходите, чулки отморозите! Значить ты его
(показывая на самоваръ) и волокни.

МАТРЕНА.

Да вѣдь въ немъ пудовъ нять будетъ, гдѣжъ дѣвкѣ его стащить.

1-й КУЧЕРЬ.

Опять таки это до меня некасающее.

МАТРЕНА.

Стыда-то въ тебѣ ничего нѣтъ, безстыжіе твои глаза! Хоть на-
дорвись дѣвка, тебѣ все равно. (*Поднимаетъ самоваръ, вслѣдъ
корпусомъ отваливается назадъ, и загнувъ голову на сторо-
ну отъ нару, идетъ къ галлерей.*)

1-й КУЧЕРЬ (*въ слѣдъ ей*).

Не балуй въ серьгахъ, позолота сойдетъ!

МАТРЕНА (*входя на крыльцо, обо-
рачивается*).

Ругатель! (*Ставитъ на столъ самоваръ*).

1-й КУЧЕРЬ (*поетъ*).

Какова, братцы, неволя?
Да кто знаетъ про нее?

(*На галлерей выходятъ Каръ Карнычъ и Улита Никитишина.
Кучерь замолкаетъ и уходитъ.*)

II.

На галерею.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ И УЛИТА НИКИТИШНА (*сидятъ у стола на галерею.*)

УЛИТА НИКИТИШНА (*заваривая чай*).

Нынче все муаръ-антикъ въ моду пошелъ.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Какой это муаръ-антикъ?

УЛИТА НИКИТИШНА.

Такая матерія.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Ну и пуцай ее.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Да я такъ... Вотъ кабы Серафимочка за-мужъ вышла, такъ ужъ сшила бы себѣ, кажется... Все дамы носятъ.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

А ты нешто дама?

УЛИТА НИКИТИШНА.

Обнаковенно дама.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Да вотъ можешь ты чувствовать, не могу я слышать этого слова... когда ты себя дамой называешь.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Да, что же такое за слово: — дама? Что въ немъ... (*ищетъ слова*) постыднаго?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Да коли не люблю! Вотъ тебѣ и сказъ!

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ну, а Серафимочка дама?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Извѣстно дама, та ученая, да за бариномъ была. А ты что? Все была баба, а какъ мужъ разбогатѣлъ, дама стала. А ты своимъ умомъ дойди.

УЛИТА НИКИТИШНА

Да. иѣтъ! Все таки... какже!

КАРПЪ КАРНЫЧЪ.

Сказано молчи, ну и баста! (*Молчаніе.*)

УЛИТА НИКИТИШНА.

Когда было это сраженіе?

КАРПЪ КАРНЫЧЪ.

Какое сраженіе?

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ну вотъ недавно-то. Развѣ не помнишь, что ли?

КАРПЪ КАРНЫЧЪ.

Такъ что же?

УЛИТА НИКИТИШНА.

Такъ много изъ простаго званія въ офицеры произошли.

КАРПЪ КАРНЫЧЪ.

Вѣдь не бабы же. За свою службу каждый получаетъ, что со-
отвѣтственно.

УЛИТА НИКИТИШНА.

А какже вотъ, къ намъ мѣщанка ходитъ, такъ говорила, что
когда племянникъ курсъ выдержитъ, такъ и она будетъ благородная.

КАРПЪ КАРНЫЧЪ.

Да дождайся.

УЛИТА НИКИТИШНА.

А говорятъ, въ какихъ-то земляхъ изъ женщинъ полки есть.

КАРПЪ КАРНЫЧЪ (*смѣется*).

Гвардія! (*Молчаніе.*)

УЛИТА НИКИТИШНА.

Говорять, грѣшно чай пить.

КАРПЪ КАРНЫЧЪ

Это еще отчего?

УЛИТА НИКИТИШНА.

Потому, изъ некрещеной земли идетъ.

КАРПЪ КАРНЫЧЬ.

Мало ли что изъ некрещеной земли идетъ.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Вотъ тебѣ примѣръ: хлѣбъ изъ крещеной земли, мы его и ѣдимъ во время; а чай—когда пьемъ? Люди къ обѣднѣ, а мы за чай; вотъ теперь вечерни, а мы за чай. Вотъ и значитъ грѣхъ.

КАРПЪ КАРНЫЧЬ.

А ты пей во время.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Нѣтъ, все таки...

КАРПЪ КАРНЫЧЬ.

Все таки молчи. Ума у тебя нѣтъ, а разговаривать любишь. Ну, и молчи! (*Молчаніе.*)

УЛИТА НИКИТИШНА.

Какая Серафимочка у насъ счастливая! Была за баринномъ — барыня стала; и овдовѣла—все таки барыня. А какъ теперь, если за князя выдетъ, такъ, пожалуй, княгиня бѣдетъ.

КАРПЪ КАРНЫЧЬ.

Все таки по мужѣ.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ну, а какъ за князя выдетъ, неужто я такъ-таки ничего? Вѣдь она мое рожденіе.

КАРПЪ КАРНЫЧЬ.

Съ тобой говорить, только мысли въ головѣ разбивать. Я было, оубъ дѣлѣ задумалъ, а ты тутъ съ разговоромъ да съ глупостями. Вѣдь вашего, бабьяго, разговору всю жизнь не переслушаешь. А сказать тебѣ: молчи! такъ вотъ дѣлю-то короче бѣдетъ. (*Задумывается. Молчаніе. Вбѣгаетъ Матрена.*)

III.

МАТРЕНА.

Матушка, Улита Никитишна, Серафима Карповна пріѣхала.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ахъ, бабушки! (*Быстро встаетъ и уходитъ съ Матреной.*)

КАРПЪ КАРНЫЧЬ.

Кабы на бабѣ да не страхъ, съ ними бы и не сообразилъ. Есть свое дѣло, такъ иѣтъ, давай лѣзть въ чужое. Пристаетъ къ мужу: скажи ей свое дѣло и свою тайну, и прельщаютъ его прелестію и лукавствомъ, и осклябляютъ лицо свое—и все на погибель. И кто имъ скажетъ свое дѣло, и онѣ наущаютъ и соблазняютъ: дѣлай не такъ, а вотъ такъ, по моему желанію. И многіе мужи погибли отъ женъ. Молодой человѣкъ, который и неопытный, можетъ польститься на ихъ прелесть, а человѣкъ, который въ разумъ входитъ и въ лѣта постоянныя, для того женская прелесть ничего не значить, даже скверно.

На дворъ.

Входятъ 1-й и 2-й Кучера.

2-й Кучерь.

У васъ какое сравненіе! Не въ примѣръ лучше. Просто, жидъ, а не барыня; сама овесъ выдастъ. (*Уходятъ въ сарай. Входятъ Улита Никитишна, Серафима Карповна и Матрена.*)

IV.

На галлерея.

Карпъ Карпычъ, Улита Никитишна садится на свое мѣсто и разливааетъ чай; Серафима Карповна въ шляпкѣ, въ мантиль, въ зеленыхъ перчаткахъ, съ зонтикомъ, подходитъ къ отцу; Матрена ставитъ на столъ росписную чашку, которую принесла изъ комнатъ и становится по-одавъ.)

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Здравствуйте, папешка! (*Цѣлуются.*)

КАРПЪ КАРНЫЧЬ.

Здравствуй! Садись, такъ гостя будешь.

СЕРАФИМА КАРПОВНА (*сидя*).

А гдѣ же братецъ, Ошенимъ Карповичъ?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Гдѣ Описимъ-то? Загулялъ. Вотъ ужъ пятый день чертить.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

А сестрица, Анна Власьевна?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Да вотъ, какъ ни ъдемся, все Описимъ пить-то не перестаетъ, такъ жена и повезла по тюрьмамъ калачи раздавать. Авось Богъ проститъ.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Да, да... Повезла калачи раздавать... заключенымъ... Вѣдь все больше занапрасно...

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Да, занапрасно! Они тамъ рѣжутъ да грабятъ, а ихъ не сажать.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Такъ чай тѣ, которые грабятъ-то, въ острогѣ сидятъ; а въ ямѣ то за что?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

А въ ямѣ-то за долги.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Какъ не за долги! Вонъ, говорятъ, Конь Конычъ за процентъ сидитъ.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

За какой процентъ?

УЛИТА НИКИТИШНА.

Да также, за процентъ. А какой тутъ процентъ! Какъ бралъ, такъ и отдай. Чай вѣдь это грѣхъ.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Ты опять разговорить! (*Улита Никитишна наливаетъ чай. Матрена подаетъ на поднось чашку Серафимъ Карповнѣ, та беретъ, не снимая перчатокъ.*)

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ты-бъ, Серафимушка, сняла шляпку-то, да мантилю, да и платье то бы растегнула сзади, здѣсь все свои. Вотъ тебѣ Матрена растегнетъ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Ахъ, что это вы, маменька! Миѣ не жарко. Я къ вамъ на минуточку приѣхала, только посоветоваться.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ (*дуя на блюдечко*).

Объ чемъ бы это, напримѣръ?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Я хочу замужъ идти.

УЛИТА НИКИТИШНА (*вплеснувъ руками*).

Ахъ, батюшки!

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Ну чтожъ! Съ Богомъ! Это дѣло хорошее. Это лучше...

УЛИТА НИКИТИШНА (*качая головой и складывая руки на груди*).

Красавица ты моя!

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

А за кого бы это? Желаю я знать.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Онъ, папенька, молодой человекъ, служить въ Судѣ, и, надобно вамъ сказать, не богатый. Я бъ и не пошла за бѣднаго, да ужъ очень я въ него влюблена. (*Поднимаетъ глаза къ небу, вздыхаетъ и задумывается.*)

УЛИТА НИКИТИШНА (*вплеснувъ руками*).

Ахъ, матушка моя!

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

А чьихъ онъ?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Прежневъ. Онъ благородный, хорошей фамили, можетъ мѣсто хорошее получить. Чтожъ, думаю, у меня свои деньги; если буду жить расчетливо, могу прожить и съ мужемъ. Лучше я себѣ во

всемъ откажу, а ужъ я безъ него жить не могу. (*Опять вздыхаетъ и поднимаетъ глаза.*)

КАРПЪ КАРПЫЧЬ.

Можетъ качества какія есть?

СЕРАФИМА КАРНОВНА.

Качествъ за нимъ никакихъ не слышать.

КАРПЪ КАРПЫЧЬ.

Ты, Серафима, помни одно, что ты отрѣзанный ломоть, я тебѣ больше денегъ не дамъ. Такъ ты, смотри, не проживи деньги-то, которыя за тобою дадены.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Тотъ былъ старикъ, а этотъ, ишь-ты, молодой: гляди рожать будешь; такъ деньги-то, чтобъ дѣтямъ остались.

СЕРАФИМА КАРНОВНА.

Мнѣ денегъ прожить нельзя, съ моимъ характеромъ. (*Отдаетъ чашку Матрени.*)

КАРПЪ КАРПЫЧЬ.

Ну, онъ молодой, а ты все-таки вдова, а не дѣвушка, все, какъ будто передъ мужемъ совѣстно; ну, онъ подластится, да и выманить деньги-то.

СЕРАФИМА КАРНОВНА (*принимая чашку отъ Матрени*).

Неужели мужчины могутъ любить только изъ денегъ? (*Вздохъ и глаза къ небу.*)

КАРПЪ КАРПЫЧЬ.

А ты думала какъ? Порядокъ извѣстный.

СЕРАФИМА КАРНОВНА (*выходя изъ задумчивости*).

Да я ему и не дамъ денегъ.

КАРПЪ КАРПЫЧЬ.

Ну, и ладно. Ты поступиай такъ, какъ я тебѣ приказывалъ.

СЕРАФИМА КАРНОВНА.

Конечно, папенька! Что я, дура, что ли?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

А вотъ и у насъ скоро свадьба: Матрену въ саду съ приказникомъ застали, такъ хочу повѣнчать. (*Матрена закрываетъ лицо рукавомъ.*) Тысячу рублейъ ему денегъ и свадьба на мой счетъ.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Тебѣ бы только поображничать гдѣ было, за тѣмъ и свадьбу-то затѣялъ.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Ну, еще что?

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ничего больше.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ (*строго*).

Нѣтъ, ты поговори!

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ничего, право, ничего.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ (*строже*).

Нѣтъ, поговори что нибудь, я послушаю.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Да что говорить-то, коли не слушаешь.

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Что слушать-то! Слушать-то у тебя нечего. Эхъ, Улита Никитишна! (*Грозитъ пальцемъ.*) Сказано: молчи! Я хочу, чтобъ дѣвка чувствовала, а ты своими разговорами. (*Матрена закрываетъ другимъ рукавомъ глаза.*) Третью племянницу такъ отдаю. Я всей роднѣ благодѣтель. Вотъ теперь есть еще маленькая, такъ и ту на мѣсто Матрены возьму, и ту въ люди выведу. (*Молчаніе.*)

УЛИТА НИКИТИШНА.

Смотри, будетъ ли онъ любить-то тебя.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Чтожъ, маменька, въ моемъ характерѣ ничего дурнаго нѣтъ. Только я... еще и въ пансіонѣ говорили, что я музыки совсѣмъ не понимаю, задумываюсь часто, такъ, ни объ чемъ, да очень люблю сладкое, такъ, можетъ, онъ этого не замѣтитъ; да вотъ еще на серебро плохо считаю...

КАРПЪ КАРНЫЧЬ.

Ничего, привыкнешь.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Можетъ быть ему не понравится, что я разсчитлива, такъ вѣдь иначе мнѣ какже? Я стараюсь только, чтобъ не прожить капитала, а проживать одни проценты. Чтожь я буду тогда безъ капитала, я ничего не буду значить.

КАРПЪ КАРНЫЧЬ.

Обнаковенно.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

А проценты я сейчасъ могу расчесть на бумажкѣ, насъ въ пансіонѣ этому учили. А вотъ безъ бумажки я и не могу. (*Задумывается.*)

УЛИТА НИКИТИШНА.

Объ чемъ ты это думаешь-то, милушка?... Да и я то дура! Какъ тебѣ, бѣдной, не думать-то! Переменя въ жизни... вѣдь въ него не влѣзешь, какой онъ тамъ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Пѣтъ, маменька, я вотъ давеча ленты покунала, по восьми гривенъ ассигнаціями, семь аршинъ; такъ вотъ я и думаю, сколько это на серебро-то будетъ, и такъ ли онъ мнѣ сдачу сдать съ трехъ цѣлковыхъ? (*Вынимаетъ портъ-моне и смотритъ въ него.*)

КАРПЪ КАРНЫЧЬ.

Рубъ шесть гривенъ... рубъ сорокъ сдачи.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Такъ ли, паненька-съ?

КАРПЪ КАРНЫЧЬ.

Ну, да что тутъ еще разговаривать!

СЕРАФИМА КАРПОВНА (*прячетъ портъ-моне*).

Хорошо-съ.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Смотри, не пьетъ-ли?

КАРПЪ КАРНЫЧЬ.

Опять ты все врешь! кто нынче не пьетъ!

УЛИТА НИКИТИШНА.

То есть ты спроси, во хмѣлю-то онъ баковъ?

КАРИЪ КАРИЧЬ.

Ну, вотъ это дѣлю!

УЛИТА НИКИТИШНА.

Потому, другой смириый въ хмѣлю, такъ это нужды нѣтъ, все равно, что не пьющій.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Хорошо, маменька, я распрошу-сь. Миѣ, маменька пора.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ахъ, какъ это можно. Посиди. Вѣдь ты сладкое-то любишь... У насъ фрукты какіе прелестныя! Поди, Матрена, принеси, они у меня на окнѣ въ снальѣ. (*Матрена уходитъ и скоро возвращается съ фруктами и подноситъ Серафимъ Карповнѣ, а потомъ ставитъ на столъ.*) Кушай, милушка, кушай! Наливочки не хочешь ли?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Что это вы, маменька!

УЛИТА НИКИТИШНА.

Пивца, душенька?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Да развѣ я пью?

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ну, медку?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Право, не могу.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ну, вареньца?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Вареньца можно.

УЛИТА НИКИТИШНА (*доставъ ключи изъ кармана*).

Матрена, сходи въ кладовую, принеси двухъ сортовъ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Да вели моему кучеру подавать. (*Матрена беретъ ключи и уходитъ черезъ сцену.*)

УЛИТА НИКИТИШНА.

Кушай еще, Серафимушка! (*Серафима Карповна беретъ еще.*)
А ты, чтоже, Карпъ Карпычъ?

КАРПЪ КАРПЫЧЪ.

Ну вотъ еще! Стану я теперь ѣсть всякую дрянь. А ты отложи мнѣ, а остальные вели убрать; я уже какъ стану водку пить, такъ закушу анельсикомъ. (*Улита Никитишна беретъ и пьетъ. Молчаніе.*)

III.

На дворъ.

МАТРЕНА (*идетъ съ двумя тарелками. Подходитъ къ двери сѣнника и толкаетъ ее ногой*).

Эй вы, гужеѣды! (*Кучера выходятъ.*) Подавай лошадей! Барыня ѣхать хотятъ.

2-й КУЧЕРЪ.

Меня въ тѣ поры, за одну провинность, баринъ хотѣлъ въ солдаты отдать.

1-й КУЧЕРЪ.

Ишь ты!

2-й КУЧЕРЪ.

Такъ я въ тѣ поры, братецъ ты мой, все только объ войнѣ и думалъ, и со всякимъ, то есть, человѣкомъ все про войну разговаривалъ. И такъ у меня раскипѣлось сердце, что хоть сейчасъ подь черкеса.

1-й КУЧЕРЪ.

У меня тутъ по сосѣдству одинъ деньщикъ есть пріятель, они съ баринкомъ въ венгерской кампаніи были, такъ онъ про австріяка сказывать.

2-й КУЧЕРЪ.

А что такое?

1-й КУЧЕРЪ.

А вотъ что, другъ любезный, будто ему еще допрежь сказано,

при французѣ, когда французъ былъ: что ты можешь мнѣ препятствовать? Хочешь, я тебя раззорю.

2-й Кучеръ.

И раззорить!

а-й Кучеръ.

Раззорить!

2-й Кучеръ.

Потому, сила.

1-й Кучеръ.

Ничего не подѣлаешь! Все равно, какъ миллюція была... одиннадцать вершковъ росту, пятнадцать пудовъ подымаешь. Пругь себѣ! Тамъ ту-ту-ту-ту-ту-ту, значить, въ барабанъ отбой. А они говорятъ: ребята, впередъ! Измѣна! Ну и пругь себѣ, что ты хочешь!

2-й Кучеръ.

Извѣстно, ужъ тутъ кто кого.

1-й Кучеръ.

Кто, значить, ужъ одолѣеть чья сила возьметъ.

Матрена.

Скучно слушать-то! Охъ, войны! сила на печкѣ воете. Видно, не страшна война, только утиши Господи!

1-й Кучеръ (*скосивъ глаза въ сторону Матрены, съ совершеннымъ презрѣніемъ*).

Сволочь!

Матрена.

Говорять вамъ, барыня дожидается.

2-й Кучеръ (*надввая на правую руку петлю кнута, лѣвую подаетъ Иваньчу*).

Прощай!

1-й Кучеръ.

Прощай, другъ любезный! (*Уходитъ за домъ, Матрена не галтерю.*)

IV.

На галлерей.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Серафимушка! я было и забыла... еще вот что надо безпремѣнно тебѣ сдѣлать! Ужь проминовать нельзя... Когда ты все узнаешь про жениха, что онъ не мотъ, не пьяница, не картежникъ, — такъ съѣзди къ ворожеѣ, къ Парашѣ. Приди къ ней смирененько и спроси: будетъ ли, моль, раба Серафима счастлива съ рабомъ... какъ его?

СЕРАФИМА КАРНОВНА.

Павломъ.

УЛИТА НИКИТИШНА.

Съ рабомъ Павломъ? Что она тебѣ скажетъ, такъ и сдѣлай.

КАРНЪ КАРНЫЧЬ.

Ничего ты этого не дѣлай!

УЛИТА НИКИТИШНА.

Ну ужь, Карнъ Карнычъ, я во всемъ тебя послушаю, а это дѣло не твое, это дѣло женское! Не слушай ты его, Серафимушка, дѣлай, какъ я велю. Я мать—худа не посоветую.

СЕРАФИМА КАРНОВНА.

Хорошо-съ. (*Встаетъ.*) Прощайте, наненька! Прощайте, маменька! (*Цѣлуетъ.*)

КАРНЪ КАРНЫЧЬ.

А ты вотъ что: ты скажи жениху, коли будетъ ко мнѣ почтительнень—я ему шубу подарю хорошую; а коли не будетъ — назадъ отниму. (*Уходятъ.*)

Между второю и третьею картиною проходить мѣсяць.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

ЛИЦА.

ПОЛЬ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА, жена его.

СОФЬЯ ИВАНОВНА ПРЕЖНЕВА.

НЕИЗВѢСТНЫЙ, пріятель Поля, человекъ среднихъ лѣтъ, съ греческимъ профилемъ и мрачнымъ выраженіемъ лица.

ГОРНИЧНАЯ.

ЛАКЕЙ.

Богато убранный кабинетъ.

I.

Поль (*сидитъ за столомъ и пишетъ*), Лакей (*входитъ*).

ЛАКЕЙ.

Павель Петровичъ, тамъ портной да каретникъ дожидаются.

Поль (*оборачивался*).

Гони ихъ вонъ!

ЛАКЕЙ.

Да нейдуть-съ.

Поль.

Ну, скажи имъ, что на слѣдующей недѣлѣ.

ЛАКЕЙ.

Говорилъ, — да нейдуть-съ.

Поль.

Такъ неужели-жъ мнѣ самому съ ними разговаривать? Ну, скажи имъ что нибудь такое. Ты видишь, что я занятъ. Надоѣлъ! Пошолъ вонъ!

ЛАКЕЙ.

Тамъ еще какой-то баринъ васъ спрашиваетъ.

ПОЛЬ.

И его гони. (*Неизвестный показывается въ дверяхъ; лакей, увидявъ неизвестнаго, уходитъ.*)

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно.

ПОЛЬ (*встаетъ*).

Ахъ, мой другъ, я и не зналъ, что это ты. Извини, сдѣлай милость!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Да, ты не зналъ. (*Осматриваетъ съ ногъ до головы Поля, и потомъ кабинетъ.*)

ПОЛЬ.

Право же, не зналъ. Неужели бы я тебя не принялъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*садится*).

Ну хорошо, хорошо.

ПОЛЬ.

Сигару не хочешь ли?

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*иронически улыбаясь*).

Сигару? А когда же деньги?

ПОЛЬ.

Теперь скоро.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

То есть, какже это: теперь, или скоро?

ПОЛЬ.

Скоро, скоро.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ты скоро отдашь? (*Смотритъ пристально на Поля.*) Ну, а если я тебѣ не вѣрю.

ПОЛЬ.

Какже тебѣ не вѣрить, у тебя въ рукахъ документъ. Потому, ты видишь, какъ я живу.

Неизвестный.

Да вѣдь документу срокъ; а это не твое,—а женшино.

Поль.

Это все равно.

Неизвестный.

Нѣтъ, не все равно.

Поль.

Такъ чего ты хочешь?

Неизвестный.

А вотъ чего: или ты завтра мнѣ отдашь все деньги, или мы перепишемъ документъ...

Поль.

Изволь, перепишемъ хоть сейчасъ.

Неизвестный.

Нѣтъ, мы перепишемъ завтра, только чтобъ твоя жена подписалась поручительницей.

Поль.

Какже это?

Неизвестный.

Тамъ ужъ маклеръ знаетъ какъ; а то я подамъ ко взысканію.
(*Встаетъ.*)

Поль.

Ну, хорошо.

Неизвестный.

Такъ смотри же, завтра! (*Идетъ къ двери.*) Ты не думаешь ли отвернуться какъ шибудь? Этого со мной нельзя. (*Уходитъ.*)

Поль.

Это скучно наконецъ! Богатъ, богатъ, а денегъ все нѣтъ. Надо у жены попросить; теперь все равно, что у ней деньги, что у меня, у насъ все общее. Еще даже лучше, если у меня. И для чего я такъ долго откладываю! Только все больше и больше занутиваясь.
(*Серафима Карповна входитъ, Поль тишетъ.*)

II.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Поль, брось писать, не пиши! (*Обнимаетъ его. Поль перестаетъ писать.*) Я такъ счастлива, такъ счастлива! Господи, за что мнѣ такое счастье! (*Задумывается.*) Всего у меня много, мужъ такой милый (*цалуетъ его*), красавецъ, умный! Только одно меня беспокоитъ: ты часто уѣзжаешь. Ужъ коли ты женился, ты бы все и сидѣлъ со мной; я бы, кажется, тебя еще больше любить стала.

Поль.

Нельзя же, мой другъ, у меня служба.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Ты и нынче поѣдешь?

Поль.

Да, поѣду. Ужъ мнѣ пора.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Возьми меня съ собой.

Поль.

Куда это, въ Сенать-то?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Ну, да.

Поль.

Что ты говоришь! Да развѣ это можно?

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

У васъ все нельзя. Просто, ты меня не любишь, отъ того и не хочешь взять. Кабы ты любилъ, ты бы взялъ. Ты бы сказалъ всѣмъ: «это моя жена». Что-жъ, я тебя нигдѣ не острамлю, я въ пансіонѣ воспитывалась.

Поль.

Да ты спроси у когонибудь, коли мнѣ не вѣришь, берутъ ли женъ въ присутственныя мѣста.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Оттого и не берутъ, что не любятъ насъ. Кабы любили, такъ бы брали. Если бы вы насъ любили такъ, какъ мы васъ любимъ,

вы бы всё наши прихоти исполняли. Мы для васъ все на свѣтѣ готовы сдѣлать, а вы никакой малости не хотите.

Поль.

Да и я все, что хочешь, готовъ для тебя сдѣлать, только этого нельзя.

Серафима Карповна.

Ну, по крайней мѣрѣ, сдѣлай для меня удовольствіе, не ѣзди нынче, посиди со мной.

Поль (*пожимая плечами*).

Если ты хочешь,—изволь.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ты не поѣдешь?

Поль.

Не поѣду, если тебѣ угодно.

Серафима Карповна.

Милый Поль, какой ты добрый! Какъ ты меня балуешь! Чего я для тебя на свѣтѣ не сдѣлаю! Ну, говори! Говори, чего хочешь! да говори же! (*Ласкаетъ его.*) Проси чего хочешь. Все, все на свѣтѣ. Ну, скажи, чего ты хочешь: сейчасъ же поѣду въ городъ и куплю тебѣ. (*Входитъ горничная.*)

Горничная.

Барыня, пожалуйста, швея пришла.

Серафима Карповна.

Поль, милый Поль, я сейчасъ приду. (*Уходитъ.*)

Ш.

Поль.

Странныя иногда у ней желанія являються, и не разберешь: отъ глупости это, или отъ любви ко мнѣ. Впрочемъ, это очень хорошо, что она меня такъ любитъ. Чего, говорить, ты хочешь? Чего? Разумѣется, денегъ. Значить, правду говорятъ, что у женщинъ сердце гораздо чувствительнѣе нашего. А я, признаться, этому прежде не вѣрилъ. Теперь я понимаю, что если любовь забереть ихъ за живое, такъ бери съ нихъ что хочешь. Да и хорошенькая какая! Да-

же такъ, если и съ другой стороны взять... да что тутъ разговари-
вать-то, просто наслажденіе! Если ужъ просить, такъ за-разъ боль-
шой кушъ; надо пользоваться минутой, пока она въ экстазѣ. (*Вхо-
дитъ Серафима Карповна.*) Ахъ, Серафима, я хотѣлъ съ тобой
поговорить.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

И я хотѣла съ тобой поговорить, Польш.

Польш.

Ну, такъ говори ты.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Нѣтъ, ты говори прежде.

Польш.

Нѣтъ, ты, Серафима.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Нѣтъ, ты.

Польш.

Я тебѣ уступаю, какъ дамъ, Серафима.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Вотъ что я хотѣла тебѣ сказать, мой Польш: ты каждый день со-
рочки мѣняешь, вѣдь это разсчитать.

Польш.

Что ты, съ ума что ли сошла! Что это за разсчитать для насъ?
Нѣтъ, я хотѣлъ поговорить совсѣмъ о другомъ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА.

Все таки, другъ ты мой (*цѣлуетъ его*), надобно разсчитывать.
Никакого въ этомъ суманствіи нѣтъ.

Польш.

Извини, Серафима! Я тебя понимаю, мой другъ; это даже хоро-
шо, что ты въ мелочахъ соблюдаешь экономію. Мелочи въ жизни
важное дѣло. Я очень радъ, что нашелъ въ тебѣ такую хозяйку.
Но я хочу съ тобой поговорить о болѣе важномъ дѣлѣ.

СЕРАФИМА КАРПОВНА!

Объ чемъ же это, Польш? Да, нѣтъ, постой! Что намъ объ дѣлѣ

говорить! Мы еще съ тобой мало о любви говорили. Теперь время свободное, ты не поѣхалъ въ присутствіе. Что намъ говорить объ дѣлахъ, поговоримъ о любви. (*Вздохъ и глаза къ небу.*)

Поль.

Объ любви еще мы уснѣемъ, когда только тебѣ будетъ угодно, а теперь мнѣ нужно объ дѣлѣ.

Серафима Карповна.

Ахъ, Поль, ты остался со мной; мнѣ теперь, право, ни о чемъ другомъ думать не хочется.

Поль.

Нѣтъ, Серафима, мнѣ, право, нужно съ тобой серьезно поговорить.

Серафима Карповна (*нѣсколько обижен-
нымъ тономъ*).

Что такое тебѣ нужно? Говори!

Поль.

Какъ ты хочешь употребить свой капиталъ?

Серафима Карповна.

Что за вопросъ! Я его никакъ не хочу употреблять; пускай лежить въ Совѣтѣ, а мы будемъ жить процентами.

Поль.

Но процентовъ очень мало, мой другъ! Мы лучше пустимъ капиталъ въ оборотъ.

Серафима Карповна.

Въ какой оборотъ?

Поль.

Напримѣръ, купимъ имѣніе.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что! Какое имѣніе?

Поль.

Ну, деревню въ хорошей губерніи, хоть въ Орловской.

Серафима Карповна.

Ни за что на свѣтѣ! Мужики не будутъ платить, деревня можетъ сгорѣть; пять лѣтъ неурожай! Чтожъ тогда дѣлать?

Поль.

Пять лѣтъ неурожай не бываетъ.

Серафима Карповна.

Однако можетъ быть; ты вѣдь не пророкъ.

Поль.

Ну, купимъ домъ, да пустимъ жильцовъ.

Серафима Карповна.

А жильцы платить не будутъ.

Поль.

Какъ это платить не будутъ? Съ нихъ всегда можно взыскать.

Серафима Карповна.

Ну, а домъ сгорить?

Поль.

Надо застраховать.

Серафима Карповна.

А придетъ непріятель, да раззоритъ все. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

Поль.

Ну, перестанемъ лучше объ этомъ говорить.

Серафима Карповна.

Ты самъ посуди. Ты молодой еще человѣкъ, у насъ могутъ быть дѣти.

Поль.

Конечно будутъ дѣти; но чтожъ изъ этого? Чѣмъ мы больше будемъ получать, тѣмъ больше дѣтямъ достанется.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, нѣтъ, я и говорить не хочу; а то мнѣ сейчасъ скучно сдѣлается. Ты и не разстройвай меня. Какіе тамъ обороты! Мы и такъ можемъ жить. Всего у насъ много (*Задумывается.*). Теперь время свободное, ты не поѣхалъ въ присутствіе... (*обнимаетъ Поля*).

Поль (*освобождается из объятий*).

Нѣтъ, Серафима, какъ ты хочешь, а мнѣ съ тобою нужно поговорить.

Серафима Карновна (*серьезно*).

Объ чемъ еще?

Поль.

А вотъ объ чемъ: дай ты мнѣ, коли любишь меня, пять тысячъ рублей серебромъ. Мнѣ очень нужно для одного дѣла. Дѣло, Серафима, очень выгодное, — я теперь тебѣ не скажу какое, но мы можемъ вдвое получить, а пожалуй, и больше. Да я почти увѣренъ, что больше.

Серафима Карновна.

Пять тысячъ рублей серебромъ... Сколько же это будетъ на ассигнаціи?

Поль.

Почемъ я знаю.

Серафима Карновна.

Постой, я сейчасъ сочту. (*Вынимаетъ изъ кармана бумажку и карандашъ и считаетъ.*) Ахъ, ахъ! (*Убѣгаетъ.*)

IV.

Поль.

Что же это такое? Чего она испугалась? Я ужъ и не пойму. Не думаетъ ли она, что я всю жизнь буду только одной любовью проѣвляться? Это будетъ очень оригинально! Скуна, что ли, она? Нужно же, наконецъ, узнать, что она боьше любить: меня или деньги? Коли меня — такъ дѣло поправить можно. А какъ деньги? Просто хотъ въ петлю лѣзь. (*Входитъ Прженева.*)

Прженева.

Bon jour, Paul!

Поль.

Bon jour, maman!

Прженева (*садится*).

Я сейчасъ заходила къ твоей женѣ; что съ ней сдѣлалось? Плачетъ и собирается куда-то ѣхать.

Поль.

Была маленькая сцена.

Прежнева.

Ахъ, Поль, такъ рано! Такъ скоро послѣ свадьбы! Не оскорбилъ ли ты ее чѣмъ нибудь? Женщина такое слабое, такое нѣжное созданіе.

Поль.

Какой чортъ оскорбилъ! Я только попросилъ у ней денегъ.

Прежнева.

Довольно ли ты нѣженъ былъ съ ней?

Поль.

Да, помилуйте, я цѣлый мѣсяцъ съ ней нѣжничалъ, жили какъ голуби. (*Хохочетъ.*) Только нынче рѣшился попросить денегъ. Она сначала было такъ расчувствовала, что любо. Проси, говоритъ, что хочешь; я все для тебя на свѣтѣ. Я хотъ сеічасъ, говоритъ, поѣду въ городъ и куплю тебѣ, чего хочешь. Чтожъ она мнѣ купишь? Собачку фарфоровую или сахарнаго гусара? А вотъ, какъ попросилъ я у ней пять тысячъ, такъ взвизнула да ушла... а теперь плачетъ. Это, чортъ знаетъ, что такое!

Прежнева.

У ней нѣтъ, нѣтъ чувствъ, мой другъ. Женщина для любимаго человѣка готова все на свѣтѣ. Нѣтъ, мой Поль, она не женщина.

Поль.

Нѣтъ, она женщина, только денегъ не дастъ.

Прежнева.

Ахъ, Поль, я думаю, что она современемъ тебя оцѣнитъ, — и такъ полюбитъ, такъ полюбитъ, (*восторженно*) что отдастъ въ твое полное распоряженіе и себя и... все свое состояніе.

Поль.

Да вѣдь этого нужно ждать, а мнѣ ждать нельзя.

ПРЕЖНЕВА.

Подожди, Поль! За то впередь какое блаженство ожидаетъ тебя.
(*Входитъ горничная съ письмомъ и бумажникомъ въ рукахъ и
подаетъ Полью.*)

Поль.

Это что такое?

ГОРНИЧНАЯ.

Барыня уѣхала и приказали вамъ отдать бумажникъ и письмо.
(*Уходитъ.*)

Поль.

Бумажникъ! Это хорошо! (*Кладетъ бумажникъ въ карманъ.*)

ПРЕЖНЕВА.

Я тебѣ говорила.

Поль.

Теперь почитаемо посланіе. (*Читаетъ.*) «Милый Поль! Какъ я ни люблю тебя, но намъ должно разстаться. Теперь всю жизнь мое сердце будетъ разрываться, и я буду день и ночь плакать по тебѣ. Я теперь хочу жить у паненьки, подобно заключенной, и оплакивать судьбу свою, а домъ этотъ продамъ. Теперь ужъ ты меня никогда не увидишь. Я тебя люблю всей душой, а ты мнѣ сегодня показалъ, что будто ты меня любишь изъ-денегъ. Но въ нашемъ кунеческомъ кругу не принято отдавать деньги. Что я буду значить, когда у меня не будетъ денегъ? — тогда я ничего не буду значить! Когда у меня не будетъ денегъ, — я кого полюблю, а меня, напротивъ того, не будутъ любить. А когда у меня будутъ деньги, — я кого полюблю, и меня будутъ любить, и мы будемъ счастливы. Я приготовила тебѣ къ именинамъ бумажникъ и сама вышила, и какъ я чувствовала, что тебѣ мой подарокъ будетъ очень пріятенъ, то и посылаю тебѣ. Ты къ паненькѣ не ѣзди, онъ у насъ очень сердитъ и очень разгнѣвается на тебя, когда все это узнаетъ; а я ничего не могу скрыть. Прощай, Поль! Когда будешь нуждаться въ деньгахъ, я тебѣ всегда готова помочь потихоньку отъ своихъ, только не много — рублей сто, не болѣе. Будь счастливъ. А я должна плакать всю жизнь. Твоя на вѣки, Серафима». — Что же это такое! Это такъ странно, что я даже этому и не вѣрю. Вѣроятно она шутить, или хочетъ меня поугатъ. Однако посмотримъ, что

такое за бумажникъ. Можетъ быть въ немъ что нибудь и есть.
(*Вынимаетъ изъ кармана.*)

ПРЕЖНЕВА.

Я почти увѣрена, Поль. Она вѣрно хотѣла тебѣ сдѣлать сюрпризъ.

Поль.

Бумажникъ щегольской! (*Развертываетъ его и разматриваетъ.*) Пусто!

ПРЕЖНЕВА.

Посмотри, нѣтъ ли гдѣ секретнаго какого отдѣленія?

Поль.

Вотъ есть и секретное, да въ немъ тоже ничего нѣтъ. (*Входитъ лакей.*) Что тебѣ?

ЛАКЕЙ.

Да, помилуйте, что же это такое? Шубу увезли.

Поль.

Какую шубу?

ЛАКЕЙ.

Вашу шубу. Велѣли положить къ барынѣ въ карету и увезли. Ужъ я съ Анюткой не мало ругался, да чтожъ съ ними сдѣлаешь. На чтожъ это похоже, я ужъ и не знаю.

Поль.

Маменька! Это ужъ не шутки.

ЛАКЕЙ.

Это, вѣдь, срамъ! Не первый годъ служу. (*Всплеснувъ руками.*) Господи! я и не видывалъ. Помилуйте, Павелъ Петровичъ!

Поль.

Ну, поди вонъ!

ЛАКЕЙ.

Да это и въ люди сказать, такъ стыда-то не оберешься. Что это такое? Что это такое? (*Уходитъ.*)

Поль (*сидясь и пристально глядя на мать*).

Маман!

ПРЕЖНЕВА.

Нынче у женщин совѣтъ нѣтъ сердца, совѣтъ нѣтъ.

Поль.

Позвольте мнѣ, маман, поблагодарить теперь васъ за двѣ вещи: во-первыхъ, за то, что вы промотали мое состояніе, а во-вторыхъ, за то, что воспитали меня такъ, что я нигуда не гожусь. Я умѣю только проживать. А гдѣ деньги, гдѣ? (*Горько.*) Гдѣ деньги? Ну, давайте мнѣ ихъ! Вамъ весело было, когда я восьми лѣтъ, въ бархатной курточкѣ, танцевалъ лучше всѣхъ дѣтей въ Москвѣ, и ужъ умѣлъ волочиться за маленькими дѣвочками! Вамъ весело было, когда я шестнадцати лѣтъ отлично скакалъ на лошади! Вы любовались, когда мы съ моимъ гувернеромъ, вашимъ любимцемъ, скакали по нашимъ наслѣдственнымъ полямъ. Вамъ весело было! При такомъ воспитаніи нужно имѣть деньги, чтобы играть значительную роль въ нашемъ обществѣ. Зачѣмъ же вы все промотали? Куда дѣлись наши имѣнія, наши крестьяне? Я блисталъ бы въ обществѣ наперекоръ всѣмъ этимъ ученымъ и современно образованнымъ людямъ съ новыми идеями. Мнѣ это было бы легко: они большой симпатіей не пользуются. А теперь что? Теперь вы, можетъ быть, будете имѣть удовольствіе видѣть меня выгнаннымъ изъ службы, праздношатающимся, картежнымъ игрокомъ, а можетъ быть и хуже. Чтожъ мнѣ дѣлать? Нельзя же мнѣ отъ живой жены жениться въ другой разъ. (*Опускаетъ голову на руки.*)

1857.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Страниц.
Бѣдность не порокъ	3
Не такъ живи, какъ хочется	77
Въ чужомъ пиру похмѣлье	133
Доходное мѣсто	179
Праздничный сонъ — до обѣда	287
Не сонлись характерами!	337
